

2020年 第5期

跨文化研究

主办单位：
湖州师范学院

地址：
湖州师范学院跨文化
研究中心(浙江省湖州
市二环东路 759 号)

邮箱：
02546@zjhu.edu.cn

电话：
0572-2321033

邮政编码：
313000

目录

■ 政治、经济	
维克多·彼洛仁科	3
乌克兰货币信贷政策的原则和 2021 年预算	
■ 教育理念	
埃琳娜·古列茨卡娅	20
当今学生 21 项技能的形成: 时代的挑战和克服它们的前景	
纳塔莉娅·戈兹	37
生态未来学研究话语中的生态教育问题的概念化	
■ 比较研究	
莉迪娅·彼洛仁科、王幸鑫	49
中国现代九年义务教育发展的主要方向和特点	
伊丽娜·沙利娅科娃-巴赞卡	63
白俄罗斯学校教育质量评估: 一套要求	
拉丽莎·斯莫林丘克	80
中国高等教育: 结构与主要方向发展	
奥克萨娜·马克西缅科	91
外语在乌克兰高等教育中的地位	
■ 教育学	
奥克萨娜·奥列尼克	102
自尊作为人格成功自我实现的条件	
奥尔加·克鲁	112
一体化(联合)教育与培育条件下特殊需要学生矫正工作的社会方向	
■ 历史	
瓦法·库里耶娃娜、依玛特·玛莎基哈努姆	129
阿塞拜疆物质和文化古迹的全球文明背景	
柳德米拉·尼古拉耶娃	140
14 世纪-16 世纪中期: 从地缘政治角度看主要方向	
■ 文化	
玛丽亚·布西吉纳	175
现代阿塞拜疆文化中的诺鲁孜节	
罗娅·塔吉耶娃	187
不同文明对话背景下的阿塞拜疆地毯编织艺术	
■ 跨文化研究中心简介	207

内部资料 免费赠阅

Content

■ *Politics and Economy*

Viktor Pirozhenko

The principles of monetary-credit policy of Ukraine and the budget for 2021

■ *Philosophy of education*

Elena Guletskaya

Formation of 21st skills in school students nowadays: time challenges and prospects for overcoming them

Nataliia Godz

Conceptualization of the problems of ecological education in the research discourse of Ecological Futurology

■ *Comparative research*

Lidiia Pirozhenko, Wang Xingxin

Main directions and features of development modern nine-year compulsory education in China

Iryna Shauliakova-Barzenka

Assessment of the quality of education in Belarusian schools: a set of requirements

Larysa Smolinchuk

Higher education in China: structure and main directions of development

Oksana Maksymenko

Foreign languages in higher education of Ukraine

■ *Pedagogical science*

Oksana Oliinyk

Self-esteem as a condition of personality successful self-realization

Olga Khrul

Social direction of corrective work with students with special needs in the conditions of integrated (joint) learning and upbringing

■ *History*

Vafa Kulieva, Neymat Meshadihanum

Global-civilizational context of material and cultural monuments of Azerbaijan

Liudmila Mikalayeva

Foreign policy of the grand duchy of Lithuania in the late 14th – mid 16th centuries: main directions from a geopolitical perspective

■ *Culture*

Maria Busygina

Navruz Holiday in modern Azerbaijan culture

Roya Tagieva

The art of Azerbaijani carpet weaving in the context of inter-civilizational dialogue

■ *Information about Huzhou University's Multi-cultural Center*

Содержание

■ *Политика. Экономика*

Виктор Пироженко

Принципы денежно-кредитной политики Украины и бюджет на 2021 год

■ *Философия образования*

Елена Гулецкая

Формирование навыков XXI века у современных школьников: вызовы времени и перспективы их преодоления

Наталья Годзь

Концептуализация проблем экологического воспитания в исследовательском дискурсе экологической футурологии

■ *Сравнительные исследования*

Лидия Пироженко, Ван Синсинь

Основные направления и особенности развития современного девятилетнего обязательного образования в КНР

Ирина Шевлякова-Борзенко

Оценка качества образования в школах Беларуси: комплекс требований

Лариса Смолинчук

Высшее образование в КНР: структура и основные направления развития

Оксана Максименко

Иностранные языки в высшей школе Украины

■ *Педагогическая наука*

Оксана Олейник

Самооценка как условие успешной самореализации личности

Ольга Хруль

Социальная направленность коррекционной работы с учащимися с особенностями психофизического развития в условиях интегрированного (совместного) обучения и воспитания

■ *История*

Вафа Кулиева, Неймат Мешадиханум

Глобально-цивилизационный контекст материально-культурных памятников Азербайджана

Людмила Николаева

Внешняя политика великого княжества литовского в конце XIV – середине XVI в.: основные направления в геополитической перспективе

■ *Культура*

Мария Бусыгина

Навруз в культуре современного Азербайджана

Ройа Тагиева

Искусство азербайджанского ковроткачества в контексте межцивилизационного диалога

■ *Информация о Мультикультурном центре Университета Хучжоу*

3

20

37

49

63

80

91

102

102

114

114

129

129

140

140

175

175

187

187

207

207

ПОЛИТИКА. ЭКОНОМИКА

УДК 336.711; 336.748

Viktor Pirozhenko

PhD;

Multicultural Research Center,

Huzhou University

(People's Republic of China)

THE PRINCIPLES OF MONETARY-CREDIT POLICY OF UKRAINE AND THE BUDGET FOR 2021

The article examines the fundamental foundations of the current monetary policy of Ukraine, which determined the features of the state budget for 2021. The government of Ukraine pays considerable attention to the need to activate Bank lending as a means of promoting economic growth. It is concluded that during the economic crisis caused by the coronavirus pandemic, the role of state regulation in the economy of Ukraine and its importance, both in financing large infrastructure projects and in equalizing the incomes of different groups of the population, is increasing. Attention is drawn to the fact that the economic authorities of Ukraine are following the global trend in this issue. In this situation, the optimal policy of the National Bank of Ukraine should promote additional issuance of the hryvnia through various asset purchase mechanisms, in particular, government bonds to increase lending to the real sector of the economy. The article assesses the probability of further reduction of the National Bank of Ukraine key rate for this purpose.

Keywords: monetary policy; National Bank of Ukraine; state budget deficit; key rate; inflation targeting.

乌克兰货币信贷政策的原则和 2021 年预算

本文考察了乌克兰现行货币政策的根本基础。它们决定了 2021 年国家预算的特点。乌克兰政府相当重视激活银行贷款作为促进经济增长手段的必要性。结论是，在冠状病毒大流行造成的经济危机期间，国家管制在乌克兰经济中所起的作用及其在资助大型基础设施项目和平衡不同人口群体收入方面的重要性正在增加。值得关注的事实是，乌克兰经济当局正在关注这个问题的全球趋势。在这种情况下，乌克兰国家银行的最佳政策应该是通过各种资产

购买机制，特别是政府债券，促进增发格里夫纳，以增加对实体经济部门的贷款。本文评估了乌克兰央行为此进一步下调关键利率的可能性。

关键词: 货币政策; 乌克兰国家银行; 国家预算赤字; 关键利率; 通货膨胀目标

Виктор Пироженко

*кандидат философских наук,
Межкультурный исследовательский центр,
Университет Хучжоу
(КНР)*

ПРИНЦИПЫ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ УКРАИНЫ И БЮДЖЕТ НА 2021 ГОД

В статье рассмотрены принципиальные основания актуальной денежно-кредитной политики Украины, которые определили особенности её государственного бюджета на 2021 год. Значительное внимание правительство Украины уделяет необходимости активизировать банковское кредитование как средство содействия экономическому росту. Сделан вывод о том, что в период экономического кризиса, вызванного пандемией коронавируса, повышается роль государственного регулирования в экономике Украины и его значение, как в финансировании крупных инфраструктурных проектов, так и в выравнивании доходов разных групп населения. Обращается внимание, что экономические власти Украины в этом вопросе идут в русле мировой тенденции. В этой ситуации оптимальной политикой Национального банка Украины могло бы быть содействие дополнительной эмиссии гривны через разные механизмы покупки активов, в частности, государственных облигаций для наращивания кредитования реального сектора экономики. В статье оценивается вероятность дальнейшего снижения с этой целью ключевой ставки Национального банка Украины.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика; Национальный банк Украины; дефицит государственного бюджета; ключевая ставка; инфляционное таргетирование.

Политика Национального банка Украины во время экономического кризиса

Украинская экономика встретила глобальный кризис уже в состоянии падения. Темпы прироста реального ВВП резко замедлились в четвёртом квартале 2019 г., а в начале 2020-го, по оценкам Минэкономики Украины, переместились в зону отрицательных значений.

Сокращение промышленного производства началось еще в июне 2019 г. Важно, что всё это произошло задолго до введения карантина. И одной из причин погружения экономики в рецессию стала неоднозначная монетарная политика Национального банка Украины (НБУ), что привело к сужению денежного предложения, снижению кредитной активности и значительной ревальвации гривны (носившей спекулятивный характер).

Внезапная остановка мировой экономики в марте 2020 г. подтолкнула большинство центральных банков прибегнуть к экстраординарным действиям ради смягчения последствий кризиса: резкому снижению ставок и нормативов обязательного резервирования, активизации рефинансирования банков, введению (или расширению) программ покупки активов и т. п. Масштабы и интенсивность стимулирующих мер уже превысили уровень 2008–2009 гг.

Характерной особенностью этого кризиса является то, что к значительному смягчению монетарных условий прибегли не только центральные банки-эмитенты резервных валют, но и большинство регуляторов развитых и развивающихся рынков.

Национальный банк Украины, с одной стороны, признает факт погружения украинской экономики в глубокий кризис (прогнозирует падение ВВП во втором квартале на 11,3% и в целом за 2020 год на 5%), а с другой стороны, его шаги по противодействию этому кризису ряд экспертов [1] считает недостаточно эффективными. По мнению специалистов НБУ, ответом на принудительную остановку экономики должны были стать сугубо рыночные инструменты, эффективность которых даже при отсутствии кризисных противоэпидемических мер была бы сомнительной.

В чём заключаются основные «антикризисные» шаги НБУ?

Прежде всего, нужно учитывать, что снижение учётной ставки с 13,5% до 11% с 31 января 2020 г. было обусловлено резким замедлением темпов инфляции и не имело никакого отношения к кризису, вызванному пандемией и карантинными мерами. Также нельзя считать антикризисным снижение учётной ставки до 10% с 13 марта, поскольку оно было предусмотрено ещё январским прогнозом и обосновано (как и в прошлый раз) исчерпанием инфляционного давления.

Первые формально антикризисные меры (кроме интервенций по продаже валюты) НБУ предпринял 17 марта, и касались они лишь некоторого смягчения банковского надзора,

в частности, были отложены внедрение буферов капитала, выездные проверки и стресс-испытания банков.

С 19 марта было увеличено число тендеров и изменен срок операций по управлению ликвидностью банков: срок кредитов рефинансирования увеличен с 14 до 30 дней (с 27 апреля – до 90 дней), а депозитных сертификатов – сокращён с 14 до 7 дней. В этом случае НБУ пошёл навстречу банкам, которые в условиях турбулентности на валютном рынке, очевидно, не очень хотели блокировать ликвидность на две недели.

Наконец, 23 апреля Правление НБУ утвердило решение о снижении учётной ставки до 8% годовых. На этот раз НБУ впервые обосновал своё решение по учётной ставке необходимостью поддержки экономики в условиях пандемии и карантинных мер. Нужно ещё раз обратить внимание: в контексте процентной политики реакцией Нацбанка на мировой кризис и принудительную остановку экономики стало снижение учётной ставки с 10 до 8% годовых на фоне инфляции 2,3%.

На первый взгляд, подобное снижение может показаться агрессивным, но таким его можно воспринимать лишь в пределах специфических представлений НБУ об оптимальной кредитно-денежной политике, которые он последовательно формировал в течение нескольких предыдущих лет.

Для сравнения: реагируя на кризис, Федеральная резервная система (ФРС) США на внеочередных заседаниях снизила диапазон ставок с 1,5–1,75 до 0–0,25%, Банк Англии – с 0,75 до 0,1%, ставка по основным операциям рефинансирования Европейского Центрального Банка (ЕЦБ) находится на нулевом уровне с 2016 г. (ставка по депозитам отрицательная) и может быть снижена.

Следует добавить, что, например, Национальный банк Польши снизил свою ключевую ставку с 1,5 до 0,5% (в условиях инфляции 4,6%), Национальный банк Молдовы – с 5,5 до 3,25% (в условиях инфляции 5,9%). Стоит отметить, что в обеих странах уровень инфляции значительно превышает целевой ориентир центрального банка: 2,5 и 5% соответственно.

Но на Украине даже после «антикризисного» снижения учётной ставки НБУ её уровень в 3,5 раза превышает текущий уровень потребительской инфляции (2,3%), а

реальная ставка (с учётом текущего уровня базовой инфляции 3,1%) составляет 5%, тогда как в большинстве стран она отрицательная.

Ситуация с коронавирусом создала уникальный шанс для НБУ радикально пересмотреть свою монетарную политику, в частности, ощутимо снизить учётную ставку и отвязать от нее ставку по депозитным сертификатам. Однако регулятор не воспользовался этим шансом. Высокая учетная ставка, кроме замедления экономической активности, ограничивает возможности самого НБУ оперативно реагировать на изменения рыночной конъюнктуры. То есть, если ситуация потребует повышения ставки (например, в случае дестабилизации валютного рынка), это значительно проще сделать с более низкого уровня, чем с более высокого.

Показательно, что НБУ не изменил прогноз уровня учётной ставки на конец 2020 г. (7%) по сравнению с докризисным сценарием. Это может свидетельствовать о том, что в отношении процентной политики реакция НБУ на кризис спорная.

Ещё в марте НБУ объявил о внедрении механизма долгосрочного рефинансирования. Правда, эту меру сложно считать новой, поскольку возможность предоставлять долгосрочные кредиты рефинансирования на срок от одного до пяти лет была предусмотрена положением о применении стандартных инструментов регулирования ликвидности с 1 августа 2018 г. Но раньше процентная ставка по таким кредитам определялась на уровне не ниже учётной ставки – плюс 2 процентных пункта, а в «антикризисной» интерпретации – как учётная ставка плюс постоянная величина в процентных пунктах.

Сейчас эта «постоянная величина» установлена на уровне нуля и с 8 мая долгосрочное рефинансирование уже предоставлялось по ставке 8%, которая будет меняться на протяжении всего срока пользования кредитом в случае изменения учётной ставки. Можно предположить (учитывая политику НБУ прошлых лет – склонность к высоким ставкам), что спрос на такое долгосрочное рефинансирование могут создать только государственные банки для покупки облигаций временного госзайма (ОВГЗ) или предоставления кредитов государственным корпорациям. О каком-либо кредитовании частного бизнеса в этом случае речь не идёт.

Чтобы правильно оценить ситуацию, следует обратиться к иностранному опыту. К примеру, ЕЦБ в контексте антикризисных мер снизил ставку по долгосрочным операциям

рефинансирования (LTROs) до уровня ставки по депозитам овернайт – сейчас составляет минус 0,5% (раньше ставка по LTROs устанавливалась на уровне ставки по основным операциям рефинансирования на семь дней и равнялась 0%). Более того, для банков, активно кредитующих реальный сектор украинской экономики, ставка по целевым долгосрочным операциям рефинансирования может быть даже ниже ставки по депозитам овернайт на 0,5 процентных пункта (то есть минус 1%).

Принимая во внимание сильное снижение кредитной активности, НБУ могло бы воспользоваться опытом ЕЦБ и внедрить не просто долгосрочное, а целевое рефинансирование банков по низким (возможно, и нулевым) ставкам для кредитования предприятий реального сектора экономики. 31 марта Совет НБУ рекомендовал правлению рассмотреть возможность введения целевого рефинансирования, и реакция была положительная.

Украинские экономические эксперты подчёркивают, что кроме долгосрочных ресурсов разблокирование кредитования бизнеса требует не косметического, а ощутимого смягчения требований к определению банками размера кредитного риска, особенно с учётом ухудшения финансового состояния заёмщиков в условиях кризиса. Однако пока НБУ прилагает максимум усилий, чтобы не допустить увеличения собственных вложений в государственные облигации. Таким образом, у НБУ имеется предубеждение против этого классического инструмента монетарной политики.

В контексте текущего кризиса программы покупки активов применили не только ФРС США и ЕЦБ, но и центральные банки таких стран, как Польша, Венгрия, Румыния, Новая Зеландия, Израиль, Филиппины, Египет, ЮАР и др. Можно не напоминать, что валюты этих стран не относятся к резервным.

НБУ обосновывает своё нежелание использовать все инструменты монетарной политики отсылкой к опыту 1990-х, 2008 и 2014 гг. Кроме того, в Национальном банке рассчитывают на то, что дефицит бюджета будет профинансирован за счёт займов МВФ. Но, во-первых, это мало чем отличается от упомянутой выше покупки Национальным банком ОВГЗ. Ведь в обоих случаях НБУ эмитирует гривну. С тем отличием, что в одном случае у него остаются доллары в резервах (обязательства ФРС США), а в другом – ОВГЗ (обязательства украинского государства). Во-вторых, в случае, если внешнего

финансирования не хватит, Нацбанку всё же придётся прибегнуть к покупке государственных облигаций, потому что НБУ ранее доказывал, что монетизация ОВГЗ – это путь к гиперинфляции. Следует добавить, что вследствие сверхжёсткой монетарной политики НБУ объём денежной базы относительно ВВП за пять последних лет сократился с 20,2 до 11,5%. А значит, увеличение её номинального объёма даже на 50 % лишь частично восполнило бы потери и вернуло бы упомянутое выше отношение до уровня 2016 г. (15%).

Украинские эксперты [1] считают, что наряду с изменениями в процентной политике (о чём говорилось выше) НБУ целесообразно было бы инициировать изменения в статью 42 Закона о Национальном Банке Украины (либо искать другой способ урегулирования) для создания возможности предоставлять целевое рефинансирование по низким ставкам. Кроме того, регулятору следовало бы найти возможность приобрести ОВГЗ, не обременяя украинский бюджет дополнительными расходами по обслуживанию долга.

В этой ситуации следует учитывать, что инфляция – это неприятная, но не критическая вещь, которая в разумных пределах может иметь и положительные последствия (стимулирование деловой активности, наполнение бюджета). Как считают эксперты, это был бы оптимальный ответ центрального банка на кризисную ситуацию, в которой оказалась Украина.

Основные принципы денежно-кредитной политики Украины (среднесрочная перспектива)

В начале сентября Совет НБУ одобрил Основные принципы денежно-кредитной политики на 2021 г. и среднесрочную перспективу – основной стратегический документ Национального банка. Председатель Совета НБУ Богдан Данилишин чётко акцентировал внимание на том, что в 2021 г. и в среднесрочной перспективе Национальный банк будет применять режим гибкого инфляционного таргетирования, который, по его словам, предусматривает использование новых подходов к формированию денежно-кредитной политики. Как следствие, некоторые СМИ сообщили об изменении монетарной политики НБУ.

Вместе с тем в официальном пресс-релизе украинского регулятора речь идет о том, что согласно Основным принципам НБУ будет продолжать политику таргетирования инфляции для обеспечения ценовой и финансовой стабильности, а также содействия

устойчивым темпам прироста ВВП. Кроме того, в ходе заседания 10 сентября член Совета НБУ Александр Петрик заметил, что ключевым в Основных принципах является то, что Национальный банк Украины будет продолжать применять режим инфляционного таргетирования.

Принимая во внимание различие в акцентах, целесообразно задаться вопросом: следует ли в следующем году ожидать существенных изменений политики НБУ?

Начнем с монетарного режима. В Основных принципах на 2020 г. определение было лаконичным: «В 2020 году и в дальнейшем Национальный банк будет использовать режим инфляционного таргетирования для достижения целей по ценовой стабильности» [2]. В то же время в Основных принципах на 2021 год подход более содержательный: «В 2021 году и в дальнейшем Национальный банк продолжит использовать монетарный режим гибкого инфляционного таргетирования, который основывается на плавающем обменном курсе, с акцентом на поддержание финансовой стабильности и обеспечение устойчивых темпов экономического роста» [2].

То есть в новом документе определение монетарного режима предусматривает ориентацию на все три цели Национального банка, определённые в статье 6 Закона о НБУ, что является огромным шагом вперед по сравнению с практикой нескольких предыдущих лет. Тогда НБУ ориентировался исключительно на ценовую стабильность, фактически игнорируя необходимость способствовать экономическому росту.

Указанное изменение подходов также отображено в перечне принципов монетарной политики: на второй позиции (сразу после приоритетности достижения и поддержки ценовой стабильности) задекларировано «поддержание экономического роста с учётом гибкости режима инфляционного таргетирования».

В тексте Основных принципов значительное внимание уделено необходимости активизировать банковское кредитование как средство содействия экономическому росту. И это не удивительно с учётом того факта, что восстановление кредитования является одним из основных приоритетов деятельности главы НБУ Кирилла Шевченко (который также является членом Совета НБУ по должности).

Положительной оценки [2] заслуживает то, что в контексте задач по содействию финансовой стабильности и экономическому росту Совет НБУ уделит внимание

необходимости обеспечить эффективное перераспределение финансовых ресурсов. Это чрезвычайно важный момент, поскольку из-за жёсткости монетарной политики НБУ нескольких последних лет приоритетным направлением деятельности для банков стало вложение средств в государственные облигации и депозитные сертификаты НБУ на фоне фактической остановки кредитования производственной сферы.

Присутствие среди инструментов монетарной политики «покупки и продажи государственных ценных бумаг на вторичном рынке» очень контрастирует с предыдущей практикой дискредитации этого классического инструмента управления ликвидностью, к которой Правление НБУ прибегло весной нынешнего года.

Есть в документе и несколько противоречивых моментов.

В разделе 2.1 «Монетарный режим и цели монетарной политики» читаем следующее: «Инфляционное таргетирование, впервые закрепленное в Основных принципах на 2017 год и среднесрочную перспективу, ожидаемо продемонстрировало последовательность политики в достижении низкой и стабильной инфляции и поддержании устойчивых темпов экономического роста на Украине» [2].

Вопрос поддержания устойчивых темпов экономического роста достаточно сложен. Есть серьёзные основания утверждать, что та версия режима инфляционного таргетирования, которую НБУ применял в течение нескольких предыдущих лет, стала одной из причин погружения украинской экономики в рецессию ещё до наступления коронакризиса.

Кроме того, вышеупомянутое положение Основных принципов противоречит негативной оценке влияния денежно-кредитной политики на состояние социально-экономического развития Украины, которую дал сам Совет НБУ в конце прошлого года (решение от 17 декабря 2019 г.).

Следующий проблемный момент касается оценки Советом НБУ степени жёсткости текущих монетарных условий. В разделе 1.2 «Экономика Украины и риски» речь идет о том, что «монетарная и фискальная политики будут оставаться мягкими, пока эффекты со стороны сжатого спроса будут превалировать и определять низкоинфляционную среду» [2]. Другими словами, Совет НБУ считает, что сейчас монетарная политика мягкая, а это очень дискуссионный вопрос.

Для определения степени жёсткости монетарной политики Национальный банк использует теоретическое понятие реальной нейтральной процентной ставки, которая для Украины самим НБУ оценена на уровне 2%. Прибавив к ней инфляционную цель 5%, получаем [2] номинальный уровень нейтральной ставки 7%. По логике Нацбанка, текущая монетарная политика мягкая (стимулирующая), поскольку учётная ставка (6%) ниже вышеупомянутого «нейтрального» уровня.

Но если обратиться к более простым, но более надёжным расчётам и сравнить учётную ставку не с прогнозным (увеличенным на реальную нейтральную ставку), а с текущим уровнем инфляции (2,5%), выясним, что монетарная политика Национального банка Украины была и остаётся одной из самых жёстких в мире. Реальный уровень учётной ставки (посчитанный как разница между номинальной ставкой и текущей инфляцией) существенно превышает соответствующие показатели соседних с Украиной стран, а в Молдавии, Польше, Румынии, Венгрии, Турции реальная ставка вообще отрицательная. С учётом вышеупомянутых соображений достаточно сложно считать монетарную политику НБУ мягкой.

Для полноты картины следует отметить, что действующий прогноз НБУ по динамике учётной ставки предусматривает её неизменность до конца 2020 г. и повышение до 6,5% в следующем году. Но, несмотря на наличие некоторых противоречивых моментов, украинские эксперты [2] констатируют, что Основные принципы денежно-кредитной политики на 2021 г. и среднесрочную перспективу приближают политику НБУ к потребностям украинской экономики.

Макроэкономические основы проекта бюджета на 2021 г.

С учётом заявленных принципов следует рассматривать проект госбюджета Украины на 2021 год, который Кабинет министров Украины утвердил 14 сентября. В документе говорится [3] о необходимости мер по обеспечению сбалансированности бюджетных поступлений и снижения налогового долга. Также законопроект предусматривает стимулирование экономической активности субъектов хозяйствования в условиях карантина. Также принят проект закона «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Украины относительно урегулирования ряда вопросов, связанных с подготовкой проекта закона о Государственном бюджете Украины на 2021 год».

Доходы государственного бюджета запланированы в сумме 1071,1 млрд грн, что составляет 23,8% ВВП, который прогнозируется на 2021 г. Данный относительный показатель на 0,8 % ВВП меньше плановых доходов бюджета 2020 г. и на 1,3 % ВВП меньше фактического уровня доходов 2019 г. Доходы сводного бюджета (включает государственный и местные бюджеты) прогнозируются Министерством финансов Украины в сумме 1408,6 млрд грн или 31,3% ВВП, что на 1,3 % ВВП меньше, чем по плану на 2020 г. и на 1,2 % меньше, чем фактически в 2019 г.

Сокращение доли в ВВП плановых доходов государства в 2020–2021 гг. является закономерным явлением, поскольку гибкость доходов государства относительно ВВП во многих случаях больше единицы (особенно это касается налогов на доходы и прибыль). Кроме того, в следующем году предполагается существенное сокращение неналоговых поступлений в государственный бюджет, в результате уменьшения отчислений прибыли государственных предприятий в бюджет и влияния некоторых временных факторов.

Снижение показателей доходов государственного и сводного бюджетов Украины относительно ВВП при составлении бюджета на 2021 г. свидетельствует об использовании Министерством финансов консервативного прогноза доходов бюджета. Но в основу прогноза доходов государственного и сводного бюджетов Украины положен оптимистический макроэкономический прогноз правительства Украины.

Данный прогноз [3] включает показатели роста реального ВВП на 4,6%, повышение потребительских цен (декабрь к декабрю) на 7,3 % и производство номинального ВВП в сумме 4505,9 млрд грн. Согласно экспертным оценкам, указанный вариант макроэкономического прогноза предполагает чрезмерно оптимистичные темпы роста реального ВВП Украины, завышенные темпы инфляции и неоправданно высокий уровень номинального ВВП.

Сумма номинального ВВП по правительственному прогнозу, который положен в основу бюджета – 4506 млрд грн, существенно превышает альтернативные прогнозы номинального ВВП (4277–4391 млрд грн). Если в 2021 г. фактический ВВП окажется ниже прогнозируемого, то с высокой вероятностью правительство Украины не получит плановых поступлений в государственный и сводный бюджеты (даже при реализации иных предпосылок прогноза доходов бюджета).

В ситуации продолжения пандемии коронавируса и/или ухудшения конъюнктуры международных товарных и финансовых рынков экономическая рецессия в 2021 г. будет продолжаться, а экономика, возможно, начнёт восстановление только со второго полугодия 2021 г. В таком случае более низкие абсолютные суммы доходов экономических субъектов розничного товарооборота в 2021 г. с высокой вероятностью будут определять низкий уровень поступлений в бюджет Украины по сравнению с плановыми.

Расходы [4] государственного бюджета в 2021 г., согласно проекту бюджета, должны составить 1331 млрд грн, или 29,5% ВВП. Относительный уровень этих расходов должен увеличиться на 1,8–2,5 % ВВП относительно расходов 2018–2019 гг. Но относительно плановых расходов 2020 г. величина расходов 2021 г. должна быть сокращена на 2,3 % ВВП. Учитывая беспрецедентный характер нынешнего экономического и эпидемиологического кризиса, увеличение относительного показателя бюджетных расходов является закономерным. В период экономического кризиса даже либеральное государство традиционно принимает на себя дополнительные функции, невольно переходя на кейнсианские позиции в экономике.

Очевидно, что в Украине, как и во многих странах мира борьба с экономическим коллапсом требует от государства должного финансирования здравоохранения, увеличения объёмов социальной поддержки населения и кредитной поддержки предпринимательства.

Данные МВФ подтверждают: общая тенденция по наращиванию государственных расходов проявляется во многих странах мира [4]. Так, расходы сектора общего государственного управления в развитых странах должны увеличиться относительно 2019 г. на 5,1 % ВВП в 2020 г. и на 2,2 % ВВП в 2021 г. А в странах с формирующимися рынками и средними доходами прирост расходов составит 2,5 % ВВП в 2020 и 1,4 % ВВП в 2021 г. Возрастание роли государства в перераспределительных процессах является экономически обоснованным и соответствует экономическим вызовам, порождённым пандемией и кризисом в экономике.

Вызовы бюджета 2021 г.

Одним из важных факторов при расчёте параметров доходов и расходов стала вероятность получения Украиной кредита МВФ до конца 2021 г. Заместитель главы НБУ Дмитрий Сологуб считает, что возможность получить два транша от МВФ до конца 2020 г.а

потеряна. Реально следует стараться получить один, понимая, что он будет привязан к принятию Украиной госбюджета 2021 г. По его словам, НБУ предлагал правительству формировать проект госбюджета 2021 г. на более консервативном прогнозе, чем заявленный, в частности, по инфляции 7,3% и среднегодовом курсе гривны 29,1 грн/долл.

Д. Сологуб добавил, что заложенный Кабмином дефицит госбюджета 6% ВВП противоречит принципу контрцикличности, заложенном в программе с Фондом, и есть сомнения относительно возможности его финансирования. Задержка с международным финансированием связана с отставкой в начале июля главы НБУ Я. Смолия.

НБУ ожидает фактический дефицит бюджета в 2020 г. на уровне 6–6,5% ВВП вместо предусмотренных в проекте госбюджета 7,5%, что правильно с точки зрения контрцикличности. Бюджетный дефицит снизился ниже прогнозного в связи с сильным недофинансированием существующих расходов. Наверстать их в последние месяцы 2020 г. будет непросто с учётом возможностей финансирования [5].

Выполнение бюджета 2021 г. будет осуществляться на Украине в условиях экстраординарных шоков, вызванных продолжающейся с прошлого года рецессией экономики, усиленной кризисом коронавируса. Ряд дисбалансов текущего состояния экономики, таких как падение промышленного производства, сокращение сферы услуг, уменьшение сбережений населения, рост уровня безработицы, существенно осложняют возможность выполнения бюджета. В то же время неопределённость относительно распространения эпидемии и связанных с ней эффектов на внешних товарных и финансовых рынках также добавляют турбулентности бюджетному процессу.

Бюджет 2021 г., как и бюджет 2020 г., планируется с существенным дефицитом в размере 6 % ВВП (в 2020 г. запланировано 7,5 % ВВП). То есть акцентом проекта бюджета остаётся расширение [6] государственного спроса, что вполне соответствует вызовам кризисного периода, рекомендациям МВФ и других международных организаций и текущей мировой практике антикризисного регулирования.

Если в 2015–2019 гг. под давлением международных кредиторов Министерство финансов проводило последовательную политику фискальной консолидации и через фискальные инструменты изъяло из украинской экономики 7,9–% ВВП (в виде первичного профицита), то в бюджеты 2020–2021 гг. закладывается расширение государственного

спроса на 6,2-% ВВП (за 2 года). То есть, только после пяти лет последовательно реструктуризационной фискальной политики в условиях беспрецедентного экономического и эпидемиологического кризиса украинское государство будет отдавать в экономику больше, чем получать. Фактически в прошлых годах дефицит бюджета вполне поглощался выплатой процентов по обслуживанию долга: первичный профицит в среднем за 2015–2019 гг. составил 1,6 % ВВП. Зато дефицит государственного бюджета 2021 г. лишь на 60 % должен быть сформирован за счёт обслуживания долга и на 40 % – за счёт дополнительных расходов на поддержку экономики и социальной сферы (в 2020 г. соответствующая пропорция составляет 49 % / 51 %).

Другие ключевые показатели проекта государственного бюджета выглядят следующим образом:

- доходы (без трансфертов): 23,5 % ВВП (самое низкое значение за последние 5 лет);
- расходы (без трансфертов): 26,6 % ВВП (самое высокое после 2020 значение за последние 5 лет);
- межбюджетные трансферты 3,0 % ВВП (самое низкое значение за последние 5 лет).

Основными приоритетами расходной политики Украины будут здравоохранение, образование, дорожная инфраструктура. То есть важное внимание уделено вопросам сохранения и развития человеческого капитала, улучшению физической инфраструктуры.

Отдельный акцент проекта бюджета сделан на усилении перераспределительной функции государственных финансов и уменьшении уровня бедности работающих граждан. Именно на это направляются мероприятия, связанные с повышением размера минимальной заработной платы (на 30 % в среднем по году), увеличением зарплат учителей и медиков, финансированием программ поддержки малого и среднего бизнеса и тому подобное.

Существенных изменений в налоговом законодательстве Украины не предусматривается. Зато рост доли налоговых доходов в составе доходов бюджета (до рекордных 88 %) предполагается достичь за счёт усиления эффективности мер по противодействию уклонению от налогообложения, в частности в сфере администрирования НДС. Это является позитивным сигналом для бизнеса, работающего прозрачно, выполняющего свои обязательства перед государством.

Потребности в финансировании бюджета (дефицит + погашение долга) составят 15,8 % ВВП, что наряду с ожидаемыми показателями 2020 (16,2 % ВВП) являются самыми высокими значениями за всю историю Украины (другие пиковые значения потребностей в финансировании наблюдались в 2009 и 2014 гг. – 9,4 % и 11,8 % ВВП соответственно) [6].

Поскольку почти 80 % потребностей в финансировании бюджета предполагается покрывать за счёт внутренних заимствований, это выдвигает соответствующие требования по вместимости и ликвидности рынка ОВГЗ, особенно вторичного рынка. Украинские эксперты считают, что в данном контексте важно обеспечить эффективность работы НБУ как независимого монетарного регулятора и органа, отвечающего за стабильность финансовых рынков.

Также несмотря на то, что значительную часть государственного долга составляют обязательства в иностранной валюте (67 %), важно, чтобы динамика обменного курса согласовывалась с фундаментальными тенденциями развития экономики, а не подвергала государственные финансы и бизнес неожиданным убыткам от спекулятивной деятельности на валютном рынке (курсовой волатильности).

Ключевыми рисками для экономики Украины в ходе выполнения бюджета 2021 г. видятся:

- продолжение нисходящей динамики промышленного производства и, соответственно, сужение налоговой базы доходов бюджета;
- дальнейшее распространение эпидемии коронавируса, что будет вызывать необходимость как дополнительных расходов бюджета на здравоохранение, так и усиления карантинных мероприятий;
- возможна девальвация национальной валюты к сверхождаемым значениям вследствие активного восстановления заторможенного коронавирусом потребительского и инвестиционного спроса на импорт, а также вследствие сравнительно низкого урожая зерновых в 2020 г.;
- невыполнение плана заимствований в государственный бюджет в результате сужения ёмкости внутреннего рынка и /или закрытия международного рынка капиталов для правительства Украины под действием деструктивных процессов внутреннего или глобального характера.

В итоге, бюджетный процесс 2021 г. начат на Украине в чрезвычайный период экономического кризиса и кризиса публичной системы здравоохранения. Данная ситуация требует активного применения, как традиционных, так и нетрадиционных инструментов макроэкономической политики.

Список использованных источников

1. Джус М. Независимость НБУ от потребностей общества // Зеркало недели: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zn.ua/economic-security/nezavisimost-nbu-ot-potrebnostey-obschestva-353909_.html (дата обращения: 12.05.2020).
2. Джус М. Шаг к светлому монетарному будущему // Зеркало недели: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zn.ua/macrolevel/shah-k-svetlomu-monetarnomu-budushchemu.html> (дата обращения: 22.09.2020).
3. Кабмин принял проект закона о госбюжете на 2021 год // Зеркало недели: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zn.ua/ECONOMICS/kabmin-prinjal-proekt-zakona-o-hosbjudzhetе-na-2021.html> (дата обращения: 14.09.2020).
4. Богдан Т. Макроэкономические основы проекта бюджета на 2021 год // Левый берег: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lb.ua/blog/tetiana_bohdan/466762_makroekonomichni_zasadi_proektu.html (дата обращения: 25.09.2020).
5. НБУ прогнозирует дефицит госбюжета в 2020 году на уровне 6-6,5% ВВП // Зеркало недели: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zn.ua/ECONOMICS/nbu-prohnoziruеt-defitsit-hosbjudzhetа-v-2020-hodu-na-urovne-6-6-5-vvp.html> (дата обращения: 24.09.2020).
6. Данилишин Б. Бюджет-2021: Самые низкие за пять лет доходы // Минпром: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.minprom.ua/digest/264378.html> (дата обращения: 16.09.2020).

References

1. Dzhus M. Nezavisimost' NBU ot potrebnosti obshchestva // Zerkalo nedeli: [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://zn.ua/economic-security/nezavisimost-nbu-ot-potrebnostey-obshchestva-353909_.html (data obrashcheniya: 12.05.2020).
2. Dzhus M. Shag k svetlomu monetarnomu budushchemu // Zerkalo nedeli: [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://zn.ua/macrolevel/shah-k-svetlomu-monetarnomu-budushchemu.html> (data obrashcheniya: 22.09.2020).
3. Kabmin prinjal proekt zakona o gosbyudzhetе na 2021 god // Zerkalo nedeli: [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://zn.ua/ECONOMICS/kabmin-prinjal-proekt-zakona-o-hosbjudzhete-na-2021.html> (data obrashcheniya: 14.09.2020).
4. Bogdan T. Makroekonomicheskie osnovy proekta byudzheta na 2021 god // Levyi bereg: [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://lb.ua/blog/tetiana_bohdan/466762_makroekonomichni_zasadi_proektu.html (data obrashcheniya: 25.09.2020).
5. NBU prognoziruet defitsit gosbyudzheta v 2020 godu na urovne 6-6,5% VVP // Zerkalo nedeli: [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://zn.ua/ECONOMICS/nbu-prohnoziruet-defitsit-hosbjudzheta-v-2020-hodu-na-urovne-6-6-5-vvp.html> (data obrashcheniya: 24.09.2020).
6. Danilishin B. Byudzhет-2021: Samye nizkie za pyat' let dokhody // Minprom: [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.minprom.ua/digest/264378.html> (data obrashcheniya: 16.09.2020).

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 373.1

Elena Guletskaya,
PhD, associate professor,
National Institute of Education
(Belarus)

FORMATION OF 21ST SKILLS IN SCHOOL STUDENTS NOWADAYS: TIME CHALLENGES AND PROSPECTS FOR OVERCOMING THEM

The article analyzes the factors that determine the need for students to form human skills of the 21st century. Based on international experience, the directions for updating the national education system are justified. The vision of updated content, forms, methods of teaching skills of the 21st century and assessment procedures for their measurement is presented.

Keywords: skills of the 21st century; teaching models, content of education; teaching methods; assessment of human skills of the 21st century.

当今学生 21 项技能的形成: 时代的挑战和克服它们的前景

文章分析了决定学生形成 21 世纪人类技能需求的因素。从国际经验来看, 国家教育体系的更新方向是合理的。更新的内容、形式、21 世纪教学技能的方法和评估程序的测量都有所体现。

关键词: 21 世纪的技能; 教学模式; 教学内容; 教学方法; 21 世纪人类技能的评估

Елена Гулецкая,
кандидат педагогических наук, доцент,
Национальный институт образования
(Беларусь)

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ XXI ВЕКА У СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

В статье проанализированы факторы, обуславливающие необходимость формирования у учащихся навыков человека XXI века. С опорой на международный опыт обоснованы направления обновления национальной системы образования. Представлено

видение обновленного содержания, форм, методов обучения навыкам XXI века и оценочных процедур для их измерения.

Ключевые слова: навыки XXI века; модели обучения; содержание образования; методы обучения; оценка навыков человека XXI века.

Введение

В центре внимания международных исследователей в области качества образования – системное обновление содержания образования, методов и форм обучения, оценки образовательных результатов в соответствии с запросами времени. Несмотря на то, что у разработчиков разных стран отсутствует единство взглядов на модель образования XXI в., приоритетные направления обновления определены уже сегодня, и они охватывают весь период школьного обучения. Навыки, о которых пойдет речь в настоящей статье, закладываются в раннем детстве, и чем раньше ребёнок или ученик попадает в среду, благоприятную для их развития, тем лучше.

Цивилизационные вызовы

Какие экономические катаклизмы и трансформации наблюдаются в современном глобализированном и цифровом мире и как они меняют образование завтрашнего дня?

Готов ли современный выпускник работать и быть успешным в современных условиях?

Какие личностные качества будут востребованы в сложном и противоречивом мире?

Какие навыки человека XXI в. необходимо формировать в школе?

В цифровую эпоху возникает необходимость подготовки молодого поколения к существованию в сложном изменчивом мире и формированию компетенций, помогающих в этом. По мнению основателя и президента Всемирного экономического форума (ВЭФ) Клауса Мартина Шваба (Давос, 2016) [1, с. 8], ускоренное развитие технологий вместе с сопутствующими социальными изменениями ознаменовали четвёртую технологическую революцию. Известный эксперт прогнозирует автоматизацию экономики, которая приведёт к потребности в специалистах не привычного, линейного типа карьеры, а креативных, гибких, мобильных, готовых к сотрудничеству с другими людьми и с системами искусственного

интеллекта. Предполагается, что долю рутинного труда будут выполнять роботы, а миссия человека будет определена необходимостью заменить их там, где возможности искусственного интеллекта ограничены.

Обзор новых профессий ближайшего десятилетия подтверждает ожидания человечества в части технологических и инновационных прорывов, к которым, вероятнее всего, будут не готовы рынки труда и система образования. В дополнение сказанному приведем перечень профессий, которые по прогнозам футурологов будут востребованы в 2030 г. [2] (рисунок 1).

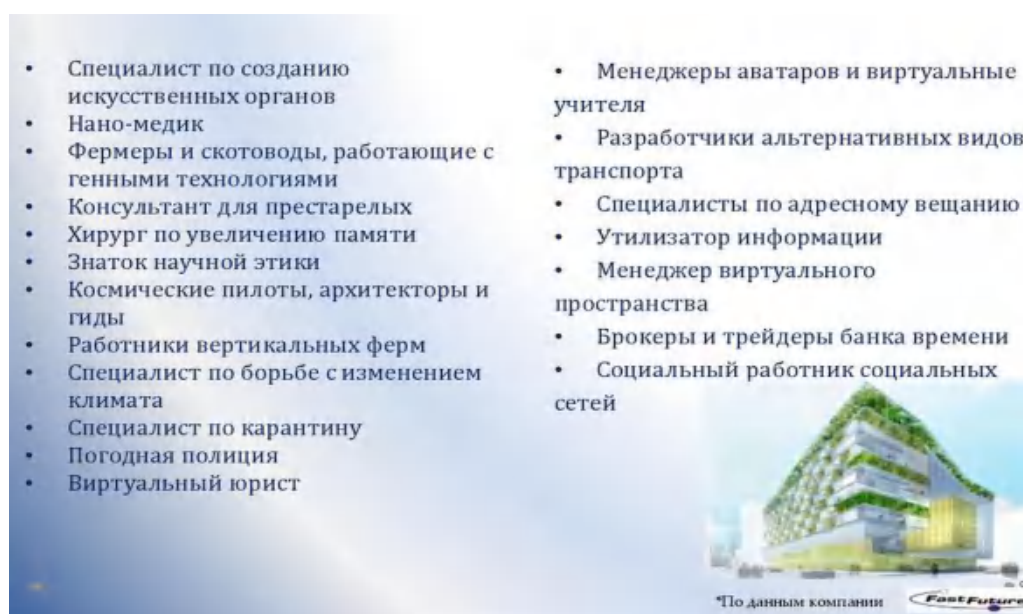

Рис. 1. Прогнозы футурологов: профессии, которые будут востребованы в 2030 г.

Добавим, что по данным некоторых исследований [3] 85 % профессий, которые будут существовать в 2030 г., ещё не изобретены.

Цифровая эпоха ускоренными темпами преобразует все стороны жизни и экономики: увеличиваются материальный, интеллектуальный и технологический разрывы между людьми и между целыми странами. В связи с этим особую ценность приобретает активность человека, его трансформирующая сила по отношению к обстоятельствам, адаптивность к изменениям, умения учиться и переучиваться [4, с. 1]. Эта же мысль подчёркивается в докладе государственного и общественного российского деятеля, ученого А. М. Кондакова,

где он связывает мощь экономики страны не с запасами сырья в недрах и количеством заводов, а с экономикой человеческого капитала, инноваций и технологий [2].

Профессор Патрик Гриффин, основатель исследовательского проекта ATC21S и директор Центра исследования оценки в Университете Мельбурна, образно представил, как менялось рабочее место человека в различные исторические эпохи: *ферма – фабрика – офис – виртуальное рабочее место*. Точно также, по мнению учёного, должна меняться система образования, иначе она никогда не сможет подготовить людей к жизни [5].

Усложняющаяся среда обитания человека требует, чтобы, отвечая на её вызовы, человек «стал сложнее»: самостоятельно добывал и критически оценивал информацию, владел навыками работы в команде, умел работать на результат и добиваться успеха, имел лидерские качества, силу воли, ответственность. То есть работодателей в большей степени стали интересовать *soft skills* («мягкие», «гибкие» навыки), которые признаны залогом успеха в любом виде деятельности.

А. М. Кондаков ставит во главу угла не только ключевые компетенции школьника, но и его личностные качества, которые актуализируются в связи с нарастающими темпами изменения реальности. По мнению учёного, выпускник школы 2030 г. должен обладать инновационным поведением, а также совокупностью ключевых компетенций, востребованных на рынке труда в XXI в. Выпускник должен:

- быть готовым к образованию на протяжении всей жизни;
- обладать читательской компетенцией, разными видами вербального и невербального общения, математической грамотностью;
- быть креативным, критически мыслящим;
- эффективно взаимодействовать с другими людьми;
- уметь осознанно рисковать;
- уметь адаптироваться к быстро меняющимся условиям;
- толерантно и уважительно относиться к другим людям, культурам, мнениям;
- адекватно оценивать свои сильные и слабые стороны;
- быть мотивированным к учению, решению сложных комплексных задач, лидерству [2].

Анализ моделей навыков человека XXI века

В центре внимания исследователей всего мира в настоящее время находятся следующие вопросы:

Как черты общества будущего сказываются на содержании образования?

Какие методы и формы организации образовательного процесса направлены на формирование навыков человека XXI века?

Проблему формирования навыков человека XXI в. впервые начали исследовать в 90-е годы прошлого столетия в странах и регионах, где индустриальная перестройка осуществлялась быстрыми темпами (Китай, Финляндия, США, Канада, Сингапур, Южная Корея и т. д.). Позже идею трансформации содержания образования продолжили другие развитые страны, а также консорциумы – с целью системной проработки методов обучения и оценки образовательных результатов, приблизив их к потребностям рынка труда, высшего образования и всех потребителей сферы образования.

Мы проанализировали опыт наиболее продвинутых стран и международных авторитетных консорциумов, разрабатывающих классификации навыков XXI в.¹ и пришли к выводу, что анализ и составление списков навыков человека XXI в. – непростая задача по нескольким причинам:

во-первых, каждая страна (консорциум) предлагает свой набор «мягких» навыков;

во-вторых, они частично пересекаются между собой, а частично – дополняют друг друга;

в-третьих, между ними сложно установить взаимное соответствие ввиду синонимичности используемых понятий (навыки – умения – качества – компетенции – грамотности).

Так, например, проведенный российскими учёными анализ литературы и нормативных документов по оценке навыков человека XXI в. включает более 180 рамок компонентов, в которых в синонимичных выражениях употребляются группы понятий: универсальные (метапредметные, ключевые, внепредметные) навыки (умения,

¹ «Партнёрство по обучению в XXI веке» (P21), «Оценка и обучение навыка XXI века» (ATCS), «Международные научно-технологические стандарты» (ISTE), «Образование–2030» (ОЭСР), УКНГ (Российская Федерация) и др.

компетенции); навыки человека XXI в., Soft skills и т.д. [6]. Но при всём терминологическом многообразии в каждом случае имеется в виду универсальный характер этих понятий – не ограниченный особой отраслью деятельности, познания, изучаемой дисциплиной или учебным предметом.

Остановимся на наиболее авторитетных и масштабных исследованиях классификаций навыков человека XXI в. Международная организация ЮНЕСКО в сотрудничестве с партнёрами разработала документ, содержащий инструментарий диагностики качества общего образования [7]. В документе приводятся перечни ключевых компетенций, которые заявлены в качестве приоритетов образовательной политики в таких странах, как Великобритания (Северная Ирландия и Шотландия), Норвегия, Австралия, Индонезия, Сингапур, Намибия и ЮАР. При беглом просмотре данных списков ключевых компетенций можно выявить наиболее часто встречающиеся целевые установки:

- когнитивные навыки (критическое мышление, решение проблем), умения пользоваться информационно-коммуникационными технологиями;
- коммуникативные навыки (социальное взаимодействие, работа в команде, сотрудничество);
- личностные качества (черты характера) человека.

Проблема формирования универсальных навыков на мировом уровне исследовалась в рамках реализации крупного международного научного проекта по оценке и обучению навыкам XXI в. (ATC21S) (2009-2012 гг.) [8]. Инициаторами проекта по разработке новой системы образования явились вице-президенты трёх крупнейших компаний в области информационных технологий (Microsoft, Cisco, Intel), руководство проектом ATC21S осуществлялось профессором Мельбурнского университета Патриком Гриффиным. В ходе исследования были определены десять навыков человека XXI в., которые сгруппированы в четыре широкие категории [9]:

- методы мышления, включающие креативность, критическое мышление, решение проблем и принятие решений;
- методы работы, включающие взаимодействие и связь;
- инструменты для работы, такие как информационно-коммуникационные технологии и информационная грамотность;

– жизненные навыки, такие как гражданственность, выбор карьеры, личная и социальная ответственность.

Гарвардский Центр перепроектирования учебных программ (Center for Curriculum Redesign) предложил модель четырехмерного образования XXI в. [10]:

- 1) знания («что мы знаем и понимаем»);
- 2) навыки («как мы используем наши знания»);
- 3) характер («как мы ведем себя и вовлекаемся в мир»);
- 4) мета-обучение («как мы размышляем и адаптируемся»).

В сотрудничестве с проектом Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) «Образование–2030» авторы Чарльз Фейдл, Майя Бялик и Берни Триллинг проанализировали, синтезировали и классифицировали 32 модели и обнаружили, что по всем четырем граням образования XXI в. существует общее согласие (рисунок 2).

Рис. 2. Модель четырехмерного образования XXI в.

Отвечая на вызовы времени, ОЭСР в 2015 г. начала глобальный межстрановой проект «Образование–2030» [10; 11], задача которого – поддержать государства в переосмыслении реформы образования, определить приоритетные компетенции, которые будут иметь решающее значение и актуальность для учеников, чтобы создать будущее. Этот проект

нацелен на формирование к 2020 г. общих для развитых стран принципов развития школы; общего понимания *знаний, навыков, взглядов и ценностей*, необходимых учащимся в XXI в. В нём анализируются не только новые компетентности и грамотности, но и всё предметное содержание, методы оценки. Основы *обучения и преподавания* создаются совместно политиками, исследователями, школьными лидерами, учителями и студентами со всего мира.

Швейцарская организация «Всемирный экономический форум» (более известная как Давосский форум) в 2015 г. опубликовала отчёт «Новый взгляд на образование: раскрывая потенциал образовательных технологий» (New Vision for Education) [12] (рисунок 3).

Рисунок 3. Новый взгляд на образование: раскрывая потенциал образовательных технологий (Давос–2015).

Авторы документа выделяют три основные группы навыков (на базе 16 рассматриваемых):

- 1) базовая грамотность;
- 2) компетенции;

3) качества характера.

На основе анализа научной литературы и информации о ситуации в образовании примерно в ста странах мира в отчёте констатируется наличие существенного разрыва между запросами современного рынка и уровнем развития у молодежи необходимых качеств, названных «компетенциями XXI в.». Несомненным новшеством данной классификации явилось разделение списков по трём основаниям: грамотности – компетенции – качества характера и выявление их отличительных свойств, что, в сравнении с предыдущими списками, подавалось как рядоположенное.

Идея выделения четырёх компетенций (4 «К»): критическое мышление, креативность, коммуникация, коллаборация (что равнозначно сотрудничеству) получила дальнейшее развитие в исследовании российских учёных Высшей школы экономики (ВШЭ) в проекте «Универсальные компетентности и новая грамотность: чему учить сегодня для успеха завтра» (УКНГ) [6]. В данном исследовании было обосновано разделение грамотностей и компетентностей как понятий, имеющих различную природу и направленность; разведена базовая грамотность на базовую инструментальную и базовую специальную.

Общую рамку универсальных компетентностей и новой грамотности авторы представили следующим образом:

Компетентности:

- мышления (критическое и креативное мышление; понимание и интерпретация; анализ и аргументация);
- взаимодействия с другими (способность к сотрудничеству, умение договариваться);
- взаимодействия с собой (саморегуляция, самоконтроль, самоорганизация).

Новая грамотность:

- базовая инструментальная (читательская, математическая, вычислительная, алгоритмическая);
- базовая специальная (современные знания и навыки поведения в актуальных областях).

По мнению авторов, базовая инструментальная грамотность основана на современных инструментах коммуникации и функционирует в режимах «человек-человек» и «человек-машина». К базовой специальной грамотности учёные причисляют около 50

грамотностей, необходимых человеку будущего, в их числе экономическая, политическая, финансовая, правовая, гражданская и т. д. Все компетентности формируются на основе базовой грамотности.

Разработанные перечни универсальных компетентностей и новой грамотности позволят решить ряд стратегических задач, связанных с конструированием содержания образования и диагностикой образовательных результатов учащихся [6]:

- оценить прогресс сформированности универсальных компетентностей;
- прояснить области содержательного обновления учебных программ;
- обобщить образовательный опыт ученика, раздробленный между отдельными учебными предметами, в общий контекст деятельности, формируя системное восприятие практических ситуаций;
- разработать такие оценочные задания, которые ориентированы на оценку комплексной способности действовать во внеучебных ситуациях и решать определённые задачи.

Анализ рамок навыков / компетенций / компетентностей XXI в. позволяет сделать вывод о том, что концептуальной идеей для всех рассмотренных международных проектов выступает компетентностный подход, который заложил вектор обновления содержания образования от академической грамотности до функциональной. Несмотря на различия в основаниях классификаций, объединяющим стержнем данных перечней являются когнитивные способности, саморегуляция, сотрудничество, личностные качества учащихся. Все перечисленное представляет собой «мягкие» навыки, являющиеся надстройкой над «жесткими» предметными, и служит залогом успешной социализации и личностного развития учащихся.

Как «взрастить» навыки человека XXI века в современной школе?

На каком учебном материале должны формироваться навыки XXI в.?

Каким требованиям должны отвечать содержание, методы и формы обучения?

Как оценивать навыки XXI в.?

Какова роль учителя в организации образовательного процесса?

Формирование навыков человека XXI в. сопряжено с решением нескольких вопросов системы образования (*чему учить? с помощью чего учить? как учить?*), ответы на которые

позволяют определить вектор обновления содержания образования и форм организации образовательного процесса.

В условиях быстрого устаревания информации и повышения требований к подготовке ученика ставки делаются на наращивание потенциала преадаптивности – подготовки личности к постоянному обучению на протяжении всей жизни. Это актуализирует необходимость непрерывного формирования умения учиться на протяжении всего обучения.

В рамках школьного образования навыки XXI в. сопряжены с умением учиться – основным средством (инструментом) самообразования человека. Отправной точкой в формировании навыков в отечественном образовании является внедрение нового образовательного стандарта [13]. Если ранее формирование умения учиться в нормативных документах декларировалось и никак не диагностировалось, то с введением нового образовательного стандарта комплексное формирование предметных, личностных и метапредметных результатов становится обязательным требованием к подготовке учащихся на всех ступенях и требует измерения сформированности последних.

Уровень метапредметного представления содержания образования призван обеспечить формирование компетенций мышления, компетенций взаимодействия с собой и компетенций взаимодействия с социумом, что на языке универсальных учебных действий означает умения управления собственной познавательной деятельностью, организации собственной учебной деятельности, коммуникации и взаимодействия с одноклассниками.

Обеспечение комплексности результатов обучения требует решения непреодолимой проблемы: как в условиях хронической нехватки учебного времени сформировать и предметные результаты, и навыки человека XXI в.? Целесообразно ли для формирования метапредметных результатов выделять отдельные уроки, например, уроки проведения проектно-исследовательских работ, уроки читательской грамотности или уроки развития критического мышления, тем самым расширяя Типовой учебный план на несколько позиций?

Анализ зарубежного опыта свидетельствует, что формирование навыков человека XXI в. и предметных результатов – это взаимосвязанные и взаимообусловленные части одной цепи. А именно: развитие навыков XXI в. целесообразно осуществлять на предметном содержании, фокусируясь на возможностях, заложенных в самом учебном предмете;

развитие навыков XXI в. облегчает освоение предметного содержания; интеграция предметных и метапредметных результатов способствует усилению связи с жизнью; реализации дидактического принципа сознательности и активности обучения, формирует у учащихся целостное восприятие картины мира. В результате возникает положительная обратная связь, способствующая как освоению предметного содержания, так и личностному, общекультурному и познавательному развитию учащегося.

Какова особенность конструирования заданий, направленных на формирование навыков XXI в.? Ответ на данный вопрос кроется в понятии «компетенция» – умении (способности) действовать в неопределённой ситуации. Имеется в виду решение ситуационных задач, выявляющих стратегии поведения и план действия в ситуации с заданными условиями, выполнение заданий исследовательского типа, поиск смыслов и рассмотрение альтернативных точек зрения.

Реализация навыков XXI в. знаменует смену способов (типов) обучения с объяснительно-иллюстративного на активно-деятельностный и влечёт за собой использование частично-поисковых, исследовательских и проблемных методов обучения, формирующих абстрактное, критическое, креативное мышление и универсальные способы действий с учебным материалом. Формированию активности и учебной самостоятельности учащихся способствует использование различных технологий и форм работы на уроке в зависимости от вектора направленности метапредметного результата (на мышление, на себя, на взаимодействие).

Прежде всего, это технология развивающего обучения, согласно которой знания являются не целью и конечным результатом обучения, а средой развития у учащихся целостной совокупности личностных качеств (Л. В. Занков, Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов). Именно развивающая среда создает условия для формирования субъектности учения, в ходе чего у ученика формируется познавательная активность и учебная самостоятельность, то есть он способен научить себя учиться. В этом выражается направленность результатов на собственную регуляцию деятельности: ученик самостоятельно ставит цели, планирует деятельность, рефлексировать, контролирует себя. В условиях традиционного обучения (в отличие от развивающего) этапы регуляции частично или полностью сворачиваются, что приводит к задержке развития учащегося.

Коммуникация и кооперация (взаимодействие) как формы парного и группового сотрудничества учащихся на уроке зачастую игнорируются учителями ввиду экономии учебного времени. Но именно они развивают у учащихся мотивацию, способность к лидерству, умение договариваться, слушать и слышать, управлять временем, презентовать коллективный продукт труда. Навыки командной работы отрабатываются в процессе проведения ролевых игр, проектных исследовательских работ, тренингов.

Оценка навыков XXI в. несопоставимо сложнее, чем оценка предметных результатов. Относительно легко измеряются познавательные компетенции, диагностирующие критическое мышление, креативность, информационные умения, смысловое чтение и т. д. Регулятивные и коммуникативные умения раскрываются в ходе продолжительного наблюдения за учеником в образовательной среде: например, то, как учащиеся взаимодействуют между собой в ходе выполнения проектной работы, как они умеют договариваться и распределять роли т.д.

Ключевую роль в отслеживании динамики сформированности навыков XXI в. играет «формирующее» оценивание – оценивание для корректировки темпа и насущных задач каждого ученика; диагностика потребностей учащихся, требующая постоянного установления обратной связи. Это гораздо более сложный способ обучения для педагога, так как требует большего включения, тонкого персонализированного подхода к каждому ученику. Учитель выступает в роли мотиватора и коммуникатора, который направляет, поддерживает, помогает, поощряет.

Освоение новых технологий обучения и практик «формирующего» оценивания нацеливает педагогов на постоянное самообразование, взаимодействие с профессиональным сообществом и обмен опытом, а администрацию учреждений образования – на создание самообучающегося педагогического сообщества по внедрению инновационного педагогического опыта. Обучение через исследование, персонализация обучения, оценивание для обучения (оценить сегодня, чтобы научить завтра) – вот принципы обучения XXI в., которые определяют векторы развития современного творческого учителя. Овладение учащимися названными компетенциями потребует изменения позиции педагога: не эксперт и транслятор знаний, а фасилитатор (модератор, навигатор, тренер), идущий в ногу со временем и работающий на опережение.

Переориентация системы образования на формирование у учащихся навыков XXI в. требует комплексной реализации организационных, процедурных, содержательных и кадровых условий: обновление нормативных документов, разработку научно-методического обеспечения, измерительных материалов, обновление методов обучения, реализацию практик наставничества, создание насыщенной образовательной среды, в которой можно «взрастить» данные навыки.

Основные векторы национального обновления системы образования строятся на основе концептуальных рамок навыков XXI в., представленных в международных стандартах [10; 12], а также накопленного положительного зарубежного опыта. Трансформация системы образования, по нашему мнению, должна начинаться с осознания её необходимости, переосмысления роли учителя и ученика в образовательном процессе, создания мотивирующей среды как для учащихся, так и для педагогов, изменения подходов к отбору дидактических средств обучения и инструментов оценки образовательных результатов.

Последние из перечисленных представим тезисно:

- отбор содержания обучения предусматривает интеграцию образовательных областей и комплексное решение проблемных задач;
- ключевые формы обучения – сотрудничество, взаимодействие;
- методы обучения и виды деятельности на уроке – исследовательские, проектные, поисковые;
- особенности оценки – «формирующее» оценивание; комплексная оценка образовательных результатов (личностные, предметные, метапредметные); накопительная оценка (портфолио).

Список использованных источников

1. Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире [Электронный ресурс] / Лошкарева Е. и др. // Союз «Молодые профессионалы (Ворлдскиллс Россия)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://worldskills.ru/assets/docs/media/WSdoklad_12_okt_rus.pdf (дата обращения: 17.02.2020).

2. Кондаков, А. Образование: время перемен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docplayer.ru/32184471-Obrazovanie-vremya-peremen-aleksandr-kondakov-prezident-ooo-in>

stitut-mobilnyh-obrazovatelnyh-sistem-d-p-n-chlen-korrespondent-rao.html (дата обращения: 17.02.2020).

3. Новое исследование Dell Technologies раскрывает прогнозы на 2030 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.crn.ru/news/detail.php?ID=124371> (дата обращения: 17.02.2020).

4. Компетенции 21 века в национальных стандартах школьного образования. Аналитический обзор в рамках проекта подготовки международного доклада «Ключевые компетенции и новая грамотность: от деклараций к реальности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vbudushee.ru/files/4countrycases_1.pdf (дата обращения: 17.02.2020).

5. Гриффин, П. Школам нужны аналитики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edutainme.ru/post/griffin> (дата обращения: 17.02.2020).

6. Универсальные компетентности и новая грамотность: чему учить сегодня для успеха завтра. Предварительные выводы международного доклада о тенденциях трансформации школьного образования / И. Д. Фрумин, М. С. Добрякова, К. А. Баранников, И. М. Реморенко; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – 28 с.– (Современная аналитика образования. № 2 (19)).

7. Международное бюро образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ibe.unesco.org/en/geqaf/annexes/technical-notes/examples-countries'-definitionskeycore-competencies> (дата обращения: 17.02.2020).

8. Навыки ATC21S 21-го века. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://resources.ats2020.eu/resource-details/LITR/ATC21S> (дата обращения: 17.02.2020).

9. Поиск и измерение навыков 21 века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://intalent.pro/article/poisk-i-izmerenie-navykov-21-veka.html> (дата обращения: 17.02.2020).

10. Фадель, Ч. Четырехмерное образование: компетенции необходимые для успеха: [пер. с англ.] / Ч. Фадель, М. Бялик, Б. Триллин; Благотворит. фонд Сбербанка «Взгляд в будущее»; [предисл. А. Асмолова]. – М. : Точка, 2018. – 235 с.

11. OECD [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://www.oecd.org/education/2030-project/about/> (дата обращения: 17.02.2020).

12. New Vision for Education Unlocking the Potential of Technology [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/WEFUSA_NewVisionforEducation_Report2015.pdf (дата обращения: 17.02.2020).

13. Образовательный стандарт начального образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://adu.by/images/2019/01/obr-standarty-ob-sred-obrazovaniya.pdf> (дата обращения: 17.02.2020).

References

1. Navyki budushchego. Chto nuzhno znat' i umet' v novom slozhnom mire [Elektronnyi resurs] / Loshkareva E. i dr. // Soyuz «Molodye professionaly (Worldskills Rossiya)» [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://worldskills.ru/assets/docs/media/WSdoklad_12_okt_rus.pdf (data obrashcheniya: 17.02.2020).

2. Kondakov, A. Obrazovanie: vremya peremen [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://docplayer.ru/32184471-Obrazovanie-vremya-peremen-aleksandr-kondakov-prezident-ooo-i-nstitut-mobilnyh-obrazovatelnyh-sistem-d-p-n-chlen-korrespondent-rao.html> (data obrashcheniya: 17.02.2020).

3. Novoe issledovanie Dell Technologies raskryvaet prognozy na 2030 god [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.crn.ru/news/detail.php?ID=124371> (data obrashcheniya: 17.02.2020).

4. Kompetentsii 21 veka v natsional'nykh standartakh shkol'nogo obrazovaniya. Analiticheskii obzor v ramkakh proekta podgotovki mezhdunarodnogo doklada «Klyuchevye kompetentsii i novaya gramotnost': ot deklaratsii k real'nosti» [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://vbudushee.ru/files/4countrycases_1.pdf (data obrashcheniya dostupa: 17.02.2020).

5. Griffin, P. Shkolam nuzhny analitiki [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.edutainme.ru/post/griffin> (data obrashcheniya: 17.02.2020).

6. Universal'nye kompetentnosti i novaya gramotnost': chemu uchit' segodnya dlya uspekha zavtra. Predvaritel'nye vyvody mezhdunarodnogo doklada o tendentsiyakh transformatsii shkol'nogo obrazovaniya / I. D. Frumin, M. S. Dobryakova, K. A. Barannikov, I. M. Remorenko;

Natsional'nyi issledovatel'skii universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», Institut obrazovaniya. – M.: NIU VShE, 2018. – 28 s.– (Sovremennaya analitika obrazovaniya. № 2 (19)).

7. Mezhdunarodnoe byuro obrazovaniya [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.ibe.unesco.org/en/geqaf/annexes/technical-notes/examples-countries'-definitionskeycore-competencies> (data obrashcheniya: 17.02.2020).

8. Navyki ATS21S 21-go veka. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://resources.ats2020.eu/resource-details/LITR/ATC21S> (data obrashcheniya: 17.02.2020).

9. Poisk i izmerenie navykov 21 veka [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://intalent.pro/article/poisk-i-izmerenie-navykov-21-veka.html> (data obrashcheniya: 17.02.2020).

10. Fadel', Ch. Chetyrekhmernoe obrazovanie: kompetentsii neobkhodimye dlya uspekha: [per. s angl.] / Ch. Fadel], M. Byalik, B. Trilling; Blagotvorit. fond Sberbanka «Vzglyad v budushchee» [predisl. A. Asmolova]. – M. : Tochka, 2018. – 235 s.

11. OECD [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.oecd.org/education/2030-project/about/> (data obrashcheniya: 17.02.2020).

12. New Vision for Education Unlocking the Potential of Technology [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: http://www3.weforum.org/docs/WEFUSA_NewVisionforEducation_Report2015.pdf (data obrashcheniya: 17.02.2020).

13. Obrazovatel'nyi standart nachal'nogo obrazovaniya [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://adu.by/images/2019/01/obr-standarty-ob-sred-obrazovaniya.pdf> (data obrashcheniya: 17.02.2020).

УДК 001.18:502:504:101.1+37.01

Nataliia Godz

*Doctor of Philosophical Sciences, Associate professor;
National Technical University «Kharkiv Polytechnic Institute»
(Ukraine)*

CONCEPTUALISATION OF THE PROBLEMS OF ECOLOGICAL EDUCATION IN THE RESEARCH DISCOURSE OF ECOLOGICAL FUTUROLOGY

The article is devoted to the main issues of Ecological education in the direction of Ecological Futurology. The primary tasks and the opportunities for upbringing of the coming generation are represented by means of the key points of the direction such as planning and modelling. The target audience covers schoolchildren and students, and specialists in engineering and other specialties who work primarily with projects.

Keywords: Ecology; Ecological Futurology; philosophy of ecology; ecological education; prognosis; modelling; education; upbringing.

生态未来学研究话语中的生态教育问题的概念化

本文从生态未来学的角度探讨了生态教育的主要问题。主要任务和培养下一代的机会是通过规划和建模等方向的关键点来体现的。目标受众包括学童和学生、工程方面的专家，以及其他主要从事项目工作的专业人员。

关键词: 生态学；生态未来学；哲学；生态哲学；生态教育；预后；建模；教育；教养

Наталія Годзь

*доктор філософських наук, доцент;
Національний технічний університет
«Харківський політехнічний інститут»
(Україна)*

КОНЦЕПТУАЛІЗАЦІЯ ПРОБЛЕМ ЕКОЛОГІЧЕСКОГО ВОСПІТАННЯ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ДИСКУРСЕ ЕКОЛОГІЧЕСКОЙ ФУТУРОЛОГИИ

Статья посвящена основным вопросам экологического образования в направлении «Экологическая футурология». Первоочередные задачи и возможности воспитания подрастающего поколения представлены на основе ключевых позиции направления таких

как планирование и моделирование. Целевой аудиторией рассматриваются поколения от школьников и студентов до специалистов инженерных и других специальностей, работающих в первую очередь с проектами.

Ключевые слова: экология; экологическая футурология; философия экологии; экологическое образование; прогноз; моделирование; образование, воспитание.

Рассматривая наше обозримое и далекое будущее, мы должны подходить к процессу с пониманием множественности сценариев его реализации, хотя бы потому, что существует традиционная градация на «глобальное» и «локальное». Оба варианта такого членения имеют свои «собственные» условия для реализации вариантов характерного им существования и/или реализации в будущем. Но в любом случае «естественная среда» не должна переходить границу «неестественной»: в исследованиях при переводе «Экологическое образование», «Экологическая футурология» мы постоянно подчеркиваем при переводе именно «Ecological», так как «природоохранность» это черта более прикладного исследования, а, следовательно, иного образовательного направления по многим характеристикам. Таким образом, возвращаясь к обсуждаемой теме, спросим себя, что же является маркером, с помощью которого удастся разделить и отделить «естественное» от «неестественного» при переходе от эпохи к эпохе и от технологии к технологии? На наш взгляд, именно в этой связи уместно не просто вводить в использование понятие «Экологическая футурология», но и настаивать на более глубоком понимании задач нынешнего человечества как при осмыслении экологии в целом, так и при всей производственной и ментальной его жизнедеятельности, направленной в будущее [1]. Следует отметить, что В. Шкода и А. Фомичев работали над понятием «Экологическая футурология». В данном контексте мы отметим, что футурология нуждается в самопознании своих ресурсов как теоретической и практической науки, уточняющее ее название «Экологическая футурология», которое, по нашему мнению, создает более конкретное и целостное понимание ее задач и возможностей.

Экологическое воспитание имеет огромное значение как на уровне самого государства, так и на уровне межгосударственных коммуникаций. Оно начинается с самого юного возраста и не заканчивается в пожилом, поскольку меняются технологии, появляются новые материалы и способы работы в них и с ними – следовательно, людей взрослого поколения

следует постоянно информировать относительно появляющихся новшеств. Подчеркнем, что идею приближения к экологическому природоохранному образованию находим уже в работах Платона. Это подтверждают правильность нашего понимания задач экологии и футурологии в том, что природоохранность как часть отношения к действительности проходит сквозь несколько тысячелетий человеческой истории и имеет свою историю и традиции, а, следовательно, и особенности на каждом этапе ее развития.

Проективное движение, как практической деятельности, так и мыслительной, художественно-образной, на наш взгляд, должно придерживаться в образовании главной стратегии (которая никак не предполагает единственно верное решение, а наоборот, подчеркивает свободу и вариабельность в подходах) – стратегии сохранения возможности симбиоза природного и технологического, самообновления и самовосстановления природы и природного в условиях постоянно изменчивого технологического, технотронного, химико-технологического бытия, в условиях кризиса ресурсов. Именно Экологическая Футурология, на наш взгляд, есть сформулированным лейтмотивом и акцентом, объясняющим, как причины движения вперед, так и его цель – поэтому данное направление следует вводить в образовательных вузах и в научно-исследовательских институтах.

Объединение природных ресурсов, проблема вторичного использования отходов, как и проблема питьевой воды являются первоочередными к рассмотрению, а, следовательно, и их рассмотрению через образовательные и воспитательные стратегии в школах и университетах, на рабочих местах в производстве. Климатические изменения очень сильно влияют на развитие экономики и торговые потоки.

Вопросы экологической парадигмы в системе экологического образования также детально разработаны в диссертационной работе Г. Ярчука [2, с.1–16]. Это подтверждает нашу точку зрения о необходимости введения не просто элементов экологического воспитания и обучения, а преобразования их под углом проективного знания, того, что мы называем «Экологическая футурология», тем самым подготавливая воспитанников и сами программы к возможности включения нового знания, которое уже есть, или которое может появиться в ближайшем будущем.

Подчеркнём, что воспитание и образование, как и вся система власти, в том числе и государственной обязана опираться на этические концепты. Экология – пример науки, во

многим выводящей этические компоненты на первый план, например, через природоохраняющие стратегии, гуманистические, проблему кризисов и вопросы сосуществования человека с природными ареалами жизни животных и растений и т.п. То есть разработка этических вопросов, вопросов биоэтики очень близка экологии. Но мы ещё раз не поленимся подчеркнуть, что, идея связи экологии и «чистой природы» и множество концепций природоохранной деятельности скорее сигнализируют об отсталости представлений человечества относительно настоящих потребностей природы, общества и функций, и задач самой экологии.

Г. Царегородцев отмечал о прямой зависимости между интерпретацией фактов и научных открытий, и политических устремлений. Как пример, он приводит печальную историю одного из открытий. В 1908 г. П. Эрлихом в лаборатории был открыт стрептоцид, но так как в этой лаборатории было уже создано и произведено много непроданных веществ, то его промышленным производством не занимались в этой фирме: это было невыгодно; и только когда другие фирмы раскрыли его секрет производства, в 1938 году он стал поступать в продажу [3, с.19]. Не это ли еще одна причина имеющихся или грозящих быть в наличии и экологических проблем – «невыгодность». И наоборот, опасное перебрасывание внимания на те программы, от которых можно получить хорошее финансирование.

К. Маца, отмечая роль экологического образования в формировании нового научного мировоззрения, акцентирует, что через объективные и субъективные причины экспансия в развитии человеческого вида по пути его доминантного развития приводит к тому, что человечество превращает планету в арену монополярной жизни. Ссылаясь на идеи Л. Бергаланфи о необходимости «целостности жизни» К. Маца отмечает с сожалением, что идея Всеединства не получила должного трактования и развития. Экология, по мнению данного автора должна быть именно тщательным теоретическим и философским обобщением частных экологических концепций и теорий. Центральное место в метаэкологии должна занимать концепция И. Сеченова (1861 г.) о неотделимости живого организма от его среды существования [4, с.10–15]. На наш взгляд, дух американского прагматизма хоть и оправдан, но должен быть понят в экологии с определёнными оговорками, так как природа и среда не есть чистый механизм, с которым работает научное сознание в рамках прагматизма. Она (природа) во многом еще не изведена, и даже в изученном, принимается как ряд

определенных вариаций гипотез, парадигм и научных теорий.

Подчеркнем, что образовательные программы в экологическом воспитании и образовании являются очень сложными по их наполнению и созданию. Так как здесь должен учитываться вопрос интегральности знаний, вопрос появления новых дисциплин и междисциплинарных связей. В этой связи важны исследования, проводимые А. Фомичевым в плане экологических стратегий, их взаимосвязи с научными открытиями и вопросами, связанными с такими направлениями, как экология права и биоэтика, экологическая этика. Именно этот автор как никто другой аргументированно и научно подчёркивает необходимость экологического образования и распространения норм экологической этики и экологического мышления на преодоление экологического кризиса [5, с. 129]. Рассматривая научный подход к критериям интеграции концепций экоразвития, он пишет, что в проблемы экологии теперь входят и проблемы климатообразования.

При экологическом воспитании необходимо учитывать фактор взаимозависимой связи между поступками и просчетами как каждого отдельного члена общества, так и групп специалистов, даже поколений при их ежедневной жизненной практике. Нарушаются биосистемы, уменьшается биоразнообразие и, как следствие, меняется рельеф, а за ним меняется и климат. Обращаем внимание, что А. Фомичев поддерживает методологическое обобщение ученых Г. Заварзина и В. Котлякова, что человечество должно приспосабливаться к изменению климата, а не регулировать его, т.е. не перестраивать вновь природу, а минимизировать её ответное воздействие [5, с.130–131].

Не менее важными являются результаты исследований проблемы экологического образования Н. Картамышева, А. Рачков. Эти авторы отстаивают идею целостного представления об экологическом образовании, которое, по их словам, не может появиться в рамках только какого-то отдельного предмета. По их словам, его надо изучать и через анализ социальных явлений. Также эти авторы приводят тот факт, что система непрерывного экологического образования началась с 1960 г., а в 1966 г. в школьную программу по биологии был введен экологический раздел. Ими же используется понятие «экологический стереотип» [6, с. 268–274, с. 267–270].

Рассматривая экологию и ее развитие как науки, ее разветвление на практические и теоретические дисциплины, всегда следует помнить, что наука постоянно требует новых,

подготовленных кадров, а специалисты без наличия соответствующих образовательных центров или хотя бы специальностей, факультетов не появляются сами, поэтому предлагаем повернуть взгляд и на высшие учебные заведения, школы и профтехучилища. Проблемным остается вопрос их действенного расширения и прогнозирования их внутреннего развития и внешних коммуникаций. Свою актуальность сохраняют разработки А. Астахова и В. Семенова, изложенные в работе «Капитальные вложения в высшую школу...» (1972 г.), где отмечается, что «планирование капиталовложений должно исходить из необходимости воспроизводства специалистов...» [7, с.48] и далее, что «При планировании инвестиций следует учитывать, что в условиях научно-технического прогресса основные фонды в процессе их воспроизводства совершенствуются на качественно новой основе. В высшей школе это явление отражается в виде вторжения в аудитории, лаборатории вузов новых нового учебного и научного оборудования... необходимо поиски путей более эффективного использования площадей в условиях применения новой учебной и научной аппаратуры» [7, с. 50]. Это же происходит и с экологией, и как мы предполагаем в исследованиях предлагаемого нами направления – Экологическая футурология. А теперь посмотрите, как это осуществляется на практике? Какой процент постройки и перестройки комплексов? Площади некоторых научно-исследовательских комплексов, их база и фонд сегодня скорее напоминают (и есть на самом деле) коллекциями, они и есть именно коллекциями, то есть важной частью образования (его материальной части), но все же презентацией старой, натуралистической линии исследования, где нет места ни новым разработкам, ни самим исследователям, которые чаще ютятся в уголках лабораторий. Естественно они важны для целостной картины формирования научного мировоззрения, но новые технологии требуют буквально, «включения» новых урбанистических решений в постройке исследовательских площадок и системы транспортных коммуникаций между ними даже в пределах одного полиса, мегаполиса, региона и страны/стран. Далее опять цитата (старая, значит цифры имеют некую подвижку, но не исключают ее важности) «для 11000 студентов требуется иметь полезную площадь в учебно-лабораторных зданиях, равную: $10 \text{ кв. м /чел.} \times 11000 = 110\,000 \text{ м}^2$. И жилую площадь в общежитиях $6 \text{ кв. м /чел.} \times 6600 \text{ чел.} = 39600 \text{ м}^2$ » [7, с. 61].

Без подобных исследований и учета данного строительства, расширения ни о каких шагах в будущее как развивающееся будущее мы не можем говорить. Скелеты заводов или их

трансформеры в жилые комплексы (Польша, например), или развлекательные центры – это непродуманная модификация всего организма города или населенного пункта. Транспортная сетка дорог, линий коммуникации это то, что у птиц и животных есть линиями миграции (сезонной, суточной и т.п.). Замечательным примером умирания искусственного вне зависимости от его размеров – может служить, например, тот же город Даллас (США). Просчет даже через десятилетия выливается в экономический и социальный крах, добавим – в экологический крах.

В исследовании вопроса образовательных стратегий в экологии мы приводили работы, связанные с экологическим образованием и воспитанием, и утверждаем, что сфера применения знаний, наработанных в этой отрасли, рекомендована к применению на всех возрастных и социальных уровнях. В этой связи отметим, что еще в 1991 г. была работа Е. Лысовой, которая исследовала современно ей преподавание экологии в школах Франции. Она пишет, что первоначально была проведена реформа в 1975 г., а сами знания, касающиеся охраны окружающей среды, впервые были введены в общеобразовательные школьные программы Франции в 1976 г., при этом в инструкциях министерства указывалось, что процесс их преподавания должен основываться на познавательных интересах детей, раскрытии этического и эстетического аспектов взаимоотношения с природой, экономического аспекта охраны природы, тесно связанного с пониманием ограниченности природных ресурсов и их бережного использования, что лежит в основе деятельности человека, обеспечивает его существование. Самое интересное, что экологическое образование уже тогда во Франции официально начиналось с детского сада (что по тогдашней французской терминологии называлось «материнской школой») и продолжалось далее.

До середины 1980-х гг. изучение и охрана окружающей среды включалась в учебный предмет «Упражнения в наблюдении», который представлял собой основную форму первоначального знакомства с естественными науками. Преподавание строилось на краеведческом материале, и ведущим способом здесь было наблюдение. С 1985 г. начальные школы работали по новым программам. Знания и понятия, связанные с экологическим просвещением, были отражены в предмете «Естественные науки и технология», который входил в число обязательных предметов. Длительность этого курса была на протяжении всех

пяти лет элементарной школы. Преподавание здесь по-прежнему использовало наработки, основанные краеведческой работой.

На следующей обязательной ступени средней школы – в колледже – экологические знания и вопросы охраны окружающей среды были включены в курс «Биология и геология». Этот предмет входит в число обязательных и изучается в течение 4 лет. Помимо этого, система образования включала в себя так называемые, междисциплинарные темы: «Воспитание потребителя», «Развивающиеся страны», «Информационное общество», «Здоровье и жизнь», «Безопасность», «Окружающая среда и народное достояние». На изучение этих тем особое время не выделяется, но они пронизывают все предметы. На старшей ступени средней школы, в лицее, обучение носило дифференцированный характер» [8, с. 52–54]. Часто экологию связывают исключительно с экологической культурой, но это только часть задач и возможностей экологии, причем вопрос понимания «экологической культуры» и особенно воспитания её – остается открытым в плане гносеологического наполнения и герменевтической трактовки оной. Экологическая культура и воспитание продолжены в работах В. Лисицыной [9], Л. Чернышевой [10].

У экологии нет второстепенных вопросов. Поэтому для понимания задач и возможностей экологической футурологии и экологического образования важным направлением в контексте политики и политической экологии может быть работа А. Репа, в которой изложено взаимодействие мира экотехники и природы и цивилизации. А. Репа приводит интересные данные об анализе аллегории, предложенной В. Беньямином в изображении ангела потерянного Рая, так как «капиталистическая глобализация» не только гомонизировала мир и превратила его в рынок, но и изменила его, создав новые монополистские границы. И. Валлерстайн, как пишет А. Репа, предупреждает о будущих проблемах, в том числе и экологических, политико-экологических через выведение четырех главных причин кризиса: истощение мирового фонда рынка дешевого труда, пролетаризации среднего класса (именно сжатия класса чиновников и квалифицированных работников), демографического разрыва между Югом и Севером, которое спровоцирует «антилиберальную реакцию» на Севере. Западные страны сохраняя «демократическую риторику» на самом деле, будут пытаться все более ограждать от мира свои «оазисы». А. Репа справедливо критикует «радикальную зеленую идеологию» с ее принципом

«невмешательства» (hand-off approach to the environment), «глубинную экологию», программы «сбалансированного развития», он объективно анализирует идеи Н. Лумана про понятия «риска», и «Общества риска» У. Бека [11, с. 167–205].

Говоря о взаимосвязи экологических вопросов и политики, подчеркнем, что вся работа Ф. Фукуямы так или иначе выводит на первый план идею взаимосвязи экологии и политики, футурологии и политики, прав человека и животных, особенно в разделе «Политика на будущее», где Ф. Фукуяма пишет, что иногда нужен не запрет, а «процедура регулирования», создание социальных институтов контроля и регулирования [12, с. 287 – 308] и подчеркивает опасность превращения комиссий, которые должны бороться с нарушениями в организации, которые заведомо будут финансово завися, давать права на дальнейшие нарушения (например, это он пишет о биоэтиках) [12, с. 288].

В условиях трансформирующегося общества считаем, что основные задачи, которые стоят перед экологической футурологией в первую очередь охватывают:

- 1) совместное участие стран в проектировании и оговаривании задач развития и ориентиров развития;
- 2) исследования технологий по разным вариантам утилизации отходов материалов;
- 3) анализ факторов, способствующих восстановлению чистоты всего природного пространства;
- 4) разработку научных основ моделей, которое могут реализовывать богатые и бедные государства (именно и богатые, и бедные), так как сценарии пишутся богатыми для богатых, но с требованием поступать так же и бедным государствам – и тут кроется просчет: не деньгами или приказом можно заставить государство думать о будущем, для этого существуют механизмы естественных национальных элит, национальной гордости, национальных стереотипов.

Таким образом, в экологической воспитательной стратегии следует учитывать вышеизложенное применительно к образовательной сфере, а именно:

– определение характера и ориентиров дальнейшего развития человечества и его потребностей, а, следовательно, и технологий, поскольку экология не ограничивается природоохранной деятельностью;

– в каждой возрастной и социальной группе есть свои задачи и ценности, которые

следует воспитывать, начиная с раннего детства.

– связывать воедино знания прошлого и анализ ошибок прошлого с возможностями сегодняшнего дня, учитывая проективные угрозы будущего.

В экологическом воспитании следует поступательно и планомерно развивать умение использовать на практике знания других предметов. При этом учеников и студентов, как и более взрослые категории населения следует готовить к умению не только применять знания на практике, но и умению коммуницировать на межвозрастных и межэтнических уровнях. Главное понимание стратегии жизни и вызывания – это понимание задач совместного выживания, выживания в имеющихся условиях. Главная же цель – сохранение биоразнообразия. Следует помнить, что самый большой организм на Земле – это сама Земля, а, значит и мы, живущие на ней [1]. В образовательных и воспитательных стратегиях следует учитывать данные вопросы в построении комплексных учебных программ.

Список использованных источников

1. Годзь Н.Б. Вступ до екологічної футурології [Текст]. Монографія // Н.Б. Годзь. – Харків : Видавець Олександр Савчук, 2017. – 572 с.
2. Ярчук Г.В. Екологічна парадигма у формуванні світоглядно-моральних цінностей студентів. автореф. дис. Канд. філос. наук 09.00.10 – філософія освіти. – Київ. – 2009. – 16 с.
3. Царегородцев Г.И. Диалектический материализм и медицина / Г.И. Царегородцев // Философские вопросы медицины (сборник статей) / под ред. Г.И. Царегородцева и др. – Москва : Гос. изд. Мед. литературы. – 1962. – 303 с.
4. Маца К.О. Роль экологического образования в формировании нового научного мировоззрения / К.О. Маца // Людина і довкілля. Проблема неоекології. Вип. 1. – Харків : Видавництво ХНУ. – 2000. – 148 с.
5. Фомичев А.Н. Проблемы концепции устойчивого экологического развития: Системно – методологический анализ / А.Н. Фомичев. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 216 с.
6. Картамышева Н.В. Проблемы экологического образования / Н.В. Картамышева, А.К. Рачков // Философия и экологическая проблема // Редкол. д.ф.н., проф. Мамедов Н.М. (отв. ред.), д.ф.н., проф. Микешина Л.А. и др. – Москва : 1990. – 313 с.

7. Астахов А.А. Капитальные вложения в высшую школу (структура, использование, эффективность) / А.А. Астахов, В.Ф. Семенов. – Москва : Высшая школа, 1972. – 170 с.
8. Лысова Е.Б. Изучение экологии в школах Франции / Е.Б. Лысова // Биология в школе. Научно-методический журнал Государственного комитета СССР по народному образованию №3 1991 май-июнь – М. : Педагогика. – 78 с.
9. Лисицына О.А. Пространство экологического образования: деятельностная модель / О.А. Лисицына: автореф. дис. канд. филос. наук. 09.00.11 / Томский гос. ун-т, Томск, 2003, 16 с.
10. Чернышева Л.Г. Формирование экологического мировоззрения студентов технич. вузов / Л.Г. Чернышева: автореф. дис. к.ф.н. 09.00.11 / Томский гос. ун-т, Томск, 2004. – 19 с.
11. Репа А.А. Політична філософія природи: екотехніка та суб'єктивація / А.А. Репа // Філософія природи: Монографія / А.В. Толстоухов, Ю.В. Мелков, С.М. Ягодзинський та ін. – Київ : Видавець ПАРАПАН, 2006. – 208 с.
12. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма; пер с англ. М.Б. Левина. – Москва : АСТ : АСТ МОСКВА, 2008. – 349 с.

References

1. Godz N.B. Vstup do ekologichnoyi futurologiyi [Tekst]. Monografiya // N.B. Godz. – Harkiv : Vidavets Oleksandr Savchuk, 2017. – 572 s.
2. Yarchuk G.V. Ekologichna paradigma u formuvanni svitoglyadno-moralnih tsinnostey studentiv. avtoref. dis. Kand. filos. nauk 09.00.10 – filosofiya osviti. – Kiyiv. – 2009, 16 s.
3. Tsaregorodtsev G.I. Dialekticheskiy materializm i meditsina / G.I. Tsaregorodtsev // Filosofskie voprosyi meditsinyi (sbornik statey) / pod red. G.I. Tsaregorodtseva i dr. – Moskva : Gos. izd. Med. literaturyi. – 1962, 303 s.
4. Matsa K.O. Rol ekologicheskogo obrazovaniya v formirovanii novogo nauchnogo mirovozzreniya / K.O. Matsa // Lyudina i dovkillya. Problema neoEkologiyi. Vip. 1. – Kharkiv : Vidavnitstvo HNU. – 2000, 148 s.
5. Fomichev A.N. Problemyi kontseptsii ustoychivogo ekologicheskogo razvitiya: Sistemno –

- metodologicheskiiy analiz / A.N. Fomichev. – Moskva : Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2009. – 216 s.
6. Kartamyisheva N.V. Problemy ekologicheskogo obrazovaniya / N.V. Kartamyisheva, A.K. Rachkov // *Filosofiya i ekologicheskaya problema* // Redkol. d.f.n., prof. Mamedov N.M. (otv. red.), d.f.n., prof. Mikeshina L.A. i dr. – Moskva : 1990, 313 s.
 7. Astahov A.A. Kapitalnyie vlozheniya v vysshuyu shkolu (struktura, ispolzovanie, effektivnost) / A.A. Astahov, V.F. Semenov. – Moskva : Vysshaya shkola, 1972. – 170 s.
 8. Lyisova E.B. Izuchenie ekologii v shkolah Frantsii / E.B. Lyisova // *Biologiya v shkole. Nauchno-metodicheskiiy zhurnal Gosudarstvennogo komiteta SSSR po narodnomu obrazovaniyu* № 3 1991 may-iyun – Moskva : Pedagogika, 78 s.
 9. Lisitsyna O.A. Prostranstvo ekologicheskogo obrazovaniya: deyatelnostnaya model / O.A. Lisitsina: avtoref. dis. kand. filos. nauk. 09.00.11 / Tomskiy gos. un-t, Tomsk, 2003, 16 s.
 10. Chernyisheva L.G. Formirovanie ekologicheskogo mirovozzreniya studentov tehnic. vuzov / L.G. Chernyisheva: avtoref. dis. k.f.n. 09.00.11 / Tomskiy gos. un-t, Tomsk, 2004, 19 s.
 11. Repa A.A. Politichna filosofiya prirody: ekotekhnika ta sub'ektivatsiya / A.A. Repa // *Filosofiya prirody: Monografiya* / A.V. Tolstouhov, Yu.V. Melkov, S.M. Yagodzinskiy ta in. – Kyiv : Vidavets PARAPAN, 2006. – 208 s.
 12. Fukuyama F. Nashe postchelovecheskoe budushee: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii / F. Fukuyama; per s angl. M.B. Levina. – Moskva : AST : AST MOSKVA, 2008. – 349 s.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 373.1

Lidiia Pirozhenko,
Doctor of Science, Professor,
Multi-cultural research center,
Huzhou University
(People's Republic of China)
Wang Xingxin,
PhD,
Huzhou University
(People's Republic of China)

MAIN DIRECTIONS AND FEATURES OF DEVELOPMENT OF MODERN NINE-YEAR COMPULSORY EDUCATION IN CHINA

The article analyzes the formation and development of compulsory lower secondary education in the PRC. It is emphasized that the main directions of school education development are to improve its quality, create conditions for full-fledged mental, physical and moral education of the younger generation, ensure equal access to education in different regions of the country, rural and urban areas, ensure the rights to equal access to education for migrant children, and improve the level of management of educational institutions.

Keywords: school education in the PRC; primary education; compulsory education; educational content; fair access to education.

中国现代九年义务教育发展的主要方向和特点

本文分析了中国初中义务教育的形成和发展。文章强调：学校教育发展的主要方向即提高学校教育质量，为年轻一代身心素质教育创造充分的条件，保障城乡地区平等受教育，保障农民工子女平等受教育的权利，提高教育机构的管理水平。

关键词：中国学校教育；初等教育；义务教育；教育内容；教育公平

Лидия Пироженко,
доктор педагогических наук, профессор;
Мультикультурный исследовательский центр
Университета Хучжоу
(КНР),

Ван Синсинь,
кандидат филологических наук;
Университет Хучжоу
(КНР)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ДЕВЯТИЛЕТНЕГО ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КНР

В статье анализируется становление и развитие обязательного неполного среднего образования в КНР. Подчёркивается, что основными направлениями развития школьного образования являются повышение его качества, создание условий для полноценного умственного, физического и нравственного воспитания подрастающего поколения, обеспечение равного доступа к образованию в разных регионах страны, сельских и городских районах, обеспечение прав на равный доступ к образованию детей-мигрантов, повышение уровня управления учебными заведениями.

Ключевые слова: школьное образование в КНР; начальное образование; обязательное образование; содержание образования; справедливый доступ к образованию.

Китай – страна, образование которой за последние четыре десятилетия изменилось до неузнаваемости. Поражают как темпы, так и масштабы его развития: всего 2 % от общемировых расходов на общественное образование позволили решить проблему распространения обязательного девятилетнего образования среди одной пятой населения всего земного шара. Это при том, что ещё в 1982 г. каждый четвёртый китаец в возрасте старше 15 лет был неграмотным, а лиц со средним и высшим образованием насчитывалось всего 615 человек на 100 тысяч.

Охват девятилетним обязательным образованием всех граждан соответствующего возраста стал одной из первоочередных задач реформирования экономики и социальной сферы КНР в последней четверти XX в. В государственных и партийных документах начала 1980-х гг. подчёркивалась прямая зависимость экономического развития страны, научного

прогресса и экономического процветания китайского общества от качественных характеристик трудящихся, подготовки большого количества специалистов и квалифицированных кадров. Образование начало рассматриваться как основа, движущая сила экономического развития страны.

В 1986 г. после принятия закона «Об обязательном образовании в Китайской Народной Республике» [7] началось масштабное, обеспеченное хорошим финансированием со стороны центрального и местного бюджетов внедрение обязательного девятилетнего образования, а уже к 2001 г. школьное образование трёх ступеней (начальное, обязательное неполное среднее и высшее среднее) охватывало 229 млн человек. В 2004 г. посещаемость начальных школ составляла по всей стране 98,58 %, валовой коэффициент зачисления в среднюю школу начальной ступени – 90 %, неграмотность среди молодёжи и людей зрелого возраста снизилась до 5 % и более, обязательное девятилетнее образование уже было введено в районах с населением, составляющим свыше 90 % от всего населения страны, 99 % всех детей младше 15 лет обучались в школе. В этом же году на пекинском форуме развития образования в странах Азии министр образования КНР Чжоу Цзи отметил, что распространение обязательного образования завершено во всех регионах страны и практически ликвидирована неграмотность среди взрослых [5].

Модернизация обязательного образования, обеспечение его устойчивого развития, повышение качества и улучшение финансирования в последние десятилетия находятся в центре внимания руководящих органов КНР. После опубликования законов «Об обязательном образовании в Китайской Народной Республике» (1986) и «Об образовании» (1995), закрепивших приоритетность и государственную гарантию образования, были приняты ряд постановлений партии и правительства, направленных на ускорение развития обязательного образования, его модернизацию («Программа реформ и развития образования в КНР» (1997), «О реформе и развитии базового образования» (2001), «О реформировании основных образовательных программ» (2001), «О совершенствовании обязательного обучения в сельской местности» (2002), «О дальнейшем укреплении нравственного воспитания несовершеннолетних» (2004), «О физическом воспитании подростков» (2007), «Национальный долгосрочный план реформы и развития образования на 2010–2020 годы» (2010) и т. д.), проведены три Национальные конференции по образованию (1989–1999),

посвящённые духовно-нравственному, моральному, трудовому, эстетическому воспитанию учащихся начальных и средних школ, нормам их повседневного поведения [6].

Таким образом, в конце XX – начале XXI в. было реализовано несколько существенных реформ содержания и структуры обязательного среднего неполного образования. Результатом их стало создание сложной иерархической структуры учебных заведений с разным социальным статусом и разными перспективами продолжения образования выпускников (ключевые школы, школы или классы с гуманитарным или научно-техническим профилем, школы с начальной профессиональной подготовкой, обычные средние школы, специализированные школы для детей с психофизиологическими проблемами). Законодательно были закреплены следующие уровни образования: дошкольное воспитание (от 3 до 6-7 лет); начальная школа (5 или 6 лет в зависимости от региона); неполная средняя школа (4 или 3 года); полная средняя (3 года); профессиональные школы с полной общеобразовательной подготовкой (3-4 года); университет (4-5 лет, для медицинских факультетов – 7-8 лет); докторантура (3 года) [7]. Неполное среднее девятилетнее образование является обязательным, всеобщим, равномерным (распределение образовательных ресурсов, педагогических кадров и уровень образования практически одинаковы по всей стране) и с 2008 г. полностью бесплатным (включая учебники, учебные пособия, школьную форму и т. п.).

Китайское образование стало одним из лучших не только в Азии, но и во всем мире. Об этом свидетельствуют и международные исследования, по результатам которых КНР входит в первую пятёрку в мире по качеству образования (М. Барбер, М. Муршед) [1]. Результаты PISA наглядно демонстрируют, что Китай в начале нового тысячелетия превратился в страну, успешно модернизирующую систему образования, страну, которой удалось увязать глобальные вызовы и национальные особенности в проектировании и реализации образовательных реформ. Места в первой пятёрке, которые с 2009 г. 15-летние китайские школьники неизменно занимают по результатам тестирования, свидетельствуют о достаточно высоком качестве обязательного образования в стране [4].

Несмотря на очевидные успехи внедрения и обеспечения высокого качества обязательного образования в Китае существует множество нерешённых проблем (обеспечение равного доступа к образованию в разных регионах страны, сельских и

городских районах, проблемы детей-мигрантов, стандартизация обязательного образования, повышения уровня управления учебными заведениями и т. д.), на решение которых направлены усилия государства в последнее десятилетие.

Современные китайские педагоги Ван Динхуа, Ван Цзя И, Хоу Ли Бин и др. отмечают, что успешное развитие образования в стране невозможно без решительного углубления преобразований в системе оценивания знаний, умений и навыков учащихся, подходах к отбору и структурированию содержания школьного образования, механизмах оценки качества образования в целом [2; 3; 10].

Серьёзной проблемой, сдерживающей развитие обязательного образования, является отсутствие системных стандартов государственного образования в начальной и неполной средней школе. В настоящее время государственное начальное и неполное среднее образование в целом не имеет обязательного стандартизированного содержания, отсутствуют общепринятые критерии оценки качества образования. Таким образом, провинциальные (муниципальные) отделы и отдельные учебные заведения вносят дополнения и меняют содержание, усложняя или сокращая его, что значительно усложняет решение проблемы равенства в образовании [10].

В 2010 г. ЦК КПК и Государственный совет издали «Национальный долгосрочный план реформы и развития образования на 2010–2020 гг.», в котором были намечены следующие основные направления развития обязательного образования:

- обеспечение высокого качества государственного образования;
- построение эффективной системы государственного образования в малых городах и сельской местности;
- обеспечение равного доступа к образованию, сокращение разрыва между городскими и сельскими районами и регионами;
- сокращение региональных различий в образовательной сфере;
- реализация принципа равного доступа к образованию детей трудящихся-мигрантов;
- корректное решение проблемы обеспечения соответствующих условий и реализации юридического права на образование лицам с ограниченными возможностями [3].

На первый план выдвигалась забота об эффективности образования и совершенствовании его качества, которое неразрывно связано с улучшением качества

обязательного образования для учителей, особенно сельских, обновлением государственных образовательных стандартов, повышением квалификации учителей, использованием интернет-ресурсов. В качестве одной из важнейших задач для правительств всех уровней по модернизации школьного среднего образования на этом этапе было уменьшение нагрузки на всех этапах школьного обучения, для решения которого проводилось «многостороннее планирование и многоаспектная реализация» [3].

Несмотря на все изменения в содержании школьного образования на протяжении последней четверти века учащиеся китайской школы чрезвычайно перегружены. Успешное овладение содержанием и подготовка к экзаменам требуют сверхусилий. Учащиеся старших классов учатся практически без выходных, часто проживая в общежитиях при учебных заведениях. В «Национальном долгосрочном плане реформы и развития образования на 2010–2020 гг.» законодательно закреплялось ограничение количества учебных часов в день до 8. Однако даже несмотря на такие ограничения с учётом дополнительных занятий, факультативов и консультаций, домашних заданий рабочий день учащегося старших классов неполной средней школы достигает порой 15 часов. Учащиеся 1–3-х классов начальной школы учатся с 8 утра до 15.00–16.00 часов, с часовым перерывом на обед. Домашние задания рассчитаны на 2-3 часа. Родители получают в сообщениях детальные инструкции – читать тему учебника (5 раз), дополнительную книжку (1 час), дополнительные занятия по математике – 1 час и тому подобное [2]. В последние годы были сокращены объёмы тестов и домашних заданий, пересмотрены уровни сложности учебного материала с использованием научно обоснованных критериев, реформированы методики тестирования и оценки знаний учащихся, установлены рамки мониторинга учебной нагрузки и запрет на обсуждение в публичном пространстве результатов обучения конкретных учеников.

Благодаря освободившемуся времени учащиеся неполной средней школы в последние годы получили возможность углублённо изучать предметы, которые входят в сферу их интересов, заниматься спортом, работать в кружках по интересам. Был установлен запрет на публичное оглашение результатов оценивания, ранжирование школы в зависимости от количества учеников, которые хорошо сдали гаокао (государственный выпускной экзамен, совмещающий функции выпускного и вступительного испытания) и поступили в университеты [10].

От политики, направленной на создание благоприятных условий для развития ключевых школ, Китай постепенно переходит к созданию системы образования, обеспечивающей его высокое качество повсеместно. При этом талантливым ученикам уделяется ещё большее внимание, чем в дореформенный период (для них облегчается переход из одной школы в другую, из класса в класс, разрешается сдача экзаменов экстерном, внедрение в школах программ углублённого изучения отдельных предметов для детей, которые в этом нуждаются, и т. п.). Это при том, что китайское образование и без того ориентировано на поиск талантов, создание благоприятных условий для развития детей, способных к обучению. Такой подход приводит к тому, что дети со средними учебными возможностями с большим трудом осваивают учебные программы, всё свободное время тратят на запоминание большого объёма учебного материала [2]. Начальник управления среднего образования Министерства образования КНР Ван Динхуа отмечает, что реформирования требует вся система оценивания, построенная на использовании тестов. Оцениваться должны не только знания, умения и навыки учащихся, но и способность использовать их на практике, креативность мышления [2].

Одной из первоочередных задач, требовавших незамедлительного решения, был неравномерный доступ к качественному обязательному образованию. В 2011 г. Министерство образования и 28 провинций подписали меморандум о сбалансированном развитии обязательного образования, обмене опытом. В 2012 г. этот меморандум подписали оставшиеся провинции; был разработан новый механизм взаимодействия центральных ведомств и органов местного самоуправления, призванный содействовать сбалансированному и равномерному развитию обязательного образования. Становились обязательными утверждённые Министерством образования стандарты обязательного образования, национальные программы подготовки учителей по проектам обязательного образования, критерии начисления заработной платы учителям, оценивания знаний школьников и т. п. Благодаря внедрению национальной программы стандартизации обязательного образования удалось во многом решить острую социальную проблему доступа к качественному образованию детей-мигрантов, повысить шансы выпускников сельских школ на успешную сдачу гаокао [2].

Реформируется и система экзаменов гаокао, как частично нарушающая принципы социальной справедливости. В частности, недовольство вызывает подход, при котором выпускник должен сдавать экзамены не в провинции, где он заканчивал школу, а по месту регистрации родителей (если место регистрации и проживания не совпадают). А поскольку в разных провинциях разные учебные планы и программы (на основе которых и готовятся тесты), то сдать их без специальной подготовки практически невозможно. Поэтому миллионы детей, особенно учащихся неполной средней и высшей средней школы вынуждены или жить отдельно от родителей, работающих в других регионах, или отказываться от получения высшего образования. Соответственно, реформа экзаменационной системы проводится параллельно с реформированием обязательного образования.

В последнее десятилетие большое внимание уделяется реформированию содержания базового образования, оптимизации соотношения традиционной китайской и современной культуры в содержании гуманитарных предметов. Возрождению лучших традиций китайской культуры в содержании школьного образования придан статус национальной стратегии. С помощью средств массовой информации популяризируются всевозможные конкурсы, викторины, видеоконференции. Так, на одном из центральных каналов CCTV огромной популярностью среди молодёжи пользуются «Конкурс диктантов», «Всекитайский конкурс идиом», «Конкурс поэзии», «Школы каллиграфии» и другие подобные программы [10].

С осени 2017 г. началось реформирование содержания языкового образования в начальных и средних школах. Дело в том, что в последние десятилетия древнекитайская поэзия и тексты древнекитайских авторов превалируют в учебниках китайского языка для начальной и неполной средней школы. При этом, по мнению профессора Хоу Ли Бина, часто эти тексты не имеют познавательной и воспитательной ценности [10]. Был создан Комитет по отбору учебных материалов для курсов китайского языка в начальных и средних школах, поставлена задача создания утверждённых Министерством образования единых учебников, в которых древнекитайские произведения чередовались бы с современными текстами об истории и культуре Китая [10].

По мнению Хоу Ли Бина, серьёзной проблемой, сдерживающей развитие обязательного образования, является преобладание старого мышления, недостаточно быстрое внедрение образовательных технологий. Какими бы правильными и хорошими ни были шаги по реформированию обязательного образования, следует помнить, что это требующий значительного времени процесс. Кроме того, любая допущенная на пути к преобразованиям ошибка не может быть исправлена в одночасье [10].

В докладе 5-го пленума ЦК КПК 18-го созыва от 29 октября 2015 г. были сформулированы общие цели развития образования на 13-ю пятилетку (2016–2020): повысить качество образования; обеспечить равномерное развитие обязательного образования; популяризировать обучение на высшей ступени средней школы; постепенно систематизировать и развивать льготы на обучение и разные сборы в среднем профессиональном образовании; осуществлять льготное обучение в средней школе высшей ступени для учащихся, чьи семьи находятся в трудной экономической ситуации; оказывать материальную помощь, полностью покрывающую расходы на обучение, учащимся, чьи семьи находятся в трудной экономической ситуации. Пленумом была принята «Программа 13-го пятилетнего плана социально-экономического развития». Особое внимание уделялось обязательному образованию. В частности, было запланировано:

- провести стандартизацию школ, осуществляющих обязательное девятилетнее образование;
- реализовать план действий по ускорению развития образования в центральном и западном регионах КНР;
- провести переаттестацию и отбор педагогических кадров на основе существующих стандартов, а также проверить соответствие требованиям зданий учебных заведений в городских и сельских государственных школах, осуществляющих обязательное образование и не соответствующих существующим государственным стандартам [4].

Большой проблемой для развития образования в Китае является неравномерность его развития, связанная с образованием представителей национальных меньшинств, проживающих в экономически отсталых западных приграничных районах страны. Некоторые национальные меньшинства говорят только на национальных языках, в таких районах образование в начальной и средней школе является двуязычным. В малонаселенных

горных труднодоступных районах сложно организовать работу начальных школ или даже пунктов обучения, дети вынуждены добираться до школ, находящихся в других районах, жить в школьных общежитиях, что очень проблематично для учащихся начальной школы. Родители-мусульмане часто отказываются отправлять детей в школу [9].

В настоящее время в Китае начался новый этап реформирования обязательного образования, основные направления которого были изложены в опубликованных ЦК КПК и Государственным советом в июле 2019 г. «Мнениях об углублении реформы образования и обучения для общего улучшения качества обязательного образования». На новом историческом этапе главными задачами реформы и развития базового образования являются:

1) Решение проблемы повсеместного повышения качества образования. В «Мнениях...» представлены инициативы, направленные на повышение эффективности нравственного воспитания и уровня интеллектуального развития школьников, усиление их физической и трудовой подготовки и т. п.

2) Повышение качества обучения. Для этого особое внимание предполагается уделять внедрению инновационных методов обучения, способствовать глубокой интеграции информационных технологий и обучения, применению дистанционного управления обучением и др.

3) Разработка инновационных механизмов подготовки и переподготовки высококвалифицированных профессиональных педагогов. В «Мнениях...» подчёркивается, что преподавательский состав является приоритетным ресурсом повышения качества образования, предлагается комплекс мероприятий, направленных на повышение профессиональной компетентности педагогов, оптимизации их распределения по регионам, правовой защиты прав и интересов учителей и т. д.

4) Всестороннее улучшение качества обязательного образования является проблемой, требующей системного подхода. Большое внимание уделяется механизмам отбора содержания образования, координации подготовки и продвижения учебных материалов, проведения вступительных экзаменов, оценки качества образования, педагогических исследований жизнеспособности школы, финансовых инвестиций и других ключевых вопросов реформирования обязательного образования.

5) Повышение качества обязательного образования, его гармоничное развитие невозможно без совместной, ответственной работы партии, общества и семьи [8].

Таким образом, Китай реформирует свою систему базового образования в соответствии с мировыми тенденциями и национальной спецификой. Реформирование направлено на создание благоприятных условий для сбалансированного, устойчивого развития образования, повышения его качества, обеспечения равного и справедливого доступа всем гражданам школьного возраста к обязательному образованию. В процессе модернизации уменьшается учебная нагрузка на учащихся, устанавливаются новые взаимоотношения между участниками учебного процесса, происходит переход от авторитарной педагогики к педагогике сотрудничества, партнерства и взаимодействия.

Однако несмотря на положительные тенденции развития среднего образования в Китае остается немало проблем, пути решения которых пока не найдены. Таковы, например, неравномерное развитие и неравный доступ к образовательным услугам детей-мигрантов и детей из сельской местности (в отношении образовательной инфраструктуры, учебно-методического обеспечения, возможностей в дальнейшем поступать в престижные высшие учебные заведения), неравномерное финансирование школьного образования в различных регионах страны, медленный рост числа преподавателей (несмотря на постепенное увеличение численности учащихся высшей школы), уменьшение количества школ средней ступени, снижение требований и качества знаний учащихся в условиях обучения в больших по численности классах и др. Всё это пока не позволяет говорить о реализации в полной мере проекта модернизации образования в КНР.

Список использованных источников

1. Барбер, М. Как добиться стабильно высокого качества обучения в школах: Уроки анализа лучших систем школьного образования мира / М. Барбер, М. Муршед // Вопросы образования. – 2008. – № 3. – С. 7–51.

2. Ван Динхуа. Обзор и перспективы реформы и развития обязательного образования в Китае / Ван Динхуа [Электронный ресурс]: 中国基础知识设施工程. – Режим доступа

<http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CCJD&dbname=CCJDLAST2&filename=RJJ>

[Y201304001&uid=WEEvREcwSIJHSldRa1FhdkJtNEYweFIZN2tNcUpTQXNUemVjNVJ6Kys0OD0=\\$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMovwHtwkF4VYPoHbKxJw!!&v=MjkwMTZyV00xRnJDVVI3cWZZK1JtRnkvbFc3N0lOeWZCZDdHNEg5TE1xNDIGWlISOGVYMUx1eFlTN0RoMVQzcVQ](http://kns.cnki.net/kcms/detail/knetsearch.aspx?dbcode=CJFQ&sfield=au&skey&code=05974101&uid=WEEvREcwSIJHSldRa1FhdkJtNEYweFIZN2tNcUpTQXNUemVjNVJ6Kys0OD0=$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMovwHtwkF4VYPoHbKxJw!!&v=MjkwMTZyV00xRnJDVVI3cWZZK1JtRnkvbFc3N0lOeWZCZDdHNEg5TE1xNDIGWlISOGVYMUx1eFlTN0RoMVQzcVQ) (дата обращения: 12.10.2019).

3. Ван Цзя И. Основные задачи и стратегии реформирования и развития базового образования в Китае / [Электронный ресурс]: 中国基础知识设施工程 . – Режим доступа: [http://kns.cnki.net/kcms/detail/knetsearch.aspx?dbcode=CJFQ&sfield=au&skey&code=05974101&uid=WEEvREcwSIJHSldRa1FhdkJtNEYweFIZN2tNcUpTQXNUemVjNVJ6Kys0OD0=\\$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMovwHtwkF4VYPoHbKxJw](http://kns.cnki.net/kcms/detail/knetsearch.aspx?dbcode=CJFQ&sfield=au&skey&code=05974101&uid=WEEvREcwSIJHSldRa1FhdkJtNEYweFIZN2tNcUpTQXNUemVjNVJ6Kys0OD0=$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMovwHtwkF4VYPoHbKxJw) (дата обращения: 12.01.2020).

4. PISA: Китай занимает первое место в мире в десятке, что мы пропустили? [Электронный ресурс]: 中国基础知识设施工程 . – Режим доступа: http://www.sohu.com/a/245686070_100181643 (дата обращения: 12.10.2019).

5. Китай осуществил скачкообразное развитие в области образования [Электронный ресурс]: Женьминь жибао. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31517/2738411.html> (дата обращения: 06.10.2019).

6. Лю Цяоли. 70 лет: новая история развития базового образования в Китае (1949–2019) [Электронный ресурс] : 中国基础知识设施工程 . – Режим доступа: [http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFQ&dbname=CJFDTEMP&filename=ZXXG201909004&uid=WEEvREcwSIJHSldRa1FhcEE0QVN2K1BnMjFla3hCV08rOCsyVzJ5MWVPMDO=\\$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMovwHtwkF4VYPoHbKxJw!!&v=MTEzNTFNcG85RlIUjhlWDFMdxhZUZdEaDFUM3FUclDNMUZyQ1VSTE9lWmVacUZ5am1XcnZMUHnPYVGFIRzRIOWo](http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFQ&dbname=CJFDTEMP&filename=ZXXG201909004&uid=WEEvREcwSIJHSldRa1FhcEE0QVN2K1BnMjFla3hCV08rOCsyVzJ5MWVPMDO=$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMovwHtwkF4VYPoHbKxJw!!&v=MTEzNTFNcG85RlIUjhlWDFMdxhZUZdEaDFUM3FUclDNMUZyQ1VSTE9lWmVacUZ5am1XcnZMUHnPYVGFIRzRIOWo) (дата обращения: 26.12.2019).

7. Образование в Китайской Народной Республике [Электронный ресурс]: Женьминь жибао. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/other/jiaoyu.html> (дата обращения: 06.10.2019).

8. Обсуждение «Мнений об углублении реформы образования и обучения для общего улучшения качества обязательного образования» [Электронный ресурс]: 中国基础知识设施工程 . – Режим доступа: <http://www.scio.gov.cn/xwfbh/xwfbh/wqfbh/39595/40938/index.htm> (дата обращения: 12.10.2019).

22.04.2020).

9. Шаров, К. С. Почти идеальная система образования: китайский опыт / К. С. Шаров [Электронный ресурс]: cyberleninka.ru. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pochti-idealnaya-sistema-obrazovaniya-kitayskiy-opyt-chast-2> (дата обращения: 22. 04.2020).

10. Хоу Ли Бин. Государственная реформа образования и начального и среднего образования / Хоу Ли Бин [Электронный ресурс]: 中国基础知识设施工程. — Режим доступа: [http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFQ&dbname=CJFDLAST2019&filename=GJXY201806002&uid=WEEvREcwSIJHSlDRa1FhdkJtNEYweFIZN2tKVitxYUZDdUM5U3lqWVh6dz0=\\$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMowwHtwkF4VYPoHbKxJw!!&v=MDM4NzVUcldNMUZyQ1VSN3FmWStSbUZ5N2tVTHJBSWlmVGQ3RzRIOW5NcVk5RlpuUjhlWDFMdXhZUZdEaDFUM3E](http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFQ&dbname=CJFDLAST2019&filename=GJXY201806002&uid=WEEvREcwSIJHSlDRa1FhdkJtNEYweFIZN2tKVitxYUZDdUM5U3lqWVh6dz0=$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMowwHtwkF4VYPoHbKxJw!!&v=MDM4NzVUcldNMUZyQ1VSN3FmWStSbUZ5N2tVTHJBSWlmVGQ3RzRIOW5NcVk5RlpuUjhlWDFMdXhZUZdEaDFUM3E) (дата обращения: 22.04.2020).

References

1. Barber, M. Kak dobitya stabil'no vysokogo kachestva obucheniya v shkolakh: Uroki analiza luchshikh sistem shkol'nogo obrazovaniya mira / M. Barber, M. Murshed // Voprosy obrazovaniya. – 2008. – № 3. – S. 7–51.

2. Van Dinkhua. Obzor i perspektivy reformy i razvitiya obyazatel'nogo obrazovaniya v Kitae / Van Dinkhua [Elektronnyi resurs]: 中国基础知识设施工程. – Rezhim dostupa : [http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CCJD&dbname=CCJDLAST2&filename=RJJY201304001&uid=WEEvREcwSIJHSlDRa1FhdkJtNEYweFIZN2tNcUpTQXNUemVjNVJ6Kys0OD0=\\$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMowwHtwkF4VYPoHbKxJw!!&v=MjkwMTZyV00xRnJDVVI3cWZZK1JtRnkvbFc3N0lOeWZCZDdHNEg5TE1xNDIGWlISOGVYMUx1eFITN0RoMVQzcVQ](http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CCJD&dbname=CCJDLAST2&filename=RJJY201304001&uid=WEEvREcwSIJHSlDRa1FhdkJtNEYweFIZN2tNcUpTQXNUemVjNVJ6Kys0OD0=$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMowwHtwkF4VYPoHbKxJw!!&v=MjkwMTZyV00xRnJDVVI3cWZZK1JtRnkvbFc3N0lOeWZCZDdHNEg5TE1xNDIGWlISOGVYMUx1eFITN0RoMVQzcVQ) (data obrashcheniya: 12.10.2019).

3. Van Tszya I. Osnovnye zadachi i strategii reformirovaniya i razvitiya bazovogo obrazovaniya v Kitae / [Elektronnyi resurs]: 中国基础知识设施工程 . – Rezhim dostupa: [http://kns.cnki.net/kcms/detail/knetsearch.aspx?dbcode=CJFQ&sfield=au&skey&code=05974101&uid=WEEvREcwSIJHSlDRa1FhdkJtNEYweFIZN2tNcUpTQXNUemVjNVJ6Kys0OD0=\\$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMowwHtwkF4VYPoHbKxJw](http://kns.cnki.net/kcms/detail/knetsearch.aspx?dbcode=CJFQ&sfield=au&skey&code=05974101&uid=WEEvREcwSIJHSlDRa1FhdkJtNEYweFIZN2tNcUpTQXNUemVjNVJ6Kys0OD0=$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMowwHtwkF4VYPoHbKxJw) (data obrashcheniya: 12.01.2020).

4. PISA: Kitai zanimaet pervoe mesto v mire v desyatke, chto my propustili? [Elektronnyi resurs]: 中国基础知识设施工程. – Rezhim dostupa: http://www.sohu.com/a/245686070_100181643 (data obrashcheniya: 12.10.2019).

5. Kitai osushchestvil skachkoobraznoe razvitie v oblasti obrazovaniya [Elektronnyi resurs]: Zhen'min' zhibao. – Rezhim dostupa: <http://russian.people.com.cn/31517/2738411.html> (data obrashcheniya: 06.10.2019).

6. Lyu TsyaoLi. 70 let: novaya istoriya razvitiya bazovogo obrazovaniya v Kitae (1949–2019) [Elektronnyi resurs] : 中国基础知识设施工程. – Rezhim dostupa: [http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFQ&dbname=CJFDTEMP&filename=ZXXG201909004&uid=WEEvREcwSIJHSldRa1FhcEE0QVN2K1BnMjFla3hCV08rOCsyVzJ5MWVPMd0=\\$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMowwHtwkF4VYPoHbKxJw!!&v=MTEzNTFNcG85RIIJUjhlWDFMdXhZUZdEaDFUM3FUclDNMUZyQ1VSTE9lWmVacUZ5am1XcnZMUHpYVGFIRzRIOWo](http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFQ&dbname=CJFDTEMP&filename=ZXXG201909004&uid=WEEvREcwSIJHSldRa1FhcEE0QVN2K1BnMjFla3hCV08rOCsyVzJ5MWVPMd0=$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMowwHtwkF4VYPoHbKxJw!!&v=MTEzNTFNcG85RIIJUjhlWDFMdXhZUZdEaDFUM3FUclDNMUZyQ1VSTE9lWmVacUZ5am1XcnZMUHpYVGFIRzRIOWo) (data obrashcheniya: 26.12.2019).

7. Obrazovanie v Kitaiskoi Narodnoi Respublike [Elektronnyi resurs]: Zhen'min' zhibao. – Rezhim dostupa: <http://russian.people.com.cn/other/jiaoyu.html> (data obrashcheniya: 06.10.2019).

8. Obsuzhdenie «Mnenii ob uglublenii reformy obrazovaniya i obucheniya dlya obshchego uluchsheniya kachestva obyazatel'nogo obrazovaniya» [Elektronnyi resurs]: 中国基础知识设施工程. – Rezhim dostupa: <http://www.scio.gov.cn/xwfbh/xwfbh/wqfbh/39595/40938/index.htm> (data obrashcheniya: 22.04.2020).

9. Sharov, K. S. Pochti ideal'naya sistema obrazovaniya: kitaiskii opyt / K. S. Sharov [Elektronnyi resurs]: cyberleninka.ru. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/pochti-ideal'naya-sistema-obrazovaniya-kitayskiy-opyt-chast-2>

10. Khou Li Bin. Gosudarstvennaya reforma obrazovaniya i nachal'nogo i srednego obrazovaniya / Khou Li Bin [Elektronnyi resurs]: 中国基础知识设施工程. — Rezhim dostupa: [http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFQ&dbname=CJFDLAST2019&filename=GJXY201806002&uid=WEEvREcwSIJHSldRa1FhdkJtNEYweFlZN2tKVitxYUZDdUM5U3lqWVh6dz0=\\$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMowwHtwkF4VYPoHbKxJw!!&v=MDM4NzVUclDNMUZyQ1VSN3FmWStSbUZ5N2tVTHJBSWlMVGQ3RzRIOW5NcVk5RlPvUjhlWDFMdXhZUZdEaDFUM3E](http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFQ&dbname=CJFDLAST2019&filename=GJXY201806002&uid=WEEvREcwSIJHSldRa1FhdkJtNEYweFlZN2tKVitxYUZDdUM5U3lqWVh6dz0=$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMowwHtwkF4VYPoHbKxJw!!&v=MDM4NzVUclDNMUZyQ1VSN3FmWStSbUZ5N2tVTHJBSWlMVGQ3RzRIOW5NcVk5RlPvUjhlWDFMdXhZUZdEaDFUM3E) (data obrashcheniya: 22.04.2020).

Iryna Shauliakova-Barzenka,
PhD, associate professor;
Multicultural Research Center,
Huzhou University
(People's Republic of China)

ASSESSMENT OF THE QUALITY OF EDUCATION IN BELARUSIAN SCHOOLS: A SET OF REQUIREMENTS

The article outlines a set of modern requirements for assessing the quality of educational services in a General secondary education institution. The most General characteristics of these requirements for the quality assessment system of education (a combination of fundamental and innovative components, as well as invariant and variable components), as well as detailed lists of them are presented. It is emphasized that the methodological matrix of requirements for the quality assessment system of education at the level of educational institutions is set by the triad «economy – efficiency – effectiveness», and the object base is the classical triad «process – conditions – result».

Keywords: quality of educational services; institution of General secondary education; system of education quality assessment; methodological matrix, object base of requirements for the system of education quality assessment.

白俄罗斯学校教育质量评估:一套要求

本文概述了一般中等教育机构评估教育服务质量的一套现代要求。文章展示了教育质量评估体系的这些要求的最一般的特征(基本要素和创新要素以及不变要素和可变要素的结合)和它们的详细列表。文中强调:教育机构层面的教育质量评估体系的要求方法矩阵是由三位一体的“经济-效率-效益”确定的,其基础是经典的三位一体的“过程-条件-结果”。

关键词:教育服务质量;普通中等教育机构;教育质量评价体系;教育质量评价体系的方法矩阵、要求对象基础

Ирина Шевлякова-Борзенко,
кандидат филологических наук, доцент;
Мультикультурный исследовательский центр,
Университет Хучжоу
(КНР)

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ В ШКОЛАХ БЕЛАРУСИ:

КОМПЛЕКС ТРЕБОВАНИЙ

В статье очерчен комплекс современных требований к оценке качества образовательных услуг в учреждении общего среднего образования. Представлены как наиболее общие характеристики указанных требований к системе оценки качества образования (СОКО) (сочетание фундаментальной и инновационной составляющих, а также инвариантного и вариативного компонентов), так и детализированные их перечни. Подчёркивается, что методологическую матрицу требований, предъявляемых к СОКО на уровне учреждения образования, задаёт триада «экономика – эффективность – результативность», а объектную базу составляет классическая триада «процесс – условия – результат».

Ключевые слова: качество образовательных услуг; учреждение общего среднего образования; система оценки качества образования (СОКО); методологическая матрица, объектная база требований к системе оценки качества образования.

Проектирование и создание современной системы оценки качества образования (СОКО) – чрезвычайно важный, но всего лишь первый, «стартовый», шаг на пути к обеспечению эффективного управления качеством образования в учреждении общего среднего образования. Комплексная таксономия (система целей) этой деятельности предполагает обеспечение устойчивого функционирования системы при постоянном развитии всех её компонентов, уровней и подсистем.

Определение конкретных содержательных, процессуальных и результативных составляющих СОКО учреждения образования, ориентированной не только на решение тактических задач, но и на вклад в достижение стратегических целей развития национальной системы образования, предусматривает уже на первоначальном этапе чёткое понимание

системы координат, в которых функционирование этой системы будет наиболее эффективным. Иначе говоря, уже на стадиях апробации и внедрения актуальной (обновлённой либо созданной вновь) СОКО должен быть сформулирован комплекс соответствующих требований, который задавал бы вектор и одновременно формировал бы «силовое поле» осуществления результативного менеджмента качества образования в данном сегменте. Для этого необходимо прояснить ряд моментов, которые имеют «осевое» значение, то есть выполняют роль своего рода структурирующей («формующей») рамки для упомянутого комплекса требований, который, собственно, и детерминирует содержание и процессуальную специфику СОКО в современном учреждении образования.

1. Многочисленные исследования, посвящённые проблемам качества образования, в последние годы в качестве своего рода методологического «архетипа» фиксируют в разных вариациях утверждение о сложной структуре и вместе с тем целостности понятия качества образования, которое вбирает в себя многослойность таксономии, содержательную разветвлённость, многокомпонентность (в том числе в плане субъектной структуры).

Сегодня качество образования соотносится не только с кодифицированными требованиями (образовательными стандартами), но и с потребностями (ожиданиями) заказчиков и потребителей. Следовательно, СОКО призвана отвечать как требованиям «нормирующего» плана, так и «горизонтам ожидания», с одной стороны, учреждения образования как «поставщика» образовательных услуг, а с другой стороны – их потребителей. Иначе говоря, современная СОКО учреждения образования изначально должна быть *многоадресной* и *полисубъектной*, ориентированной на максимально возможный круг участников (непосредственных и потенциальных) образовательного процесса.

2. Мы исходим из убеждения, что в отечественной системе образования наработан обширный опыт теоретических исследований и практического осуществления оценки качества образования на уровне учреждения образования. Вместе с тем, наряду с опытом и успехами накопились проблемы, которые существенно снижают эффективность функционирования СОКО в конкретных школах, постепенно складываясь в негативные тенденции, влияющие на состояние данной оценки в целом.

В числе упомянутых проблем, как правило, фигурируют: отсутствие необходимого ресурсного обеспечения (нормативного правового, научно-методического, кадрового, материально-технического) для реализации полного цикла мероприятий и процедур; нестандартизированность последних; невалидность и неапробированность инструментария [2, с. 113]. К данному перечню можно добавить размытость (нечёткость) целеполагания, погрешности и даже ошибки в обработке и интерпретации полученных данных, неэффективное использование результатов и т. п. Кроме того, заказчики образовательных услуг (прежде всего, государство и общество) ожидают получения максимально полной информации о качестве общего среднего образования, при этом механизмы его оценки, адекватной реалиям сегодняшнего дня, не проработаны в достаточной мере. В сложившейся ситуации обеспечить функционирование и развитие современной СОКО в учреждении образования возможно только при условии осознания «антиинновационных барьеров» непосредственными организаторами и исполнителями, а также их недекларативной готовности к преодолению этих барьеров на практике.

3. Одной из проблем развития и функционирования СОКО является отсутствие формализованной системы оценки качества образования: «Всем формам контроля необходима опора на единые требования к инструментарию педагогических измерений, современным технологиям проведения контрольно-оценочных процедур, согласованным показателям и критериям, информационным программным средствам» [1]². Особое внимание следует обратить не только на единство концептуальных и критериальных подходов к построению и функционированию СОКО на всех уровнях системы образования: республиканском, региональном, локальном, на уровне учреждения [2, с. 112]. В меняющемся образовательном пространстве относительно низкая эффективность мониторинговых процедур связывается с эклектическим соединением «старого и нового, субъективного и объективного, ручного труда и компьютерного» [3, с. 45]. Из этого вытекает ещё один аспект проблемы: материалы для современного педагогического мониторинга

² В качестве эффективного инструмента (и одновременно требования) достижения этой «всеобъемлющей формализованности» современной СОКО некоторые исследователи рассматривают «электронный конструктор оценки качества образования, созданный на основе научно обоснованной методики формализации данных, форм контроля, получения, обработки, накопления, анализа и мониторинга результатов, их корректной интерпретации» [1].

должны быть адекватными модели образовательного процесса и к тому же обладать максимальной технологичностью, инструментальностью, быть удобными и понятными в использовании для всех субъектов мониторинга (тех, кто его проводит, в нём участвует, обрабатывает данные, делает экспертные оценки, принимает решения по результатам и т. д.). То есть речь идёт об учёте параметра многоадресности разрабатываемого инструментария при сохранении его измерительных свойств.

4. Развитие образовательных систем в разных странах мира имеет свою специфику, однако в последнее десятилетие довольно чётко оформляются некие интегральные характеристики и тенденции, которые позволяют говорить о формировании общего вектора (направления движения) образования как особой сферы социокультурного производства. В аспекте понимания качества общего среднего образования и подходов к его оцениванию с начала 2000-х годов явственно обозначается *переход от методологии контроля качества образования к методологии управления таковым*. Фактически речь идёт о необходимости синхронизации и своеобразном интегрировании процесса исследования качества образования (перманентного педагогического мониторинга) с образовательным менеджментом: «Интеграция мониторинга и управления позволит устранить временной люфт между анализом результатов образовательного процесса и адекватной коррекцией процесса управления», в результате чего педагогический мониторинг нового типа приобретает функциональные характеристики педагогического моделинга, поскольку «является автоматизированным, многопараметрическим, интегрирующим контроль, диагностику, планирование, прогнозирование и принятие решений (планирование, прогнозирование и принятие решений в совокупности составляют моделирование образовательного процесса)» [3, с. 46].

Этот общий вектор внутреннего развития мирового образовательного пространства как нельзя лучше совпадает с целевой установкой функционирования современной СОКО на уровне отдельной школы. Контроль качества обучения и воспитания в том или ином учреждении – лишь один из компонентов сложно структурированного комплекса процедур, алгоритмов, мероприятий и мер, направленных не на контроль собственной деятельности ради контроля и не на оценку ради оценки, а на *качественные изменения процесса и результатов обучения в рамках управления качеством образования*.

5. Необходимо принимать во внимание, что учреждение образования способно влиять на формирование нового качества образования в *регистре своих функций и полномочий*. Строго говоря, в отечественном социокультурном контексте на этом уровне не формируется стратегическая таксономия, не определяется содержание образования и т. п. В данном случае речь идёт, прежде всего, о реализации качественных образовательных услуг через создание соответствующих условий и эффективную организацию образовательного процесса. Вместе с тем на уровне учреждения образования *стратегическое целеполагание должно постоянно «держаться в уме», выполнять фоновую функцию, способствующую принятию обоснованных, стратегически мотивированных, управленческих решений*. Очевидно, что в современном контексте выстраивание сколько-нибудь эффективной стратегии управления качеством образования предполагает достаточную автономию учреждения образования в принятии решений.

Очерченные позиции, как уже отмечалось, задают своего рода общую «рамку координат», определяющую параметры требований к СОКО в учреждении общего среднего образования, которая рассматривается, прежде всего, как *комплексная оценка качества предоставляемых учреждением образования образовательных услуг, включая их проектирование, планирование, выявление содержательности данных услуг, обеспечение их реализации и оценку результативности таковых*.

Эта оценка может осуществляться в разных методологических системах координат. По отношению к современному состоянию и перспективам развития образовательных систем нам представляется перспективным подход, базирующийся на выделении трёх характеристик результата деятельности: **экономии** (под которой в данном случае подразумевается использование «человеческих и материальных ресурсов надлежащего качества и в надлежащем количестве с наименьшими издержками»), **эффективности** (имеется в виду «получение максимального результата при заданном наборе ресурсов или использование минимальных ресурсов для получения необходимого количества и качества предоставляемых услуг») и **результативности** (здесь речь идёт об «удовлетворении потребностей граждан, решении поставленных задач, достижении намеченных целей в результате осуществления программы или выполнения работы. Другими словами, результативность оценивает, достигает ли реально данная услуга тех целей, которые перед

ней поставлены)» [4, с. 98]. Упомянутый классификационный подход доказал свою эффективность в образовательной практике стран с высоким уровнем развития образования; он увязывает показатели и индикаторы затрат (*input*), продукта (*output*), результата (*outcome*), результативности (*effectiveness*), эффективности (*efficiency, productivity*).

Таким образом, триада «экономия – эффективность – результативность» задаёт **методологическую рамку (матрицу) требований**, предъявляемых к современной СОКО, в том числе на уровне учреждения образования. В то же время классическая триада «процесс – условия – результат» рассматривается нами как **объектная (предметная)** составляющая (база) системы оценки качества образования.

Для большинства современных исследователей качества образования структурообразующей основой проектирования и моделирования СОКО инновационного типа выступает идея о том, что «формирование качества образования зависит от многих показателей», множественность которых «делает качество комплексной характеристикой, отражая результаты полученного образования в школе» [5, с. 101]. Соответственно, указанная комплексность качества образования изначально определяет сложноструктурированность, разветвлённость, своего рода «сложносочинённость» требований, которым должны отвечать не только система в целом, но и составляющие её уровни-подсистемы.

Весь массив требований к современным системам оценки качества образования (в том числе общего среднего) можно на первом этапе разделить на два больших блока. Для максимально точного определения содержательной сути обозначим их (с некоторой долей условности) как фундаментальные и инновационные.

К первому блоку – **фундаментальным требованиям** – относятся базовые, структурообразующие для любой образовательной системы и СОКО как её компонента параметры, сохраняющие свою актуальность даже после парадигмальных изменений, в последние три десятилетия преобразивших ландшафт мирового образовательного пространства.

В контексте любого мониторингового исследования (в том числе педагогического) ценность информации в наиболее общем виде определяется её достоверностью, полнотой и своевременностью. Специалисты в сфере организации и проведения мониторингов разных

типов и видов неизменно приходят к выводу о том, что «получение надёжной информации невозможно без стандартизации процессов. При этом стандарты должны не только полностью детализировать процесс, но и чётко определять место получения, метод регистрации и способ обобщения информации» [4, с. 98]. С точки зрения структурно-функциональной, практически любой мониторинг «формируется как многоуровневая система повторяющихся диагностических процедур, проводимых с использованием количественных методик, максимально объективирующих качественные показатели избранных объектов» [6, с. 21].

Принимая во внимание эти и другие наблюдения относительно факторов и параметров эффективного функционирования систем оценки качества образования в новейшем социокультурном пространстве, к фундаментальным требованиям к современной СОКО учреждения образования следует отнести:

- целенаправленность всех мониторинговых процедур;
- многоаспектность и целостность как самой системы, так и её разноуровневых составляющих, что обеспечивается (в числе прочего) непротиворечивостью и взаимодополняемостью компонентов системы;
- полноту цикла *проектирование – планирование – организация – реализация – обработка данных – анализ и интерпретация результатов – принятие решений, информирование заинтересованных – педагогическая коррекция – проектирование нового исследования качества предоставляемых услуг и т. д.*;
- чёткую структурированность внутришкольной СОКО (то есть движение от оценки качества образования на уровне отдельного обучающегося (оценка индивидуальных достижений) к оценке достижений коллектива (класса) (внутриклассное оценивание) и, далее, к оценке деятельности учреждения образования в целом [2, с. 115]);
- непрерывность, длительность, своевременность, периодичность изучения объектов (в широком смысле) образовательного процесса, системность и последовательность соответствующих процедур, мер, мероприятий;
- валидность, надёжность, удобство использования инструментария;
- корректность статистических процедур;
- достоверность, надёжность, объективность получаемых данных;

- адресность и гласность результатов.

Во второй блок так называемых *инновационных требований* включены параметры, актуализировавшиеся недавно либо формирующиеся на наших глазах, значимость которых уже сегодня признаётся (либо «ощущается») большинством заказчиков и потребителей образовательных услуг в сфере общего среднего образования.

В основу отбора требований этого типа положен *принцип*, суть которого определяется как *целерациональная инновационность*. Речь идёт о своего рода «целесообразной инновационности», когда для обеспечения устойчивого функционирования и развития СОКО учреждение образования использует инновационные компоненты в пределах достаточности и необходимости для «формирования информационной основы принятия управленческих решений» [7, с. 103], ведущих к новому качеству предоставляемых образовательных услуг.

Таким образом, к числу целесообразно-инновационных требований к функционированию СОКО в современном учреждении общего среднего образования следует отнести:

- сложноструктурированность целей оценки качества образования (многоцелевой характер);
- каузальный тип целеполагания (речь идёт об имманентной нацеленности СОКО на выяснение причин и факторов изменения качества образовательных услуг, которые предоставляет учреждение образования);
- опережающую таксономию (изначальная ориентированность СОКО в целом и всех её компонентов на достижение более высоких результатов³);
- многовекторность измерений (что предполагает переход «от оценки отдельных, изолированных умений к интегрированной и междисциплинарной оценке», «от одномерного к многомерному измерению – от оценки только одной характеристики образовательных достижений к оценке нескольких характеристик одновременно» [9]);
- использование современной критериальной базы, эффективность которой обеспечивается сочетанием таких характеристик целевых индикаторов, как *адекватность*

³Это связано с тем, что «система с высокими показателями качества образования будет предъявлять, более высокие требования как к самой себе, так и к своим структурным элементам» [8, с. 39].

(соответствие полученной информации реальному состоянию процесса предоставления образовательных услуг), *достаточность* и *актуальность* [4, с. 99]. Кроме того, критериальная база современной СОКО должна наряду с собственно *образовательными* (уровень предметных и метапредметных компетенций) предполагать возможность измерения *социокультурных результатов* обучения, связанных с выполнением социокультурного заказа общества и государства, удовлетворением их ожиданий, в том числе отложенных;

- смену акцентов внутри *функционального регистра* СОКО учреждения образования⁴, сбалансированность диагностической, контрольной и оценочной её составляющих (компонентов);

- непротиворечивое сочетание по принципу взаимодополняемости *формальных* (соотносимых с требованиями образовательных стандартов и иных обязательных нормативных правовых документов), *неформальных* (опосредованно, косвенно относящихся к нерегламентированной деятельности учреждения образования) и *информальных* (имеющих отношение к широкому социокультурному контексту функционирования учреждения образования) составляющих (процедур, инструментов, субъектов оценивания);

- генеральную ориентированность СОКО на выявление и интерпретацию *динамики изменений*;

- автоматизированность сбора, обработки, хранения массивов данных (наличие и эффективное использование разными участниками оценки качества образования на уровне учреждения образования автоматизированных информационных систем); измеримость результатов во взаимосвязи с информатизацией [7, с. 103] СОКО;

- включение в структуру СОКО процедур (мероприятий, исследований) внешней оценки качества образования (участие в различных программах независимой оценки качества образования и использование их результатов для управления качеством образования в конкретном учреждении и проч.);

⁴ Речь в данном случае идёт о «постепенном расширении функций оценки и уменьшении контрольных функций» [7, с. 103], что предполагает качественное изменение структуры оценки, то есть рост экспертной составляющей в структуре системы оценивания.

•многоаспектность использования результатов (включая разные временные перспективы – ближне-, средне- и долгосрочные).

Ряд требований инновационного типа на этапе их включения в «конвенциональный» перечень ещё необходимо обсудить в педагогическом сообществе. Так, например, российские исследователи в качестве одного из новых параметров современной региональной СОКО выдвигают «отражение результатов оценочных процедур в повышении квалификации» [7, с. 104]. Данное требование, на наш взгляд, имеет более частный характер, а его внесение в соответствующий перечень будет в значительной степени обусловлено локальной спецификой (включая особенности системы повышения квалификации педагогических кадров, влияние зафиксированного уровня квалификации (категории) на заработную плату и т. д.). И, как уже очевидно, в самое ближайшее время важное место в структуре СОКО займёт сегмент, связанный с новыми социокультурными реалиями – жизнью мирового сообщества в условиях пандемии.

Среди остро актуальных показателей качества деятельности учреждения общего среднего образования сегодня едва ли не на первый план выдвигается комплекс параметров, связанных с возможностью *быстрой трансформации образовательного процесса и оперативного перехода к разным формам (форматам) обучения в их различных сочетаниях*, необходимостью реализации моделей смешанного обучения в стремительно меняющейся образовательной ситуации (например, когда приходится оперативно организовать параллельное очное и дистанционное обучение для учащихся одного класса, находящихся в разных местах и в условиях различной технической оснащённости учебного места). При этом требования гибкости, мобильности, быстрой трансформируемости образовательного процесса не должны вступать в противоречие со структурообразующими требованиями, например, равного и свободного доступа всех обучающихся к получению качественного образования. То есть, речь идёт о повышении «чувствительности» системы общего среднего образования к социокультурным изменениям, что предполагает выполнение требования оптимизации образовательного процесса в соответствии с меняющимися обстоятельствами. Всё это самым непосредственным образом влияет на контекст функционирования СОКО на уровне учреждения образования и предъявляет дополнительные требования для обеспечения

её эффективности, т. е, по сути, задаёт новый вектор в развитии и функционировании СОКО на уровне учреждения образования.

В апреле текущего года руководитель мессенджера «Яндекс.Учебника» Евгений Лурье представил в рамках Московского международного салона образования ММСО-2020 результаты всероссийского исследования, нацеленного на выяснение того, как с методической точки зрения изменился образовательный процесс при переходе в дистанционный формат и как разные инструменты (цифровые и нецифровые) помогают учителям в достижении различных педагогических целей.

Среди результатов данного социологического исследования в рамках определения современных требований к СОКО на уровне учреждения общего среднего образования особый интерес представляют два вывода.

При переходе на дистанционное обучение:

- нагрузка учителей выросла вне зависимости от количества заданий, которые получают учащиеся. Одна из причин этого объясняется следующим образом: «В начальной школе 86 % учителей указали, что контактов с родителями стало больше. В средней школе этот факт отметили 70 % учителей» [10];
- в начальной школе уменьшилось количество уроков, направленных на диагностику и контроль знаний (это отметили 50 % учителей из более 5 тысяч респондентов).

В связи с этим авторы российского исследования подчёркивают: «Изменение структуры образовательного процесса во многом связано с ограниченным функционалом онлайн-платформ. В первую очередь, необходимо адаптировать сервисы для диагностики и контроля знаний, а также для введения нового материала» [10].

Во многих других исследованиях также утверждается, что в последнее время стремительно обостряется проблема эффективности деятельности учителя. Рассматриваемая в наиболее общем виде как его способность «решать определённый класс задач, соответствующих имеющейся квалификации, но при этом быть ориентированным на перспективу профессионального роста [11, с. 28]», она имеет комплексный характер и предполагает осмысление сути самого понятия «эффективность педагогической деятельности» и её структуры, определение параметров и критериев оценки соответствующих результатов. Квалификацию педагогического работника в современном

педагогическом дискурсе чаще всего позиционируют как совокупность компетентностей, в перечень которых могут включаться разные позиции, однако её ядро, как правило, остаётся неизменным. Это: «компетентность в области личностных качеств; компетентность в постановке целей и задач педагогической деятельности; компетентность в мотивировании обучающихся (воспитанников) на осуществление учебной (воспитательной) деятельности; компетентность в разработке программы деятельности и принятии педагогических решений; компетентность в обеспечении информационной основы педагогической деятельности; компетентность в организации педагогической деятельности» [12]. В «подвижном» образовательном пространстве, чрезвычайно чувствительном к колебаниям социокультурного контекста и подвергающемся тем же тектоническим изменениям, что и «большой мир», оценка качества педагогической деятельности в параметрах эффективности и результативности также должна быть гибкой, подвижной, трансформируемой.

Что касается заказчиков и потребителей образовательных услуг, то согласно результатам современных педагогических исследований бóльшая их часть под понятием «качественное образование» подразумевают совокупность составляющих, позволяющую на выходе из школы «получить всесторонне развитую, образованную и культурную личность, стремящуюся не только получить дальнейшее обучение в системе высшего образования, но и приобрести важные навыки, необходимые для дальнейшей жизни» [5, с. 102]. В данном случае оценивается (в первую очередь, родительской общественностью), прежде всего, деятельность конкретного учреждения образования — насколько, в числе прочего, «жизненно» получаемое в нём образование. Таким образом, речь идёт о нацеленности образовательного процесса на *формирование высокой степени адаптивности к повседневной жизни в современном мире, подверженном «мгновенным» трансформациям.*

В связи с этим представляется необходимым к перечню остро актуальных требований, соблюдение которых в существенной степени будет определять эффективность функционирования СОКО учреждения общего образования в современных социокультурных обстоятельствах, добавить позиции, связанные с:

- расширением диапазона возможностей «удалённой» (онлайн и офлайн) оценки качества образовательных услуг, предоставляемых (по разным направлениям) в учреждении образования;

•обязательным наличием в сегменте критериальной базы СОКО, которая относится к оценке кадровых ресурсов и деятельности педагогов учреждения образования, инвариантного и вариативного компонентов (показателей и индикаторов), с возможностью оперативного расширения последнего в соответствии с актуальным состоянием образовательной системы и локальной спецификой;

•представленностью в СОКО компонентов, позволяющих заказчикам и потребителям образовательных услуг оценить реальную практикоориентированность образовательного процесса и предоставляемых услуг, нацеленных на широкую социализацию учащихся, формирование их адаптивности к быстрым изменениям социокультурного пространства;

•существенным возрастанием степени вовлечённости в процесс осуществления всех этапов СОКО учреждения образования законных представителей учащихся, расширением их функций и форм участия в данном процессе.

Стоит обратить особое внимание на то, что эти требования, во-первых, должны реализовываться *планомерно*, то есть не в форсмажорных, а в «штатных» обстоятельствах работы учреждения образования, что обеспечит устойчивость функционирования СОКО в случае нештатных ситуаций. В основу отбора конкретных позиций (методов, форм, способов взаимодействия, алгоритмов и процедур оценки и т. д.) должны быть положены принципы инновационной целесообразности, а также «эргономичности» (педагогической, организационно-управленческой, психологической и т. п.).

Таким образом, начало третьего десятилетия XXI ст/ ознаменовалось небывалой по масштабам и стремительности трансформацией образовательного пространства, изменением его формы (структуры), что, в свою очередь, с неизбежностью обуславливает трансформацию содержательного и методологического планов. В контексте требований, предъявляемых сегодня к СОКО на уровне учреждения образования, это означает, во-первых, необходимость сочетания в их комплексе фундаментальной и инновационной составляющих, а во-вторых — способность гибкого взаимодействия инвариантного и вариативного блоков. При этом методологическую рамку (матрицу) вышеозначенных требований задаёт триада «экономия – эффективность – результативность», в то время как объектную (предметную) базу современной СОКО составляет классическая триада «процесс – условия – результат».

Список использованных источников

1. Данильченко, С. Л. Комплексная система оценки качества образования как совокупность организационной структуры, методик, процессов и ресурсов / С. Л. Данильченко // Международный журнал экспериментального образования. – 2017. – № 3 (часть 2). – С. 179–184 // Международный журнал экспериментального образования [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.expeducation.ru/ru/article/view?id=11281> (дата обращения: 20.05.2020).
2. Фомина, Н. Б. Непрерывная система оценки качества образования : от детского сада до ЕГЭ / Н. Б. Фомина, И. Л. Чайко // Человек и образование. – 2019. – № 1. – С. 112—118.
3. Киселёва, Е. С. Мониторинг качества образовательного процесса / Е. С. Киселёва, Л. Н. Караванская, Д. А. Романов, А. М. Доронин // Учёные записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2012. – № 11 (93). – С. 44–48.
4. Никитина, Е. Н. Показатели и целевые индикаторы эффективности и результативности предоставления услуг в системе общего образования (на примере специального образования) / Е. Н. Никитина // Вопросы образования. – 2008. – № 4. – С. 96–110.
5. Милосердова, О. Ю. Качество среднего общего образования: теоретические и прикладные аспекты / О. Ю. Милосердова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 2 (50). – С. 94–106.
6. Иванов, С. А. Мониторинг и статистика в образовании : учебно-методический комплект материалов для подготовки тьюторов / С. А. Иванов, С. А. Писарева, Е. В. Пискунова, О. Э. Крутова. – М. : АПК и ППРО, 2007. – 128 с.
7. Малышев, Ю. П. Новые элементы санкт-петербургской региональной системы оценки качества образования / Ю. П. Малышев, С. Ю. Трофимова, В. Е. Фрадкин // Качество образования в Евразии. – 2016. – № 4. – С. 101–112.
8. Милосердова, О. Ю. Образование и качество образования в контексте социокультурного подхода / О. Ю. Милосердова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2017. – Т. 3. — Вып. 4 (12). – С. 36–41.

9. Медианар «Современный инструментарий контроля и оценки достижений стандартов образования» // Знанио [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://znanio.ru/medianar/47/> (дата обращения : 20.05.2020).

10. Как изменилась методика преподавания в школах с переходом на дистант : Результаты всероссийского исследования Яндекс. Учебника // Яндекс. Учебник [Электронный ресурс]. – Режим доступа : (дата обращения : 20.05.2020).

11. Асхадуллина, Н. Н. Исследование проблемы комплексной оценки результатов деятельности педагогических работников / Н. Н. Асхадуллина, И. А. Талышева // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 60-4. – С. 27–31.

12. Методика оценки уровня квалификации педагогических работников [Электронный ресурс] / под ред. : В. Д. Шадрикова, И. В. Кузнецовой. – М. : ВШЭ, 2010. – Режим доступа : https://portal.ivedu.ru/dep/mouofurmn/commondocs/metodicheskaya_slujba/metod_i_pravov_obespech/metodika%20ocenki_%28S%20hadrikova%29.pdf (дата обращения : 20.05.2020).

References

1. Danil'chenko, S. L. Kompleksnaya sistema otsenki kachestva obrazovaniya kak sovokupnost' organizatsionnoi struktury, metodik, protsessov i resursov / S. L. Danil'chenko // Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya. – 2017. – № 3 (chast' 2). – S. 179–184 // Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya [Elektronnyi resurs]. — Rezhim dostupa: <https://www.expeducation.ru/ru/article/view?id=11281> (data obrashcheniya: 20.05.2020).

2. Fomina, N. B. Nepreryvnaya sistema otsenki kachestva obrazovaniya : ot detskogo sada do EGE / N. B. Fomina, I. L. Chaiko // Chelovek i obrazovanie. – 2019. – № 1. – S. 112—118.

3. Kiseleva, E. S. Monitoring kachestva obrazovatel'nogo protsessa / E. S. Kiseleva, L. N. Karavanskaya, D. A. Romanov, A. M. Doronin // Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta. – 2012. – № 11 (93). – S. 44–48.

4. Nikitina, E. N. Pokazateli i tselevye indikatory effektivnosti i rezul'tativnosti predostavleniya uslug v sisteme obshchego obrazovaniya (na primere spetsial'nogo obrazovaniya) / E. N. Nikitina // Voprosy obrazovaniya. – 2008. – № 4. – S. 96–110.

5. Miloserdova, O. Yu. Kachestvo srednego obshchego obrazovaniya: teoreticheskie i prikladnye aspekty / O. Yu. Miloserdova // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki. – 2019. – № 2 (50). – S. 94–106.
6. Ivanov, S. A. Monitoring i statistika v obrazovanii : uchebno-metodicheskii kompleks materialov dlya podgotovki t'yutorov / S. A. Ivanov, S. A. Pisareva, E. V. Piskunova, O. E. Krutova. – M. : APK i PPRO, 2007. – 128 s.
7. Malyshev, Yu. P. Novye elementy sankt-peterburgskoi regional'noi sistemy otsenki kachestva obrazovaniya / Yu. P. Malyshev, S. Yu. Trofimova, V. E. Fradkin // Kachestvo obrazovaniya v Evrazii. – 2016. – № 4. – S. 101–112.
8. Miloserdova, O. Yu. Obrazovanie i kachestvo obrazovaniya v kontekste sotsiokul'turnogo podkhoda / O. Yu. Miloserdova // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki. – 2017. – T. 3. — Vyp. 4 (12). – S. 36–41.
9. Medianar «Sovremennyyi instrumentarii kontrolya i otsenki dostizhenii standartov obrazovaniya» // Znanio [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa : <https://znanio.ru/medianar/47/> (data obrashcheniya : 20.05.2020).
10. Kak izmenilas' metodika prepodavaniya v shkolakh s perekhodom na distant : Rezul'taty vserossiiskogo issledovaniya Yandeks. Uchebnika // Yandeks. Uchebnik [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa : (data obrashcheniya : 20.05.2020).
11. Askhadullina, N. N. Issledovanie problemy kompleksnoi otsenki rezul'tatov deyatelnosti pedagogicheskikh rabotnikov / N. N. Askhadullina, I. A. Talysheva // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2018. – № 60-4. – S. 27–31.
12. Metodika otsenki urovnya kvalifikatsii pedagogicheskikh rabotnikov [Elektronnyi resurs] / pod red. : V. D. Shadrikova, I. V. Kuznetsovoi. – M. : VShE, 2010. – Rezhim dostupa : https://portal.ivedu.ru/dep/mouofurmn/commondocs/metodicheskaya_slujba/metod_i_pravov_obespech/metodika%20ocenki_%28S%20hadrikova%29.pdf (data obrashcheniya : 20.05.2020).

УДК 378.1

Larysa Smolinchuk,
PhD, Docent,
Multi-cultural research center,
Huzhou University
(People's Republic of China)

HIGHER EDUCATION IN CHINA: STRUCTURE AND MAIN DIRECTIONS OF DEVELOPMENT

The article is an overview of the key parameters of higher education in China at the present stage. Multilevel factors are revealed (innovative strategy for economic development, state policy in the field of education, etc.), directions for improving higher education are outlined (a course towards mass higher education, the intensification of the internationalization of education while maintaining and developing national educational traditions).

Keywords: higher education in China; reform of higher education; structure of higher education; higher education manager; mass higher education; international cooperation in the field of education.

中国高等教育：结构与主要方向发展

本文对现阶段我国高等教育的关键参数进行了概述，揭示了多层因素（经济发展的创新战略、教育领域的国家政策等），也提出了改进高等教育的方向（面向大众高等教育的课程，加强教育国际化，同时保持和发展民族教育传统）。

关键词：中国高等教育；高等教育改革；高等教育结构；高等教育管理；大众高等教育；教育领域的国际合作

Лариса Смолинчук,
кандидат педагогических наук, доцент;
Мультикультурный исследовательский центр,
Университет Хучжоу
(КНР)

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КНР: СТРУКТУРА И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Статья представляет собой обзор ключевых параметров высшего образования в КНР на современном этапе. Раскрываются разноуровневые факторы (инновационная стратегия

развития экономики, государственная политика в сфере образования и др.), очерчиваются направления совершенствования высшего образования (курс на массовое высшее образование, интенсификация интернационализации образования при сохранении и развитии национальных образовательных традиций).

Ключевые слова: высшее образование в КНР; реформирование высшего образования; структура высшего образования; менеджмент высшего образования; массовое высшее образование; международное сотрудничество в сфере образования.

За последние десятилетия Китай достиг значимых экономических успехов и стал одним из самых динамично развивающихся государств в мире. Одним из определяющих факторов этого многовекторного развития стало внимание к образованию как к ключевому компоненту устойчивого развития общества. В своё время страна взяла курс на «четыре модернизации» — в сельском хозяйстве, промышленности, армии, науке и технике. Особое место было отведено повышению роли интеллектуального труда, наукоёмких технологий, заимствованию передового зарубежного опыта. «Главной производительной силой» модернизации национальной экономики стали образование и наука. Реформирование образования в последние годы рассматривается как стратегически важный сегмент реформирования и модернизации всей страны, при этом особенное внимание уделяется высшему образованию.

Реформирование системы образования в КНР

Началом реформирования системы высшего образования стало провозглашение политики реформ и открытости в 1978 году. Идеологом политики образовательной реформы выступил Дэн Сяопин, считавший, что при модернизации системы образования необходимо «исходить из практики — реальной действительности», избегая при этом сомнительных экспериментов, влекущих негативные последствия [1]. В стране был принят ряд законодательных актов, направленных на модернизацию системы образования (по сути, речь шла о создании новой системы): «Закон об обязательном образовании» (1986), «Программа реформирования образования и задачи развития Китая» (1992), «Закон об учителе» (1993), «Закон об образовании» (1995), «Временные правила по организации деятельности учреждений высшего образования в сотрудничестве с зарубежными партнёрами» (1995),

«Закон о профессиональном образовании» (1996), «Закон об образовании в КНР» (1997), «План действий для активизации образования в XXI веке» (1998), «Закон о высшем образовании» (1999), Программа реформы предметов в сфере базового образования (2001), «Закон об обязательном образовании в КНР» (новый вариант — в 2006 г.) и др.

В «Законе об обязательном образовании» (1986) были закреплены приоритетность и государственная гарантия образования, а также определены главные направления развития образования:

- ликвидация неграмотности;
- обязательное всеобщее девятилетнее образование;
- повышение культурного, научного и морального уровня нации;
- оптимизация структуры базового высшего (среднего) образования;
- модернизация системы высшего профессионального образования;
- интеграция китайского образования в мировую образовательную систему [4].

Основные задачи, цели и принципы реформ в области образования были определены в «Программе реформирования образования и задачах развития Китая» (1992). Положения законодательных актов закрепили государственный подход к созданию качественно новой, научно обоснованной модели организации, управления и финансирования образования. Среди нововведений, которые существенно повлияли на модернизацию высшего образования, были:

- децентрализация образования;
- изменение принципов финансирования;
- оптимизация и увеличение численности образовательных учреждений;
- введение единых правил приёма в университеты (единого государственного экзамена — гаокао);
- введение академических степеней.

Структура высшего образования

С начала проведения реформ образование в Китае претерпело ряд структурных (количественных и качественных) изменений. Так, количество вузов к концу 2010-х годов увеличилось с 598 (1978 г.) до почти 3 000 (из них почти 800 высших учебных заведений — частные). Высшие учебные заведения представлены университетами с широким спектром

дисциплин (включая естественные и гуманитарные направления), технологическими университетами и институтами, отраслевыми институтами, педагогическими университетами, специальными колледжами. В настоящее время в Китае функционируют комплексные университеты, высшие учебные заведения с кратким курсом обучения (присваивается квалификация «специалист»), с полным курсом обучения (бакалавриат), профессиональные краткосрочные университеты местного значения, вузы для взрослых, независимые профессиональные технические институты, в число которых входят негосударственные профессиональные институты и высшие профессионально-технические институты (колледжи).

Реформой 1993 года было закреплено ранжирование вузов по категориям. В зависимости от подчинения и масштаба все высшие учебные заведения делятся на:

- вузы высшей категории;
- вузы провинциального уровня;
- вузы городского уровня.

Частные вузы ранжируются по такому же принципу [1].

Система ранжирования органично встроена в организацию учебного процесса и набор абитуриентов за счёт селективности по баллам. В зависимости от количества баллов, полученных на едином государственном экзамене для поступления в высшие учебные заведения (гаокао), абитуриенты «прикрепляются» к вузам определённой категории. На сегодняшний день в КНР сформировалась единая система высших учебных заведений, которые, с одной стороны, отвечают международным стандартам, а с другой – обладают уникальной национальной спецификой.

Управление и финансирование высшего образования

Государственная политика децентрализации управления привела к созданию сложной системы управления высшими учебными заведениями. Основная часть вузов подчиняется Министерству образования, ведомствам и агентствам регионального (провинциального) уровня. В настоящее время 70 % вузов относятся к Министерству образования. Также функционирует более 20 агентств провинциального уровня, в сферу компетенции которых входит руководство местными вузами. Ряд таких учреждений находится в подчинении

центральных и местных органов власти (совместное управление). Небольшие вузы, а также колледжи подчиняются местным органам власти.

Не менее сложна в настоящее время система финансирования образования. До перехода к политике реформ в Китае было централизованное финансирование образования за счёт бюджетных средств, построенное по советскому образцу. С началом реформ возникла необходимость в разработке новой, более гибкой системы финансирования, которая бы учитывала потребности регионов и меняющуюся ситуацию в экономике страны. В связи с этим часть финансирования была перенесена с уровня федерального бюджета на местные бюджеты. Из федерального бюджета финансируются вузы, находящиеся непосредственно в подчинении Министерства образования, остальные — финансируются за счёт средств местных бюджетов, либо осуществляется совместное финансирование.

Дополнительный источник доходов вуза – оплата за обучение. Высшее образование в Китае платное. Плата за обучение составляет примерно 20–30 % от себестоимости. Причём существует практика определения суммы оплаты в зависимости от уровня успеваемости студента. Для студентов из нуждающихся семей предусмотрена льготная оплата или даже бесплатное обучение. Лучшие студенты могут претендовать на стипендии и разовые материальные поощрения. Развита система, когда за студента платит организация или предприятие, на котором он работает или будет работать.

За последние годы увеличилась роль внебюджетных источников финансирования образования. Согласно «Закону о высшем образовании» (1999) государство «поощряет в рамках закона их (вузов) создание и финансирование профессиональными, предпринимательскими организациями, общественными коллективами, другими общественными организациями и гражданами» [3]. Достижение качественно нового уровня сегодняшнего высшего образования в Китае нельзя отделить от сильной финансовой поддержки страны в области образования. Если в 1996 году в образование было вложено 22,6234 млрд юаней (2,44 % ВВП), то в 2006 году – 98,1531 млрд (3,01 % ВВП), а в 2018 году – 461,43 млрд (4,11 % ВВП) [6].

Заслуживает внимания политика приоритетного финансирования ведущих университетов страны. В конце 1990-х гг. с целью создания университетов мирового уровня правительство Китая начало реализацию двух образовательных проектов – «Проекта 211»

(1995) и «Проекта 985» (1998) [7]. В рамках данных программ 100 ведущих вузов КНР по уровню качества преподавания и научно-исследовательской деятельности должны достигнуть мировых стандартов и войти в число ведущих вузов мира. Выделенные средства были направлены на создание, реорганизацию и поддержку ключевых университетов страны. Ведущие вузы, входящие в проекты, находятся в крупнейших городах КНР: Пекине, Тяньцзине, Шанхае и Чунцине. Так, «Проект 211» на сегодняшний день охватывает 100 вузов и включает 602 исследовательских проекта, объединяет 2/3 всех ключевых инженерно-конструкторских исследовательских центров и лабораторий КНР.

Политика выделения и финансирования ключевых вузов дала Китаю возможность осуществить значительный прорыв в развитии системы высшего образования. Вузы, участвующие в проектах, смогли улучшить материальную базу, повысить уровень организации учебного процесса и проводимых научных исследований. Децентрализация управления и финансирования базового (обязательного) образования (передача его местным органам власти) позволила в значительной степени расширить масштабы обязательного образования в Китае, которое послужило основой для повышения культурного уровня нации и условием для пополнения рядов студенчества. Перед страной стала задача перехода к массовому высшему образованию.

Очень важным решением было восстановление единой системы вступительных экзаменов. Государственный экзамен для поступления в высшие учебные заведения (гаокао) одновременно является и выпускным для учащихся средней школы высшей ступени. Результаты экзамена – основной критерий отбора абитуриентов при поступлении в вуз.

Для увеличения шансов при поступлении в вузы абитуриентов из экономически слаборазвитых регионов существует система квот. Каждый университет имеет квоты приёма абитуриентов для каждого города центрального подчинения, провинции и автономного района Китая. Механизм приёма по квотам, с одной стороны, усложняет поступление в престижные вузы страны (проходной балл в конкретный вуз зависит от квоты набора в этот вуз абитуриентов из каждой административной единицы страны), но, с другой стороны, даёт шанс абитуриентам из слаборазвитых приграничных районов страны с меньшим количеством баллов поступить в университет. Эти студенты после окончания университета обязаны вернуться в свой регион.

Продуманная государственная политика гарантирования гражданам доступности обучения в высших учебных заведениях дала свои результаты. Процент охвата молодёжи высшим образованием с 2,7 % в 1978 году (начало реформ) поднялся до 48,1 % в 2018 г. [6]. Высшее образование Китая сегодня по международным нормам стало массовым.

Международное сотрудничество в сфере высшего образования

Политика открытости кардинально изменила высшее образование Китая. Университеты КНР начали широкомасштабное сотрудничество с международными организациями, научно-исследовательскими центрами, образовательными учреждениями, а также промышленными предприятиями зарубежных стран. Международное сотрудничество происходит как на государственном, так и на региональном уровнях, действует система договоров о международном сотрудничестве конкретных высших учебных заведений.

Большое количество китайской молодёжи получает высшее образование за рубежом. Решение об отправке студентов на обучение за рубеж знаменовало начало эпохи открытости в Китае. В своё время вернувшиеся после обучения из-за рубежа китайские студенты и специалисты должны были привезти передовой опыт и технологии, адаптировать их для нужд модернизации страны. Сегодня КНР занимает первое место по количеству обучающихся за границей. Если в 1995 году за границу выехало 20,4 тыс. студентов (менее 1 % от общего числа студентов), то к 2016 году число достигло 544,5 тыс. человек (увеличилось в 27 раз). Политика государства, направленная на поддержку студентов, обучающихся в зарубежных университетах (гарантия трудоустройства после окончания обучения, льготные банковские кредиты), даёт результаты: если в 1995 году в Китай возвращалась треть выехавших на обучение за границу студентов, то сегодня эта цифра составляет 79,4 % [2].

География обучения китайских студентов довольно широка: их принимают свыше 100 стран мира. Наибольшее количество учится в США, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Канаде, Германии, Франции, Японии. Вместе с тем огромное количество студентов из-за рубежа приезжает учиться в вузы КНР. Экономические успехи Китая усиливают интерес к стране и китайскому языку, увеличивают приток иностранных студентов, число которых растёт ежегодно. За последние годы значительно увеличилось количество вузов, принимающих иностранных студентов. Так, если в 1979 г. существовало

23 таких вуза, то сегодня практически в каждом вузе учатся студенты из-за рубежа. Ярким примером может служить городской Университет Хучжоу (провинция Чжэцзян). Первые 96 иностранных студентов из 9 стран поступили сюда в 2015 году, а в 2019 году в университете учатся уже 552 студента из 39 стран (за 5 лет количество иностранных студентов увеличилось почти в 6 раз). Причём если раньше основная масса иностранных студентов изучала китайский язык, то в настоящее время велика доля тех, кто получает бакалаврские и магистерские степени. В настоящее время в Китае обучается около 10 % от всех иностранных студентов в мире. В 64 странах мира признаются дипломы, полученные в вузах Китая [6].

Кроме обмена студентами и учёными, стали практиковаться образовательно-академические обмены, проведение совместных научных исследований, открытие совместных вузов и научных центров. Преподаватели китайских вузов направляются в ведущие университеты мира, и наоборот – зарубежные специалисты приглашаются в Китай.

Международное образовательное сотрудничество является стратегически важным сегментом в сфере образовательной политики, и государство стимулирует развитие данного направления. Согласно Национальной среднесрочной и долгосрочной программе реформы и развития образования на 2010–2020 гг. приоритетными являются:

- увеличение числа иностранных студентов в Китае;
- увеличение числа китайских государственных стипендий для иностранных студентов;
- субсидирование исследований, проводимых в Китае студентами из развивающихся стран;
- увеличение числа программ высшего образования, преподаваемых на иностранных языках в китайских университетах;
- повышение качества образования;
- реализация Плана обучения за рубежом китайских граждан за счёт средств государственного бюджета в целях повышения международной мобильности студентов [5].

В настоящее время в планах китайского правительства – сделать Китай крупнейшей принимающей страной в Азии и одной из главных в мире для обучения иностранных студентов.

Китайские университеты в международных рейтингах

Успешность реформ в высшем образовании подтверждается местами китайских университетов в международных рейтингах Times Higher Education (THE), QS World Universities Rankings (QS) и Academic Ranking of World Universities (ARWU, Шанхайский рейтинг).

В рейтинге THE-2020 в число 200 лучших вузов вошли семь китайских университетов: Университет Цинхуа (23), Пекинский университет (24 – за год поднялся на 6 позиций), Университет науки и техники Китая (80 – за год поднялся на 13 позиций), Чжэцзянский университет (107), Университет Фудань (109), Нанкинский университет (144), Шанхайский университет Цзяо Тун (157 – за год поднялся на 22 позиции). По версии QS-2020 места распределены таким образом: Университет Цинхуа (15), Пекинский университет (23), Университет Фудань (34 – 6 позиций за год), Шанхайский университет Цзяо Тун (47 – 13 позиций), Чжэцзянский университет (53), Университет науки и техники Китая (93), Нанкинский университет (124).

В Шанхайском рейтинге (по мнению некоторых экспертов, самом строгом) в 2020 году четыре университета Китая вошли в первую сотню: Университет Цинхуа (29 – 14), Пекинский университет (49 – 48), Чжэцзянский университет (50 – 20), Шанхайский университет Цзяо Тун (63 – 19), впервые вошли в сотню – Университет науки и техники Китая (73) и Университет Фудань (100) ещё шестнадцать – во второй сотне, всего в топ-500 рейтинга ARWU вошли 65 китайских вузов. Следует отметить, что в 2003 году (когда Шанхайский рейтинг был впервые опубликован) только два китайских вуза вошли в третью сотню: Университет Цинхуа и Пекинский университет, а в топ-500 было всего лишь девять университетов.

Таким образом, китайский «экономический рывок в будущее» стал возможен благодаря созданию современного образования мирового уровня с китайской спецификой. Основная идея развития образования внутри страны была направлена на поднятие общего уровня образованности населения, достижение равномерного развития образования на всей

территории государства, развитие всех уровней образования, повышение качества образования. Внешняя образовательная стратегия КНР ориентирована на выход образования и науки страны на мировой уровень, формирование позитивного имиджа Китая, международное признание китайских университетов, привлечение студентов из-за рубежа. Эффективная образовательная политика позволила достичь определённых успехов в этих направлениях. Китаю удалось осуществить существенный прорыв в развитии национального образования: значительно увеличилось число университетов и количество обучающихся в них студентов, образование из элитного стало массовым, увеличилось количество зарубежных профессоров в вузах, вырос приток студентов из других стран, ведущие китайские университеты вошли в международные рейтинги.

Список использованных источников

1. Ван, Ян. Реформирование системы высшего образования в Китае в XX – начале XXI века / Ян Ван // Общество : социология, психология, педагогика. – 2018. – № 3. – С. 62–71.
2. Донецкая, С. С. Реформирование системы высшего образования в Китае : современные итоги / С. С. Донецкая, Цяньнань Цзи // Высшее образование в России. – 2018. – Т. 27, № 12. – С. 79–92.
3. Закон о высшем образовании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_619/200407/1311.html. – Дата доступа: 04.10.2019.
4. Закон об обязательном образовании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zhidao.baidu.com/question/149224732.html?ivk_sa=1022817r&from=singlemessage&isappinstalled=0. – Дата доступа: 04.10.2019.
5. Национальная среднесрочная и долгосрочная программа реформы и развития образования на 2010–2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wk.baidu.com/view/3cfdbda6afaad1f34693daef5ef7ba0d4a736d26?ivk_sa=1023194j&from=singlemessage&isappinstalled=0. – Дата доступа: 23.10.2019.
6. Национальный статистический отчёт о развитии образования [Электронный ресурс]. –

Режим

доступа:

http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_fztjgb/201907/t20190724_392041.html. – Дата доступа: 23.10.2019.

7. Чебаненко, Е. Н. Государственное финансирование и политика дифференциации вузов – основа модернизации высшего образования в КНР / Е. Н. Чебаненко // Материалы научно-методической конференции Северо-Западного института управления. – 2013. – № 1. – С. 258–262.

References

1. Van, Yan. Reformirovanie sistemy vysshego obrazovaniya v Kitae v XX – nachale XXI veka / Yan Van // *Obshchestvo : sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. – 2018. – № 3. – С. 62–71.

2. Donetskaya, S. S. Reformirovanie sistemy vysshego obrazovaniya v Kitae : sovremennye itogi / S. S. Donetskaya, Tsyannan' Tszii // *Vysshee obrazovanie v Rossii*. – 2018. – Т. 27, № 12. – С. 79–92.

3. Zakon o vysshem obrazovanii [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: http://old.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_619/200407/1311.html. – Data dostupa: 04.10.2019.

4. Zakon ob obyazatel'nom obrazovanii [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://zhidao.baidu.com/question/149224732.html?ivk_sa=1022817r&from=singlemessage&isappinstalled=0. – Data dostupa: 04.10.2019.

5. Natsional'naya srednesrochnaya i dolgosrochnaya programma reformy i razvitiya obrazovaniya na 2010–2020 gody [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://wk.baidu.com/view/3cfdbda6afaad1f34693daef5ef7ba0d4a736d26?ivk_sa=1023194j&from=singlemessage&isappinstalled=0. – Data dostupa: 23.10.2019.

6. Natsional'nyi statisticheskii otchet o razvitii obrazovaniya [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_fztjgb/201907/t20190724_392041.html. – Data dostupa: 23.10.2019.

7. Chebanenko, E. N. Gosudarstvennoe finansirovanie i politika differentsiatsii vuzov – osnova modernizatsii vysshego obrazovaniya v KNR / E. N. Chebanenko // *Materialy nauchno-metodicheskoi konferentsii Severo-Zapadnogo instituta upravleniya*. – 2013. – № 1. – С. 258–262.

УДК 159.922.736

Oksana Maksymenko,
PhD, associate professor;
Kyiv National Economic University named after Vadym Hetman
(Ukraine)

FOREIGN LANGUAGES IN HIGHER EDUCATION OF UKRAINE

The article deals with the issue of foreign languages in higher education of Ukraine. The historical realities before proclaiming the Independence of Ukraine and contemporary languages' positions at the times of its sovereignty are underlined. The statistics on citizens' treatment to the problem and their foreign language proficiency are analyzed. The current situation on the organization of teaching and learning of foreign languages in higher education of Ukraine is described. The current legislation on the promotion of foreign languages in the higher education is represented. The key problems and perspectives in the sector of language education are summarized.

Keywords: foreign languages; higher education; teaching; learning; legislation; language proficiency; standards; legislation framework.

外语在乌克兰高等教育中的地位

本文论述了乌克兰高等教育中的外语问题，强调了乌克兰宣布独立前的历史现实和乌克兰主权时期的当代语言立场。文章对居民对这一问题的处理情况和他们的外语水平进行了统计分析；介绍了乌克兰高等教育外语教学组织的现状。目前在高等教育中推广外语的立法是有代表性的。文章总结了语言教育领域的主要问题和观点。

关键词: 外语；高等教育；教学；学习；立法；语言能力；标准；立法框架

Оксана Максименко,
кандидат педагогических наук, доцент;
Киевский национальный экономический университет
имени В. П. Гетьмана
(Украина)

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ УКРАИНЫ

Рассматриваются актуальные проблемы обучения иностранным языкам в

учреждениях высшего образования Украины. Очерчены состояние иноязычного образования в вузах до обретения государственной независимости и современные тенденции его развития. Проанализированы статистические данные, демонстрирующие отношение граждан Украины к проблеме и владение ими иностранными языками. Описаны основные параметры (включая действующие нормативные правовые документы) организации обучения и изучения иностранных языков на уровне высшего образования. Обобщены проблемы, ключевые позиции и перспективные шаги в сфере развития иноязычного образования.

Ключевые слова: иностранные языки; высшее образование; обучение; изучение; законодательство; уровень владения языком; стандарты; рамка законов.

The foreign language learning in the higher education of Ukraine is closely concerned with and is still greatly influenced by the history of the country, the state of its national cultural and self-awareness, the inner political instability, and the hard social and economic consequences of having been a part of the USSR (1917–1991).

Historical realities of languages: importance and treatment (1991–2019)

When Ukraine was an inseparable part of the former Soviet Union, the foreign languages were not considered to be an important sector of the education at all levels of the state. There was the only Russian language for the interstate communication, so learning of the national languages as well as the foreign languages was formal and not among the priorities. After proclaiming its independence, Ukraine as a sovereign country was faced with the problem of renewing the position and recognition of the Ukrainian language as the national one (The Constitution of Ukraine, 1996) after a long period of its artificial unofficial status and the policy of diminishing its value throughout a long period of its history about four hundred years. Simultaneously, there were the issues related to the languages of ethnic minorities living in the country as well as the problems concerned with foreign languages.

During the period of economic crisis and Ukraine's transitional stage from the post-soviet to the market economy, some initiatives and efforts in foreign language teaching and learning were taken at the national level with the help of the national scientists and practitioners, British Council and Goethe Institute, other international institutions, etc. However, the drastic changes in the country's policy in determining the essential priorities of the international policy in favor of Russia

not Europe and its further development did not improve the situation in foreign language teaching and learning greatly. Russia remained the main economic partner with still strong relations and ties influencing «the former colony» by imposing the importance of the commonly shared USSR cultural values and language environment. The Russian language continued holding the dominant positions in the economy, education and society life until the turning points of the Ukrainians' will to follow European vector (2013) and the adoption of the essential laws in the periods of such reverse fluctuations.

The European step in policymaking launched a great start in the realization of value of the native language, history and culture, and the crucial importance of foreign languages other than Russian and their recognition and appreciation in all fields of life. The further changes in cultural national restoration were brought by the implementation of the laws, such as The Concept of national language policy (2010), The Law of Ukraine «About the provision of functioning the Ukrainian language as the national language»(2019) [1].

The fluctuations of the number of native speakers of the native languages caused by the political, economic and social changes are demonstrated in table 1 (2001–2016) [2; 3].

Table 1

Native languages / Years	2001	2002	2005	2011	2012	2013	2016
Ukrainian	67,5%	65,4%	64,3%	61%	62%	56%	69%
Russian	29,6%	33,3%	34,4%	36%	36%	40%	27%
Other	2,9%	1,3%	1,5%	2%	2%	3%	2%

The decreases and increases in the use of the Ukrainian language were mainly responses to the hard Russian pressure and severe resistance against it in the society, more or less successful steps in the cooperation of Ukraine with the European Union.

Foreign language survey in Ukraine (Social Group «REITING» Survey, 2016) revealed the ongoing process of the issue being widely recognized by the Ukrainians. In the view of respondents, the most useful languages for learning are English (66%), German (17%), Russian (14%), Polish (10%), French (7%), and Italian (4%). There are regional differences of foreign language usefulness, such as English is useful in the West (78%), Center (68%), South (62%) and East (52%). German

and Polish are believed to be important in the West; Russian is in the South. The number of Russian speaking population in the South and East explains this fact.

Living in Ukraine, 70% Ukrainian native speakers and 57% Russian native speakers preferred English for self-development. The stimuli of learning languages encompassed the following positions:

- 1) the ability to work abroad (57%);
- 2) the possibility to get a better job in Ukraine (49%);
- 3) the ability to study abroad (47%);
- 4) to use languages at work (37%); to travel abroad (31%).

In the survey, the self-assessment of language level covered several important aspects, such as the languages, the number of people and the level of proficiency as well:

- 1) English: 1% – very good, 10% – good, 35% – beginner;
- 2) German: about 1% – very good and good, 13% – beginner;
- 3) French: less 1% – good, 3% – beginner [4].

As the survey proves it, the situation calls for the changes. Ukraine ranks very low positions among European countries in quality and quantity [5].

Current situation

Taking into consideration all above, we should admit the increased attention to the foreign language teaching especially to English for Specific Purposes in higher education. The departments of foreign languages or language centers provide language courses. Mostly, they work separately, teaching courses for Bachelors or Masters' Degrees and other language courses. Since there is no legislative provision for the necessary coordination, the achieved results and certificates on the other language courses in informal education are not recognized and incorporated by the formal education.

In higher education, the current practice provides the language teaching as follows:

- 1) an integral part of Bachelors or Masters' programs (compulsory or electives in the curricula);
- 2) to obtain double qualification (language and specialization);
- 3) extra educational services if students need.

The number of languages to learn is one compulsory and one optional; two languages are taught for the international or double qualifications (combine specialization and languages). The list of languages is often limited to widely used European languages (English, French, German, and Spanish) and less spoken (Polish, Italian, Greek, Japanese, etc.).

The number of hours for foreign language teaching is 2-4 per week for Bachelor's degrees and more for international qualifications. The length of studies is 2-4 years. The foreign language proficiency for a Bachelors' degree is B2; for double qualifications or Masters' degrees is C1 [6]. It is worth saying the language level of school leavers must be B1+ [6]. However, a real problem for school leavers is insufficient language proficiency for the lack of equal opportunities and high quality language teaching.

At the universities, the contents of the foreign language syllabi are mostly vocationally / professionally oriented; they comprise only vocational or general component and some of them combine vocational and general components. Nevertheless, the contents have mainly specialized grammar or lexical parts with weak or no communicative component and sometimes with on-line support.

The language education of Ukraine has been undergoing the long way of the implementing new laws, reforms and innovations as a part of the national education system since 1991. Nevertheless, one of the most painful and still burning issues is the problem of national language and foreign language learning as well. Taking into account the Council of Europe and the European Union basic documents and recommendations, languages are interconnected in the sense of evaluating the cultural heritage, developing the policies and designing the framework of the language education in the country.

The further analysis of the legislation will represent the state's focus on foreign languages in higher education.

Legislation on foreign languages in higher education

The current documents regulating the use of foreign languages in higher education are The Constitution of Ukraine, The Law of Ukraine «About education», The Law of Ukraine «About higher education», The National framework of qualifications, The Standards of higher education.

The Constitution of Ukraine (1996, Article 10) guarantees the learning of languages of international communication and the use of languages in Ukraine according to the national legislation [7].

The Law of Ukraine «About education» (2017) provides the main terms, such as the right for education; the provision of free education; the national policy and principles in the field of education; types, forms and structure of education; educational institutions involved; general information on educational standards, programs, qualifications and documents; quality assurance etc. Article 7 «Language of education» states the nation provides learning of foreign languages for international communication; first, English and several disciplines are to be taught in English or other official the EU languages [8].

The Law of Ukraine «About higher education» (2014) regulates the functions of the institutions on the basics of autonomy and academic freedom, wide cooperation and mobility, openness and quality. The mission of the higher education in the society is to provide the accessibility and transparency, the increase of functional abilities and alignment of all stakeholders to train competitive human capital [9].

The Concept of the development of education in Ukraine (2015-2025) is aimed at the implementation of the structural and functional changes, the innovations of contents, and the improvement of accessibility, quality and management of the levels of the national education [10].

The National framework of qualifications (2011, 2019) designed on the integrative competence improved the structuring of language learning objectives for all levels of national education. The description of the level of qualification of the National Framework encompasses the following items: the level (0-10), knowledge, skills, communication, responsibility and autonomy. It specifies foreign language communication on vocational / professional issues in oral and written forms for the Bachelors and Masters' levels (7, 8) [11].

The Standards of higher education (2017-2020) developed in accordance with The National framework of qualifications introduces the foreign language competence for the Bachelors and Masters' degrees for different specializations (about 300) [12].

The Standards for the Bachelors' degree include an integrative competence, the general and special competences divided between major and elective components of the curriculum. The ability to communicate a foreign language refers to the cluster of the general competences. They support

directly or indirectly the studies of a foreign language and are aimed to train the abstract thinking ability, the ability to solve the problems, the interpersonal ability, the ability to study, the ability of critical thinking and self-assessment, the ability to put the knowledge into practice, the entrepreneurial ability, the ability of searching information from different sources, the ability to work autonomously, the ability to generate ideas, the ability to work in a team, the ability to be a part of a society, etc.

The Standards for the Masters' degree have the same holistic approach and pay attention to the ability to communicate foreign languages in the field of specialization. Therefore, the interrelation and convergence of the competences demonstrates the compliance with the Common European Framework of References.

The further measure in the direction of empowering foreign language learning in Ukraine is «The concept of the development of the English language at universities» (2019) [13].

Being the language of the international communication, the country's policy is aimed at promoting the cultural, educational and professional growth of the citizens; facilitating the integration and economic rise of higher education institutions; realizing European and economic ambitions of Ukraine (2025).

The main sectors chosen for implementation are English for Special Purpose / ESP, English as Medium of Instruction for Ukrainians, English as Medium of Instruction for Foreigners.

The expectations of the Concept involve the following points:

- the increase of English proficiency of graduates (Bachelor's degree, B2),
- the increase of English proficiency of lectures / teachers (C1),
- the promotion of English status,
- efficient teaching methods,
- the relevant contents of ESP courses,
- efficient assessment,
- the community of stakeholders,
- availability of recourses,
- the improvement of reputation of education of Ukraine,
- mobility increase,
- ongoing professional development of teaching staff,

- quality assurance,
- co-financing models.

The main means to realize the aims for ESP mentioned above and the expectations are supposed to be the measures, such as

- the entry level for all applicants (B1, with entry tests and the correction courses if it is necessary),
- the introduction in all the Standards of higher education the level B2 for Bachelor's degree and B2 + for Master's degree,
- the increase of the number of hours if it is possible and improve the contents of the language courses for Bachelor's degree,
- the introduction of the mandatory entry language tests to Master's programs,
- the involvement of highly qualified teaching staff.

The suggested measures are complex but we hope them to be efficient for realizing the aims and training competitive specialists.

Conclusions

Despite the position of the foreign languages in higher education of Ukraine, it is burdened with the heritage of powerful influence. The crucial step made in the social dimension is the transformation of attitude to foreign languages as well as foreign language learning.

The foreign language level in the country is insufficient for the further use of the potential human capital.

Taking it into consideration, the main obstacles are as follows:

- 1) unequal access of perspective applicants to teaching and learning languages as a good education service and as a result the low level in language proficiency
- 2) mismatch of requirements and reality in the frames of existing legislation
- 3) insufficient teaching to provide good foreign language training in high school on the basis of competence approach.

The measures urgently needed to change the situation for the better are:

- introducing the newly developed legislation in foreign language learning and teaching in higher education of Ukraine;

- designing the national language framework and its correlation with international language systems;
- developing long term policy of introducing foreign languages into social life;
- working out the new mechanisms of recognition of the certificates and the results achieved in informal language education.

Список использованных источников

1. Закон України «Про забезпечення функціонування української мови як державної» (Відомості Верховної Ради (ВВР), 2019, № 21, ст.81) (28.04.2020). – Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2704-19>.
2. Консолідація українського суспільства: шляхи, виклики, перспективи
// Інформаційно-аналітичні матеріали до Фахової дискусії 16 грудня 2016 р. (28.04.2020). – Режим доступу: <http://razumkov.org.ua/upload/Identi-2016.pdf>.
3. Українська мова в Україні (28.04.2020). – Режим доступу: [https://uk.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%97%D0%BD%D1%81%D1%8C%D0%BA%D0%B0_%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%B2_%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%97%D0%BD%D1%96%D0%9E%D0%BF%D0%B8%D1%82%D1%83%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8F_Research_%26_Branding_Group\(2011\)](https://uk.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%97%D0%BD%D1%81%D1%8C%D0%BA%D0%B0_%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%B2_%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%97%D0%BD%D1%96%D0%9E%D0%BF%D0%B8%D1%82%D1%83%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8F_Research_%26_Branding_Group(2011)).
4. Ставлення українців до іноземних мов // Опитування проведене Соціологічною групою «Рейтинг» на замовлення Аналітичного центру RATING Pro. 08.08.2016 (30.04.2020). – Режим доступу: http://ratingpro.org/research/doslidzhennya_stavlennya_ukrainciv_do_inozemnih_mov.html.
5. Special Eurobarometer 386. EUROPEANS AND THEIR LANGUAGES REPORT (28.04.2020). – Access mode: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/ebs/ebs_386_en.pdf.
6. English for Specific Purposes (ESP) National Curriculum for Universities (25.04.2020). – Access mode: http://ea.donntu.edu.ua/bitstream/123456789/1849/1/esp_1.pdf.
7. Конституція України (28.04.2020). – Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80>.

8. Закон України «Про освіту» (30.04.2020). – Режим доступу: https://taxlink.ua/ua/normative_acts/zakon-ukraini-pro-osvitu.

9. Закон України «Про вищу освіту» (28.04.2020). – Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1556-18>.

10. Проект «Концепція розвитку освіти України на період 2015–2025 років» (30.04.2020). – Режим доступу: http://tnpu.edu.ua/EKTS/proekt_koncept.pdf.

11. Додаток до постанови Кабінету Міністрів України від 23 листопада 2011 р. № 1341 (в редакції постанови Кабінету Міністрів України від 12 червня 2019 р. № 509) (28.04.2020). – Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/509-2019-%D0%BF/paran5#n5>.

References

1. Закон Ukrai'ny «Pro zabezpechennja funkcionuvannja ukrai'ns'koi' movy jak derzhavnoi'» (Vidomosti Verhovnoi' Rady (VVR), 2019, № 21, st.81) (28.04.2020). – Rezhym dostupu: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2704-19>.

2. Konsolidacija ukrai'ns'kogo suspil'stva: shljahy, vyklyky, perspektyvy // Informacijno-analitychni materialy do Fahovoi' dyskusii' 16 grudnja 2016 r. (28.04.2020). – Rezhym dostupu: <http://razumkov.org.ua/upload/Identi-2016.pdf>.

3. Ukrai'ns'ka mova v Ukrai'ni (28.04.2020). – Rezhym dostupu: https://uk.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%97%D0%BD%D1%81%D1%8C%D0%BA%D0%B0_%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%B2_%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%97%D0%BD%D1%96#%D0%9E%D0%BF%D0%B8%D1%82%D1%83%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8F_Research_&_Branding_Group (2011).

4. Stavlennja ukrai'nciv do inozemnyh mov // Opytuvannja provedene Sociologichnoju grupoju «Rejtyng» na zamovlennja Analitychnogo centru RATING Pro. 08.08.2016 (30.04.2020). – Rezhym dostupu: http://ratingpro.org/research/doslidzhennya_stavlennya_ukrainciv_do_inozemnih_mov.html.

-
5. Special Eurobarometer 386. EUROPEANS AND THEIR LANGUAGES REPORT (28.04.2020). – Access mode: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/ebs/ebs_386_en.pdf.
 6. English for Specific Purposes (ESP) National Curriculum for Universities (25.04.2020). – Access mode: http://ea.donntu.edu.ua/bitstream/123456789/1849/1/esp_1.pdf.
 7. Konstytucija Ukrai'ny (28.04.2020). – Rezhym dostupu: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80>.
 8. Zakon Ukrai'ny «Pro osvitu» (30.04.2020). – Rezhym dostupu: https://taxlink.ua/ua/normative_acts/zakon-ukraini-pro-osvitu.
 9. Zakon Ukrai'ny «Pro vyshhu osvitu» (28.04.2020). – Rezhym dostupu: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1556-18>.
 10. Poekt «Konceptija rozvytku osvity Ukrai'ny na period 2015–2025 rokiv» (30.04.2020). – Rezhym dostupu: http://tnpu.edu.ua/EKTS/proekt_koncepc.pdf.
 11. Dodatok do postanovy Kabinetu Ministriv Ukrai'ny vid 23 lystopada 2011 r. № 1341 (v redakcii' postanovy Kabinetu Ministriv Ukrai'ny vid 12 chervnja 2019 r. № 509) (28.04.2020). – Rezhym dostupu: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/509-2019-%D0%BF/paran5#n5>.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ НАУКА

УДК 159.922.736

Oksana Oliinyk,
PhD, associate professor;
National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine
(Ukraine)

SELF-ESTEEM AS A CONDITION OF PERSONALITY SUCCESSFUL SELF-REALIZATION

There was analyzed the main major scientific approaches to study of self-esteem problem in world psychological science in the article. There was defined an essence of «self-esteem» definition, characterized its structure and standards of adequacy. There was analyzed an impact of adequacy self-esteem on formation of confidence feelings, ability to overcome obstacles, ability to create interpersonal relationships, formation of professionally important qualities and skills, ability to produce to society. There was outlined a specifics of self-esteem manifestation in different age stages of personality development. There was proved an importance of childhood, in particular preschool, in formation of adequacy self-esteem, there was defined the psychological conditions of optimization of this process. There was revealed a correlation of self-esteem with psychological and emotional sphere, attitude to yourself, and educational progress in teenage and youthful age. There was experimentally defined a volatility of self-esteem influenced by public opinion in youthful age.

Keywords: self-evaluation; adequate self-evaluation; preschool age; teenage years youth; educational activities.

自尊作为人格成功自我实现的条件

本文分析了世界心理科学中研究自尊问题的主要科学方法。文章明确了“自尊”一词定义的本质；描述了其结构和充分性标准；分析了适当的自尊对自信心的形成、对克服障碍的能力、对建立人际关系的能力，对形成重要的职业素质和技能，以及为社会生产的能力的影响。在人格发展的不同年龄阶段中，自尊表现出不同的特点。有证据表明，儿童时期，特别是学前教育对形成适当的自尊很重要。文章明确了这一过程的优化心理条件。结果表明，自尊与心理和情感领域、自我态度以及青少年时期的教育进步有一定的相关性。通过实验，文章定义了青少年时期自尊心受公众舆论影响的波动性。

关键词: 自我评价；充分的自我评价；学前年龄；十几岁的青年；教育活动

Оксана Олейник,
кандидат психологических наук, доцент,
Национальный университет биоресурсов и биотехнологий
(Украина)

САМООЦЕНКА КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

В статье представлен анализ основных научных подходов к изучению проблемы самооценки в мировой психологической науке. Определена суть понятия «самооценка», охарактеризована её структура и критерии адекватности. Обосновано влияние адекватной самооценки на формирование чувства уверенности в себе, умения преодолевать препятствия, способности к установлению межличностных отношений, формирование профессионально важных качеств и практических навыков, возможность приносить обществу пользу. Обозначена специфика проявления самооценки на разных возрастных этапах развития личности. Обоснована важность детства, в частности, дошкольного, в формировании адекватной самооценки, определены психологические условия оптимизации данного процесса. Проанализирована взаимосвязь самооценки с психоэмоциональной сферой, отношением к себе и учебной деятельностью в подростковом и юношеском возрастах. Экспериментально выявлена изменчивость самооценки под влиянием общественного мнения в юношеском возрасте.

Ключевые слова: самооценка; адекватная самооценка; дошкольный возраст; подростковый период; юность; учебная деятельность.

Современное развитие общества и, в частности, сферы образования, характеризуется трансформацией научно-технических, социокультурных, психолого-педагогических достижений. Это, в свою очередь, способствует расширению границ демократизации общественной жизни и приоритетности самоценности человеческой личности. Важной задачей является оптимизация развития непрерывного образования, включающего дошкольное, школьное, внешкольное, высшее, последипломное и самообразование. Поскольку начальным этапом в данной цепи является дошкольное образование, актуальным становится формирование и всестороннее развитие личности в раннем онтогенезе.

Исследования ресурса и потенциала личности детей дошкольного возраста подтверждают необходимость организации опережающего обучения и формирования адекватной самооценки как фактора готовности к обработке и усвоению информации, получению новых знаний, формированию самоидентичности и успешной профессиональной самореализации.

Общество предъявляет ряд определённых требований к личности на всех возрастных этапах развития человека: когда ребёнок приходит в детский коллектив дошкольного учреждения и учится строить межличностные отношения с ровесниками; поступает в начальную школу и осваивает новую социальную роль ученика; в подростковом возрасте испытывает потребность в самоутверждении среди сверстников и самосовершенствовании в деятельности, которая является лично значимой; в юношеском возрасте проявляет самостоятельность суждений, формирует самоидентичность и профессионально самоопределяется. Всё это требует на каждом из представленных этапов всесторонней осведомлённости личности, высокого уровня развития познавательных психических процессов, эмоционально-волевой сферы, самосознания и самооценки, высокой познавательной активности, готовности к учебной и профессиональной деятельности.

В период школьного обучения важным этапом является самоопределение и выбор будущей профессии, поскольку правильно выбранная профессия способствует развитию самоуважения и формированию позитивного «образа-Я» школьника. Следует отметить, что адекватность, самостоятельность выбора и качественный уровень овладения профессией влияют на все сферы жизнедеятельности личности. Также важно знать, что успешное профессиональное самоопределение, овладение профессиональными знаниями и умениями, успешная профессиональная самореализация невозможны без сформированного самосознания, мировоззрения и адекватной самооценки.

Все представленные выше особенности свидетельствуют об актуальности проблемы формирования самосознания и адекватной самооценки, начала которого закладываются именно в дошкольном возрасте. Дальнейшее развитие самооценки в подростковом и юношеском возрасте способствует личностному и профессиональному становлению, развитию адекватного уровня притязаний и реализации творческого потенциала.

Цель статьи: проанализировать суть понятия «самооценка» и её формирование с точки зрения ведущих научных направлений; выделить особенности проявления самооценки на разных возрастных этапах развития личности; изучить условия формирования и развития адекватной самооценки личности.

Самооценка – это оценка личностью самой себя, своих качеств, способностей, возможностей, места в системе взаимоотношений с другими людьми [11, с. 352; 13, с. 44]. Она является важнейшим компонентом самосознания и Я-концепции личности, результатом эмоционально-ценностного отношения к себе и процесса самопознания. Как ядро самосознания личности самооценка является важным внутренним механизмом саморегуляции деятельности и поведения, формируется в процессе взаимодействия и общения с другими людьми.

Понятие самооценки неоднозначно, его определение предлагается множеством направлений в психологической науке. Важно отметить, что в современной психологической науке самооценка преимущественно рассматривается как элемент самосознания, его стержневой компонент и показатель уровня развития [2; 9; 15]. Согласно данному подходу, самооценка является элементом самосознания, который характеризуется эмоционально насыщенными оценками себя как личности, своих возможностей, качеств, нравственной сферы и поступков [2]. Это сложное личностное образование также включает оценку своих способностей, уровня достижений и привлекательности. Следовательно, самооценку можно охарактеризовать как важнейшее личностное образование, её центральный структурный компонент, формирование которого невозможно без активного участия личности и включённости её в деятельность. В свою очередь, самооценка является регулятором деятельности и поведения человека [1, 3, 6; 7, 13].

Теоретический анализ структуры самосознания показывает, что общепринятым является термин «Я-концепция», под которым подразумевают продукт самосознания, комплекс всех представлений человека о себе, фактор воздействия на его деятельность и поведение, межличностные отношения и социальные контакты [7]. В структуре «Я-концепции» можно выделить следующие компоненты: когнитивный (рациональный, познавательный) – знания и представления человека о своих возможностях, внешних данных, индивидуальных свойствах, стремлениях – это «образ-Я»;

эмоционально-ценностное отношение человека к себе; поведенческий (волевой, конативный) – самореализация, способность сохранить свои базовые качества независимо от внешних факторов [7; 12]. Самооценка, с точки зрения данного научного подхода, является структурным компонентом «Я-концепции» – эмоционально-оценочным (аффективным), который включает эталонные ценности и результат сопоставления с ними индивидуальных свойств, качеств [12].

Близкими к данному подходу являются взгляды представителей гуманистического направления в зарубежной психологии [1; 16]. Самооценка также рассматривается в структуре «Я-концепции» как компонент, который связан с отношением человека к себе, к своим отдельным качествам и свойствам и принятием себя [1; 16]. Истоки самооценки (первоначальная самооценка) появляются из желания и потребности ребёнка получить одобрение, а следовательно, сохранить эмоциональное благополучие [1, с. 185]. В рамках представленного подхода самооценку можно рассматривать как составляющую, которая отражает уровень развития у личности чувства собственной ценности, достоинства, целостного позитивного отношения к собственному «Я» [1, с. 150–155; 16].

Самооценка в психологической науке также рассматривается в контексте проблемы удовлетворённости / неудовлетворённости человека собой, вместе с такими понятиями, как «образ собственного Я» и «уровень притязаний». Чувство удовлетворённости собой играет определяющую роль в деятельности, поведении, личностном развитии и рассматривается как синоним понятия «самооценка» [8].

Теоретический анализ психологической литературы дает возможность сделать вывод, что в западной психологической науке самооценка в структуре «Я-концепции» рассматривается как способность усваивать оценочные характеристики других компонентов «Я-концепции». Самооценка может трансформироваться в зависимости от меняющихся условий и обстоятельств, получения нового опыта. Источником знаний и представлений человека о себе является интроспекция, самоанализ и его социальное окружение.

Отличительной особенностью исследований украинских психологов от их зарубежных коллег является тот факт, что ведущая роль в формировании самосознания, «Я-концепции» и самооценки принадлежит активности и практической деятельности личности. Взгляды зарубежных психологов касаются формирования «Я-концепции»

освещают зависимость самосознания и самооценки личности от характера её взаимодействия с другими людьми. Но ограниченность таких научных взглядов заключается в том, что общение и взаимодействие личности с другими и самонаблюдение рассматриваются независимо от практической деятельности как основы любого взаимодействия.

Следует отметить, что структура самооценки определяется её видами (общая и частичная), уровнями (высокий, средний, низкий), качественной содержательной характеристикой (адекватная и неадекватная: завышенная и заниженная).

Важной характеристикой самооценки личности является её соотношение с оценочными суждениями окружающих людей и результатами собственной деятельности. Согласно этим соотношениям, выделяют адекватные и неадекватные самооценки [7; 13, с. 46; 14, с. 5]. Особое внимание привлекает исследование неадекватной самооценки, которая может быть завышенной и заниженной [14; 15].

Адекватная и адекватно высокая самооценка является наиболее благоприятной для психического развития личности. При такой самооценке наблюдается высокий уровень совпадения с идеалом, эталоном и поддерживается окружающими людьми [13, с. 47]. Если человек оценивает себя выше, чем его оценивают другие, то такую самооценку называют неадекватно завышенной. Она способствует переоценке человеком своих качеств и возможностей, в результате чего снижается критичность, развивается нетерпимость к критике, высокомерие [14, с. 4]. На этапе формирования, в дошкольном возрасте адекватная и завышенная самооценки способствуют развитию стремления у детей к достижению успехов, преодолению трудностей и неудач.

Обратное воздействие оказывает адекватно низкая и неадекватно заниженная самооценки. При сформированной адекватно низкой самооценке человек вынужден менять социальную группу, в которой его будут ценить и уважать, снижать уровень собственных притязаний, минимизировать социальную активность и потребность в межличностных отношениях [13, с. 48]. Неадекватно заниженная самооценка способствует сдерживанию активности, уменьшению межличностных контактов, формированию чувства неуверенности в себе, комплекса неполноценности. Такая самооценка приводит к недооценке личностью своих возможностей, неспособности полноценной самореализации.

Отмечая особенности проявления самооценки на разных возрастных этапах развития личности, следует обратить внимание, что наиболее благоприятным периодом для формирования самооценки является дошкольный возраст. Для него характерны динамические изменения самосознания, которые выступают важной предпосылкой зарождения адекватности самооценки.

В ходе исследования адекватной самооценки старших дошкольников мы уточнили содержание следующих положений:

- зарождение процесса самооценивания связано с развитием мыслительных операций (анализа, синтеза, обобщения), которые выражают в понятиях результаты эмоционально-оценочного отношения к себе;
- мышление обеспечивает познавательные аспекты деятельности, которая, в свою очередь, выступает сферой проявления мышления человека;
- показателем развития мышления дошкольников является познавательная активность, которая связана с появлением устойчивого интереса к логическим задачам;
- успех в решении познавательных задач зависит как от степени овладения знаниями и приемами мыслительной деятельности, так и от особенностей отношений к себе и своей деятельности.

Таким образом, в старшем дошкольном возрасте на формирование адекватной самооценки особое влияние имеет уровень развития мыслительной деятельности (операций анализа, синтеза, обобщения) и познавательной активности.

В подростковом и юношеском возрасте при сформированной заниженной самооценке возникают трудности в самопрезентации, самоутверждении и самореализации личности, снижается уровень учебной успеваемости, наблюдаются трудности в установлении межличностных контактов, формировании доверительных интимных отношений [5].

Наиболее негативное влияние на развитие личности имеет неадекватно заниженная самооценка или адекватная самооценка с выраженной тенденцией к заниженной. Она тормозит активность, способствует развитию неуверенности в себе, неумению самостоятельно ставить цели и достигать их [13; 14]. Заниженная самооценка снижает стремление личности к новым высшим достижениям, способствует развитию неуверенности,

страха пред неудачами, потере интереса к новой деятельности, приводит к торможению развития.

Следует отметить, что постоянные неудачи в процессе обучения создают психотравмирующую ситуацию для ученика, что приводит к нарушениям его личностного развития. Проведённые экспериментальные исследования дают возможность утверждать, что у школьников с высоким уровнем успеваемости преобладает адекватная самооценка. Невысокий процент школьников с низкой учебной успеваемостью имеет адекватную самооценку, у них преимущественно выявлена заниженная самооценка [4]. Результаты экспериментальных исследований подтверждают взаимообратную связь самооценки и результатов учебной деятельности: на школьную успеваемость влияет самооценка ученика, а на формирование и развитие самооценки, в свою очередь, влияют результаты его учебной деятельности.

Рассматривая взаимосвязь самооценки и учебной успеваемости подростков, важно выделить основные новообразования данного возраста. К ним можно отнести развитие самосознания и самооценки, развитие рефлексии, стремление быть взрослым, формирование личностного идеала, развитие эмоционально-волевой сферы, предпосылки личностного и профессионального самоопределения, актуальная потребность в самоутверждении в кругу сверстников. Подросток начинает критически относиться к своим личностным особенностям и недостаткам. Этот период также характеризуется высоким стремлением подростка и одновременно несоответствием своему идеалу, что часто вызывает негативные эмоции и недовольство собой. Поскольку основное внимание подростка сосредоточено на своих личностных особенностях, внешности и стремлении нравиться противоположному полу, а ведущим видом деятельности является интимное общение с ровесниками, снижается интерес к учебной деятельности, ухудшается ее результативность.

Дальнейшее самоопределение человека способствует утверждению себя в личностной и профессиональной сферах, формированию самоидентичности, мировоззрения, системы ценностных ориентаций, самостоятельности выбора и суждений. Данные особенности тесно связаны с самосознанием, самооценкой личности и представляют основное психологическое новообразование юношеского возраста. В этом периоде «образ Я» становится более устойчивым, а самооценка является важнейшим фактором в выборе профессии и

дальнейшем становлении в ней. На этапе адаптации к обучению в заведениях высшего образования роль самооценки также является первостепенной, поскольку влияет на успешность и временные рамки адаптации. На дальнейших этапах обучения самооценка является определяющим фактором в становлении успешной профессиональной идентичности студентов и влияет на формирование важных профессиональных умений, навыков и качеств [5; 10]. Среди наиболее актуальных профессионально значимых качеств и компетенций будущего можно выделить: способность учиться и овладевать новыми знаниями, критически оценивать информацию; креативность, эрудированность, умение находить нестандартные решения в новых ситуациях; способность к самопрезентации и достижению желаемого результата; умение работать в команде и оптимально взаимодействовать с другими людьми; способность к личностному и профессиональному самосовершенствованию. Успешное формирование представленных качеств и компетенций возможно при условии адекватно развитой и устойчивой самооценки, самоценности и высокого уровня самоуважения личности.

Для выявления самооценки студентов и особенностей её изменения под воздействием других людей (методика Т. Смита) нами было проведено эмпирическое исследование. Респондентами выступили студенты второго курса специальности «Психология» Национального университета биоресурсов и природопользования Украины в количестве 34 человек (5 юношей и 26 девушек). Исследование проводилось в четыре этапа. На первом студентам предлагалось оценить свои личностные качества при помощи шкалирования; на втором этапе оценку по этим шкалам давали эксперты – друзья, преподаватели, малознакомые люди; на заключительном этапе респондент изучал оценки экспертов и снова оценивал себя по заявленным шкалам.

Результаты исследования показали, что у студентов доминирует средний уровень самооценки с тенденцией к высокому оцениванию своих личностных качеств (в частности, таких как твёрдость, собранность, активность, приветливость, демократичность, доброта, жизнерадостность) (55,88 %). У 76,47 % студентов самооценка соответствовала оценкам их качеств, полученных от одноклассников, с которыми они тесно взаимодействуют. Оценки преподавателей преимущественно имели серьёзные расхождения с самооценками студентов. В частности, по параметрам «доброта», «образованность», «вежливость», «лидерство»

преподаватели оценили выше, чем студенты. Следует отметить, что самооценка студентов (11,76 %) несколько изменилась под воздействием оценок экспертов (преподавателей). Вместе с тем, значительных изменений в самооценке студентов не было выявлено. Это свидетельствует о её устойчивости и независимости от оценок окружающих, которые кардинально не влияют на самооценку в юношеском возрасте.

Теоретический анализ проблемы самооценки в психологической науке свидетельствует о её актуальности в разных возрастных периодах. Самооценку рассматривают как ведущий структурный элемент самосознания и «Я-концепции», оптимальным периодом формирования которого является дошкольный возраст. Самооценка формируется и развивается в процессе активной деятельности личности. В подростковом возрасте она оказывает влияние на формирование личностного идеала, является ведущим фактором личностного и профессионального самоопределения, влияет на степень самоутверждения среди сверстников. В юношеском возрасте самооценка способствует формированию мировоззрения и системы ценностных ориентаций, самостоятельности выбора и суждений.

Результаты экспериментального исследования показали, что самооценка студентов является достаточно устойчивой и существенно не меняется под влиянием оценок других людей. Это связано с устойчивостью самооценки, развитием рефлексии, критичностью, самостоятельностью собственного мнения, независимостью от мнения окружающих в юношеском возрасте.

Список использованных источников

1. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание / пер с англ. – М.: Прогресс, 1986. – 423 с.
2. Борышевский М.И. Личность в измерениях самосознания. – Сумы: Эллада, 2012. – 608 с.
3. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. / под ред. Д. Б. Эльконина. – М.: Педагогика, 1984. – Т. 4: Детская психология. – 1984. – 432 с.
4. Главинская А. Д. Инновационно-психологические подходы к повышению учебной успешности школьников // Сб. науч. пр. научно-исслед. центра «Экономика высшего образования». – Тернополь: Экономическая мысль, 2001. – С. 263–267.

5. Козерук Ю. В., Евсейчик Я. А. Самооценка как фактор становления личности студента // Вестник Черниговского национального педагогического университета им. Т. Г. Шевченко. – № 124. – С. 163–165.
6. Кон И. С. В поисках себя: личность и ее самосознание. – М.: Политиздат, 1984. – 255 с.
7. Медникова Г. И. Стрoение самооценки как психологической проблемы. Вестн. ХГПУ им. С. Сковороды. – Серия Психология. – Х.: ХГПУ, 1999. – Вып. 2. – № 6. – С. 42–45.
8. Мейли Р. Различные аспекты Я. Психология личности: тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – С. 132–141.
9. Мухина В. С. Проблемы генезиса личности. – М.: Просвещение, 1985. – 272 с.
10. Онуфриева Л. А. Самооценка как составляющая Я-концепции будущих специалистов социономических профессий // Проблемы современной психологии: сб. наук. пр. – К., Каменец-Подольский: К-ПНУ имени Ивана Огиенко, Институт психологии имени Костюка АПН Украины, 2013. – Вып. 22. – С. 396–412.
11. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Психология. – М.: Академия, 1998. – 502 с.
12. Савчин М. В. Социальная педагогическая психология: Учебное пособие. – Дрогобыч: Издательская фирма «Возрождение», 1998. – 271 с.
13. Семиченко В. А. Психология личности. – К.: Издатель Эшке А.Н., 2001. – 427 с.
14. Тищенко С. П. Я хороший! Формирование у старших дошкольников представления о себе // Дошкольное воспитание. – 1985. – № 1. – С. 4–6.
15. Чамата П. Г. Самосознание и его развитие у детей. – К.: Знание, 1965. – 48 с.
16. Rogers C. R. What understanding and acceptance mea to me // Journal of Humanistic Psychologist. – 1992. – Vol. 35. – № 4.

References

1. Berns R. Razvitie Ya-kontseptsii i vospitanie / per s angl. – М.: Progress, 1986. – 423 s.
2. Boryshevskii M.I. Lichnost' v izmereniyakh samosoznaniya. – Sumy: Ellada, 2012. – 608 s.
3. Vygotskii L. S. Sobranie sochinenii: v 6 t. / pod red. D. B. El'konina. –М.: Pedagogika, 1984. – Т. 4: Detskaya psikhologiya. – 1984. – 432 s.

4. Glavinskaya A. D. Innovatsionno-psikhologicheskie podkhody k povysheniyu uchebnoi uspechnosti shkol'nikov // Sb. nauk. pr. nauchno-issled. tsentra «Ekonomika vysshego obrazovaniya» – Ternopol': Ekonomicheskaya mysl', 2001. – S. 263–267.
5. Kozeluk Yu. V., Evseichik Ya. A. Samootsenka kak faktor stanovleniya lichnosti studenta // Vestnik Chernigovskogo natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta im. T. G. Shevchenko. – № 124. – S. 163–165.
6. Kon I. S. V poiskakh sebya: lichnost' i ee samosoznanie. – M.: Politizdat, 1984. – 255 s.
7. Mednikova G. I. Stroenie samootsenki kak psikhologicheskoi problemy. Vestn. KhGPU im. S. Skovorody. – Seriya Psikhologiya. – Kh.: KhGPU, 1999. – Vyp. 2. – № 6. – S. 42–45.
8. Meili R. Razlichnye aspekty Ya. Psikhologiya lichnosti: teksty / pod red. Yu. B. Gippenreiter, A. A. Puzyreya. – M.: Izd-vo MGU, 1982. – S. 132–141.
9. Mukhina V. S. Problemy genezisa lichnosti. – M.: Prosveshchenie, 1985. – 272 s.
10. Onufrieva L. A. Samootsenka kak sostavlyayushchaya Ya-kontseptsii budushchikh spetsialistov sotsionomicheskikh professii // Problemy sovremennoi psikhologii: sb. nauk. pr. – K., Kamenets-Podol'skii: K-PNU imeni Ivana Ogienko, Institut psikhologii imeni Kostyuka APN Ukrainy, 2013. – Vyp. 22. – S. 396–412.
11. Petrovskii A. V., Yaroshevskii M. G. Psikhologiya. – M.: Akademiya, 1998. – 502 s.
12. Savchin M. V. Sotsial'naya pedagogicheskaya psikhologiya: Uchebnoe posobie. – Drogobych: Izdatel'skaya firma «Vozrozhdenie», 1998. – 271 s.
13. Semichenko V. A. Psikhologiya lichnosti. – K.: Izdatel' Eshke A.N., 2001. – 427 s.
14. Tishchenko S. P. Ya khoroshii! Formirovanie u starshikh doshkol'nikov predstavleniya o sebe // Doshkol'noe vospitanie. – 1985. – № 1. – S. 4–6.
15. Chamata P. G. Samosoznanie i ego razvitie u detei. – K.: Znanie, 1965. – 48 s.
16. Rogers C. R. What understanding and acceptance mea to me // Journal of Humanistic Psychologist. – 1992. – Vol. 35. – № 4.

УДК 376.3

Olga Khrul,
*PhD, associate professor,
National institute of education
(Belarus)*

**SOCIAL DIRECTION OF CORRECTIVE WORK WITH STUDENTS WITH
SPECIAL NEEDS IN THE CONDITIONS OF INTEGRATED (JOINT)
LEARNING AND UPBRINGING**

The article presents some aspects of the implementation of correctional and pedagogical work aimed at the social and educational integration of children with psychophysical developmental features in the conditions of integrated education and upbringing; methodological recommendations for teaching staff on their use in educational practice are given.

Keywords: integrated education and upbringing; children with special needs; social and educational integration; correctional work.

一体化（联合）教育与培育条件下特殊需要学生矫正工作的社会方向

本文介绍了在一体化教育与培育条件下，针对具有身心发展特征的儿童实施社会教育一体化的改造和教育工作的几个方面，并对教学人员在教学实践中使用该方法提供了方法论建议。

关键词: 一体化教育与培育；有特殊需要的儿童；社会与教育的整合；矫正工作

Ольга Хруль,
*кандидат педагогических наук, доцент;
Национальный институт образования
(Беларусь)*

**СОЦИАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ КОРРЕКЦИОННОЙ РАБОТЫ С
УЧАЩИМИСЯ С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В
УСЛОВИЯХ ИНТЕГРИРОВАННОГО (СОВМЕСТНОГО)
ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ**

В статье представлены отдельные аспекты осуществления коррекционно-педагогической работы, направленной на социально-образовательную

интеграцию учащихся с особенностями психофизического развития в условиях интегрированного (совместного) обучения и воспитания; даны методические рекомендации для педагогических работников по их использованию в образовательной практике.

Ключевые слова: интегрированное (совместное) обучение и воспитание; учащиеся с особенностями психофизического развития; социально-образовательная интеграция; коррекционная работа.

Образование является одним из основных прав человека, способствует улучшению качества его жизни, развитию индивидуальности каждого обучающегося, формированию социально-адаптированного человека, способного к самостоятельной жизнедеятельности. В Республике Беларусь учащиеся с особенностями психо-физического развития (ОПФР) получают образование как в специальных школах (школах-интернатах), так и в общеобразовательных школах, в которых предоставлены условия для интегрированного (совместного) обучения и воспитания. Последнее выступает в качестве инструмента, позволяющего преодолевать маргинализацию детей с ОПФР, отрицательные установки на взаимодействие с такими детьми. При интегрированном (совместном) обучении и воспитании создаются условия доступа к качественному образованию для всех учащихся путём расширения их участия в образовательном процессе и культурно-общественной жизни. Вносятся изменения в структуру и содержание образования с учётом конкретных и разнообразных потребностей обучающихся. Повышается роль и ответственность родителей, расширяется их участие в обучении и воспитании.

Коррекционно-педагогическая работа направлена на социальное развитие, диагностику и прогнозирование дальнейшего развития детей, исправление и ослабление имеющихся у них нарушений. В процессе коррекционно-педагогической работы уточняются патобиологические причины имеющихся отклонений и выявляются имеющиеся потенциальные возможности (положительные, сильные стороны) ребёнка. Для оказания коррекционно-педагогической помощи используются конкретные данные о каждом ребёнке с ОПФР. Выявляется его социальный потенциал, ближайшее социальное окружение, его друзья, значимые взрослые, которые могут быть задействованы в коррекционной работе. Принимается во внимание информационный ресурс о психическом потенциале

(анамнестические данные, материалы медицинского обследования). Актуализируются данные об особенностях чувственного познания, эмоционального развития ребенка, уровне его социальных способностей. Педагог (учитель-дефектолог) устанавливает, насколько ребёнок самостоятелен в быту, как лучше воспринимает учебный материал, на зрительной или осязательно-двигательной основе, используя осязание и пантомимический рисунок, или с помощью слуха. У родителей (законных представителей) уточняются данные об индивидуальных личностных особенностях, в какой деятельности ребёнок с ОПФР успешен. Конкретные материалы, скрупулезный анализ полученных в результате преднамеренного изучения данных позволяют прогнозировать и планировать коррекционный процесс обосновано, аргументировано [1].

Коррекционная работа строится с учётом следующих содержательных требований. У обучающихся развивается чувственное познание окружающей действительности. Дети с ОПФР начинают познавать предметы посредством их рассматривания, ощупывания, опробования, обнюхивания, прослушивания. Коррекция включает формирование способов обследования предметов (перцептивных действий): как лучше рассматривать предмет, как обследовать руками, как сориентироваться в пространстве.

У учащихся с ОПФР учитель-дефектолог формирует опытно-исследовательскую деятельность. Педагог проводит эксперименты с различными материалами по изучению их свойств: пищевыми (например, соль, мука, кофе, чай); природными (например, камешки, желуди, кора деревьев, веточки, мел, почва, глина, семена, шишки, перья, ракушки, скорлупки орехов), бросовыми (например, бумага разной фактуры и цвета, поролон, кусочки ткани или меха, пробки, вата, салфетки, нитки, резина); растворимыми веществами (соли для ванн, детские шампуни, пенка для ванн и др.). Детей учат использовать необходимое оборудование по назначению в процессе исследовательской деятельности (например, прозрачные и непрозрачные ёмкости, мерные ложки, колбы, пробирки, воронки разного размера, резиновые перчатки, пипетки, пластиковые шприцы без игл, резиновые груши разного размера, деревянные палочки, лопаточки, шпатели, рулетки, линейки, весы, песочные часы, лупы, зеркала, магниты и др.). Педагог планирует и проводит опыты с водой по изучению ее свойств: прозрачность, текучесть, заполнение объема предмета и принятие ее формы; состояние – жидкое, твердое (лед); вкус, запах воды в сравнении с

другими жидкими веществами; растворитель для других веществ (например, соли в сравнении с мелом), возможность фильтровать воду (например, пропускать загрязненную песком воду через фильтр и получать чистую воду); испарение (например, под воздействием солнечных лучей вода испаряется с мокрого предмета, предмет становится сухим); проводятся опыты по изучению свойств льда: твердый, гладкий, холодный, может раскалываться (например, если разбивать кусочек льда металлической лопаткой); может быть тонким и хрупким; может таять под воздействием тепла (например, если положить лед в ладонь), при замерзании принимает форму сосуда.

На коррекционных занятиях по развитию познавательной деятельности учитель-дефектолог с учащимися может обсуждать проблемные ситуации типа: «Почему дует ветер?», «Почему падает снег?», «Почему сверкает молния?», «Что такое огонь?», «Из чего состоит зубная паста?», «Из чего сделаны кирпичи?», «Почему не падают самолеты?», «Почему горит лампочка?», «Почему светодиодная лампочка светится после выключения?» и др. Младшие школьники отгадывают и составляют кроссворды, головоломки различной тематики и сложности; отвечают на логические вопросы: «Каким гребнем голову не расчешешь?» (петушиным); «Сколько яиц можно съесть натощак?» (только одно, остальные будут уже не натощак); «По чему утка плавает?» (по воде); «На что Степа шляпу купил?» (на деньги) и др.

Кроме того, педагог планирует и осуществляет исследовательскую деятельность. Дети с ОПФР учатся наблюдать за физическими явлениями, доказывать и защищать свои идеи, самостоятельно действовать на этапах исследования, создавать творческий продукт, составлять словесный отчет по выполненной исследовательской деятельности и др.

На занятиях учащиеся с ОПФР читают научно-познавательную детскую литературу. Например, младшие школьники с ОПФР могут познакомиться с детскими энциклопедиями разного типа: «Профессии», «Вселенная», «Обо всем на свете», «Животные», «Насекомые», «Транспорт», «Атлас мира для детей», «Открой тайны транспорта», «Секреты космоса», «Флаги мира», «Поезда», «Микромир»; с детскими словарями: «Мой первый словарь», «Иллюстративные словарь», «Толковый словарик», «Словарные слова в картинках» и др.; детскими справочниками: «Справочник школьника», «Справочник по русскому языку» и др. – с последующим комментарием: «О чем ты прочитал?», «Что тебе было знакомо?», «О чем

ты узнал впервые?», «Что на твой взгляд является важным?»).

В меру имеющихся возможностей у учащихся с ОПФР развивается двигательная активность, особенно это касается незрячих, учащихся с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата. Она организовывается и гарантируется не только на коррекционных занятиях, но и в процессе всех учебных занятий. Педагоги изучают и разрабатывают игры и задания, развивающие координацию движений. Выделим отдельные навыки пространственного ориентирования незрячих: двигаться в заданном направлении из любой точки закрытого пространства (в направлении стоящего стола (парты), в направлении стоящего одноклассника (друга), в направлении двери, колонны и др.) и открытого пространства (в направлении дерева, скамейки, клумбы и др.); двигаться по заданному маршруту, состоящему из двух отрезков пути совместно со взрослым и самостоятельно («Двигайся прямо по тропинке в школьном дворе, а возле скамейки поверни налево и двигайся к спортивной площадке. Двигайся по коридору до библиотеки, затем поверни направо и иди прямо в спортивный зал»).

Кроме того, учащиеся могут передавать движениями комплекс действий, связанных с определенной деятельностью: имитируется процесс ручной стирки, как отстирывают пятна, полощут, выжимают, стряхивают, развешивают бельё, закрепляют прищепками. Аналогично воспроизводятся процессы мытья посуды, наливания и заварки чая. Могут имитироваться трудовые действия в связи с поездкой на дачу, выездом в летний лагерь, уборкой помещения, работой по уборке урожая овощей, фруктов. Такого рода упражнения развивают воображение, способствуют включению во взаимодействие, формируют в определённой мере навыки невербального общения.

На занятиях широко используются специфические приёмы, которые формируют чувство ритма: «отстукивания», «отхлопывания», «дирижирования», передающие ритмический рисунок при письме, выполнении счетных операций. Выполненные исследования (Т. Л. Лещинская, В. И. Радионова) дают основание широко использовать в проводимой работе кинетическое подкрепление произносимых звуков и рукописных букв. Для многих детей тактильно-кинестетическая система является ведущей, отражает имеющийся личный потенциал. Нарушения письменной речи представляют собой системные нарушения, затрагивающие как речевое развитие, так и неречевые функции, в частности,

двигательные функции руки, пространственную ориентировку, слухомоторную координацию. Подключение двигательного анализатора способствует уточнению зрительно-двигательных представлений оптически сходных букв. Декламация стихов, пение песен сопровождаются движениями, жестами, танцевальными элементами [2].

Используется широкий спектр практических занятий, обеспечивающий включение детей с ОПФР в разнообразную деятельность. Интерактивная деятельность позволяет избежать скучных, обременительных занятий. Общение доставляет ребенку радость, удовольствие, в нём он успешен, ему весело и интересно. С этой целью отрабатываются актуальные способы деятельности, в процессе которой отслеживаются взаимоотношения детей: их искренность, способность помогать, переживать. Учитель-дефектолог замечает и отмечает способность вносить изменения в деятельность, находить новые приёмы решений задачи при затруднении. Деятельность помогает обнаружить детские предпочтения, что нравится больше конкретному ученику: танцевать, рисовать, инсценировать, интерпретировать ситуации, изображать предметы и других людей или выполнять конкретные практические действия. На коррекционных занятиях дети с ОПФР учатся взаимодействовать. Наибольший коррекционный эффект достигается тогда, когда в процессе деятельности используются прямое и косвенное воздействие, а главное – подключаются эмоции.

Большое внимание в коррекционной работе уделяется мотивации деятельности учащихся. Внешняя мотивация достигается созданием интересной и мобильной (меняющейся) среды. Используются нестандартные ситуации, обеспечивающие успех, стимулирующие общение и познание других детей и взрослых. Мотивация предупреждает негативные проявления.

Внутренняя мотивация связана с удовлетворением индивидуальных потребностей ребёнка. Мотивы могут быть познавательными. Незнакомая, новая обстановка, незнакомый предмет, новые впечатления побуждают ребёнка к ознакомлению и познанию «что это такое?». Включаются и выключаются различные сенсорные системы ребёнка, он работает в различных условиях: при выключенном зрении, при ограниченной возможности использования одной, двух рук, при выключенном слухе.

Внешняя и внутренняя мотивация взаимосвязаны. Мотивы могут быть деловыми,

учащийся работает в паре с другим учеником, он выполняет новые обязанности, у него возникает потребность в пополнении своего социального опыта. Личностные мотивы связаны с оценкой, признанием его успехов, поддержкой. Мотивация зависит от организуемого процесса оценивания. Педагог не использует негативные суждения. Он оценивает конкретный этап работы, при затруднении оказывает ученику помощь. Оценивается не сам обучающийся, а его способность или неспособность, его работа, которая при оказании своевременной и умелой помощи педагогом всегда выполнима, а ребенок в деятельности удачен. Если учащемуся не удалось справиться с работой, педагог меняет тактику работы: он использует другие виды помощи, привлекает иные приёмы работы, которые могут обеспечить ему успех. Негативное отношение к занятиям чаще возникает в связи с тем, что школьник терпит неудачу в своей деятельности.

Коррекционная работа включает формирование относительно устойчивых отношений и ценностных представлений, необходимых для нравственного развития ребёнка. Достигается в процессе овладения, прежде всего, умениями, способами практической деятельности, позволяющими реализовать личностные качества и сформировать систему личностных ценностей [3].

Коррекционная работа включает формирование доброты, трудолюбия, отзывчивости, правдивости, милосердия, уважительности, бережливости и других личностных качеств. Они формируются в процессе жизни, игр, преднамеренных упражнений. Принимается во внимание, что процесс импринтинга (первичного запечатления) более выражен у детей с ОПФР. Положительные впечатления питают их познавательные потребности, обуславливают активность. Младшим школьникам предлагается объяснять подтекст, скрытый в пословицах и поговорках (например, «Порядок бережёт время», «Что на месте лежит, то само в руки бежит», «По заслугам и честь», «Семь раз примерь, а один раз отрежь», «Любишь кататься, люби и саночки возить», «Слышал звон, да не знает, где он», «Признание – половина исправления» и др.). Учащиеся учатся перефразировать цитаты и афоризмы о школе, доброте, дружбе, друзьях («Школа даёт знания только тем, кто согласен их взять» – С. Скотников; «Книга и школа – что есть глубже?» – П. Тычина; «Во внутреннем мире человека доброта – это солнце» – В. Гюго; «Добро по указу – не добро» – И. Тургенев; «Без дружбы никакое общение между людьми не имеет ценности» – Сократ и др.).

Особенно важно изучать образ жизни учащихся, которые в силу своих особенностей не несут полной ответственности и зависят от тех условий, в которых происходит их социализация. Применительно к учащимся с интеллектуальной недостаточностью безусловно имеется опасность формирования соглашателя, человека, бездумно следующего указаниям без необходимого анализа и осмысления фактов, событий. Данная категория учащихся нуждается в целенаправленном формировании умений, навыков и привычек, которые позволят им поддерживать и укреплять здоровье. Это обусловлено наличием у таких детей значительного числа сопутствующих заболеваний и большей подверженностью приобретения вредных привычек, трудностями самостоятельного осознания значимости заботы о здоровье. Значимым является формирование у детей с интеллектуальной недостаточностью способов деятельности, касающихся сохранения половой безопасности и телесной неприкосновенности.

Учащимся с интеллектуальной недостаточностью необходимо объяснить правила «Нельзя!». Обязательно к слову «нельзя» подбираются синонимы: «не следует», «запрещено», «плохо», «страшно», «опасно» и др. Правила анализируются, используются различные варианты жизненных ситуаций для привлечения особого внимания к опасным обстоятельствам, которые могут произойти с детьми.

Приведём примеры некоторых правил: «Не следует разговаривать с незнакомыми людьми на улице, приглашать их к себе домой, просить помочь открыть дверь квартиры»; «Страшно и опасно заходить с незнакомыми, подозрительными, нетрезвыми людьми в лифт или подъезд»; «Запрещено останавливаться, вступать в диалог с незнакомыми водителями автомобилей, садиться к ним в машину, по их просьбе ехать вместе в магазин, гости»; «Опасно получать от незнакомых людей свёртки, пакеты, любые предметы, подарки, угощения»; «Нельзя задерживаться на улице после школы, особенно в тёмное время суток, без сопровождения старших братьев, сестер, взрослых, родителей (законных представителей)». Каждое правило подкрепляется жизненными примерами.

Таким образом, методами коррекционной работы являются игры, упражнения, опыты, обсуждение и инсценирование вариативных жизненных ситуаций, интерпретация правил. Используются также специфические методы: полисенсорный, интерактивный, проблемный (создания ситуации затруднения, противоречия), сенсомоторный.

Полисенсорный метод основан на введении в познавательную деятельность обучающихся с ОПФР многообразных сенсорных ощущений. Это достигается рядом приёмов. Например, учащиеся с нарушениями зрения учатся:

- соотносить запахи предметов с помещениями и учреждениями общественного назначения: запах пищи – столовая, лекарств – медпункт или поликлиника, запах стирального порошка – прачечная, запах бензина – заправка, запах косметики – парикмахерская и др.),

- по интенсивности запахов предметов оценивать их удалённость от себя (далеко – близко, рядом).

- на основе использования зрительных, обонятельных и вкусовых ощущений определять состав приготовленных блюд, предлагаемых учащимся во время обеда либо в процессе приготовления: состав салата (например, огурец и сметана; помидор и сметана; огурец, помидор и сметана); вид первого блюда (например, борщ, щи, рассольник); состав бутерброда (например, батон, масло и сыр; батон, масло и колбаса; хлеб, масло и ветчина; хлеб и паштет и др.); питье (например, сок, вода, компот, кисель, чай, какао);

- определять и называть добавки в чае (например, лимон, ромашка, мята), определять, из какого фрукта приготовлен сок (например, яблоко, слива, помидор, виноград, апельсин, грейпфрут).

Интерактивный метод основан на активном взаимодействии, использовании интерактивного диалога. Учащиеся делятся впечатлениями и рассказывают о своём любимом занятии. Совместно разрешаются конфликты. Например, ребенок с ОПФР поссорился с другом. Предлагаются для выбора варианты решений: а) попробуйте извиниться и помириться; б) попросите что-нибудь у друга, после поблагодарите его за оказанную услугу с выражением дружелюбия; в) попробуйте включить друга в совместную деятельность. У детей формируется дивергентное, вариативное, творческое мышление.

Проблемный метод реализуется посредством разрешения противоречий в процессе создания затруднений. Отключается один из анализаторов или органов: выключается одна из рук, ребенок работает, стоя на одной ноге, он отвечает на вопросы в наклонном (или подвешенном) состоянии, узнаёт предмет при выключенном зрении. Может осуществляться неожиданное сенсорное воздействие (освещение фонариком, включение звукового

сопровождения, введение обманной информации (сообщается, что этот предмет синего цвета, а на самом деле он желтого или зеленого) и др. Решаются познавательные проблемы путём обнаружения противоречий и в процессе поиска их разрешения.

Сенсомоторный метод включает приёмы введения динамичного сенсорного раздражителя (ритмических движений, помигивающего света, цветомузыки) и др. Чтение осуществляется при двигательном сопровождении, письмо сходных по написанию букв осуществляется рукой в воздухе, ногой на полу, ударные слоги выделяются ритмическим постукиванием.

Метод алгоритмизации в коррекционно-педагогической работе предполагает составление и использование алгоритмов (системы элементарных операций, выполняемых в определённой последовательности, служащей для решения в данном конкретном случае коррекционных задач).

В соответствии с алгоритмом организуются различные виды деятельности, способствующие социализации ребенка. Подбираются украшения для одежды, демонстрируется удачное сочетание цвета в одежде на конкретных примерах, формируются умения самообслуживания. В соответствии с алгоритмом организуется деятельность детей в жизненных ситуациях. Произносятся слова громкой и тихой (шёпотной) речью, низким и высоким голосами. Выполняются графические диктанты. Алгоритм развития пространственного восприятия включает следующие направления работы:

а) формирование представлений о частях собственного тела, которые служат ориентиром для определения пространственного расположения предметов;

б) определение расположения предметов в пространстве на основе наглядно-практических ориентиров (частей тела, движений);

в) включение пространственного восприятия и пространственных представлений в практическую деятельность;

г) развитие пространственного восприятия на основе наглядно-образных ориентиров (схемы собственного тела, графических обозначений на плоскости);

д) обозначение на плоскости пространственных направлений;

е) выполнение заданий на основе наглядно-образных ориентиров (условных обозначений, графически обозначенных направлений).

На основе алгоритмов выполняются виды деятельности, способствующие социальной ориентировке и социальной адаптации. Выполняются действия, включающие пространственную ориентировку по показу (при необходимости совместно с педагогом) или по образцу, изображению. Выполненные действия, отражающие пространственные отношения, оречевляются, используются слова: *вверху – внизу, справа – слева, справа вверху, слева внизу, спереди, сзади, над – под* и др.

Важное место занимает формирование и развитие социального интеллекта, который выражает социальные способности индивида. Они рассматриваются как продукт влияния средовых факторов, прежде всего, обучения и воспитания. Проблема формирования и развития социального интеллекта имеет особое значение для учащихся с ОПФР. Недооценка этого направления работы приводит к ряду негативных проявлений, таких, как снижение жизненной активности, беспомощность в жизни, трудность установления социальных контактов. Выработка социально значимых навыков, перенос их в разнообразную практическую деятельность развивают и помогают детям в обретении жизнеспособности, то есть в умении выживать, способности и готовности трудиться и включаться в социум.

Для формирования социального интеллекта создаются соответствующие условия. Прежде всего, обеспечивается бытовая самостоятельность, что даёт возможность ребёнку действовать самостоятельно и брать ответственность за своё поведение. Учащихся с ОПФР (особенно незрячих, самостоятельно не передвигающихся, с интеллектуальной недостаточностью) на коррекционных занятиях обучают самостоятельно одеваться, раздеваться и переодеваться. Ребёнка учат использовать салфетку, носовой платок по назначению. Он учится пользоваться телефоном в сюжетно-ролевой игре и в жизненной ситуации. Ребёнок (например, без зрительного контроля) самостоятельно убирает и складывает личные вещи, участвует в хозяйственно-бытовом труде, умеет самостоятельно вести домашнее хозяйство, постирать, приготовить пищу и др. Незрячего ребенка учат оценивать свой внешний вид с помощью осязательного восприятия, применять специфические приёмы поддержания и контроля внешнего вида: ощупывание, одёргивание, соотнесение.

Обучение осуществляется постепенно, ненавязчиво, коррекционная работа ведётся системно и планомерно. Осуществляется постоянный контроль за деятельностью учащихся с

ОПФР. Вместе с тем, перед ними не ставятся жесткие требования. Подмечаются и отмечаются их успехи.

Особенностью подготовки коррекционных занятий является определение вероятностных способов деятельности учителя и ученика и заготовка многообразных приемов, которые могут быть использованы. Учитель-дефектолог моделирует варианты: ребёнок не включается в совместную деятельность – задание для него оказалось трудным, предусматриваются варианты обеспечения его активности, виды помощи. Задание для ученика лёгкое, не вызывает интереса – планируется, что в этом случае можно предпринять, как его переконструировать, чтобы задание расширяло зону ближайшего развития ребёнка. Ученик может выступать в роли обучаемого и обучающего другого, сопровождая его деятельность.

Оценку качества коррекционной работы затрудняет отсутствие или недостаточная разработанность программ и методик коррекционных занятий. Современное осмысление коррекционной работы в аспекте *позитивной социализации* обуславливает введение в критерии и показатели ее качества новых параметров. Бинарность (двусторонность) коррекционной работы (участие в ней и педагог, и учащегося) предполагает оценку структуры нарушения, недоразвития и потенциала ребенка и в равной мере профессиональной компетентности педагога [3].

Коррекционная работа рассматривается как многовекторный процесс. Критерий – позитивная социализация учащегося – может отслеживаться по следующим показателям: умение самостоятельно удовлетворять базовые потребности (в пище, тепле и общении); развитость социогенных потребностей (в дружбе, любви и общении); сформированность потребности в приобретении социальной компетентности, которая выражается в овладении умениями, способами деятельности и умениями взаимодействовать со средой и окружающими людьми.

Критерием оценки профессиональной компетентности педагога является ценностно-смысловая ориентация педагога. Показателями данного критерия являются: наличие в качестве ведущих личностных качеств доброты, терпеливости, трудолюбия, креативности, намерения помочь и быть полезным другому; установка на социальную направленность коррекционной работы, что находит выражение, в обеспечении

коммуникации и включении в совместную деятельность детей с нормативным развитием и детей с ОПФР; осведомленность об инновациях в коррекционной работе.

Таким образом, успешность коррекционной работы определяется:

- позитивной социально-образовательной интеграцией учащихся с ОПФР;
- обеспечением привлекательности коррекционных занятий;
- усилением эмоционально-чувственного познания, развития эмоционального интеллекта, эмоционально-познавательного отношения к окружающей действительности;
- включением детей с ОПФР в разноуровневую совместную практическую деятельность, способствующую развитию социального интеллекта, умению взаимодействовать со взрослыми и сверстниками;
- формированием и развитием самостоятельности, социально приемлемого и социально привлекательного поведения.

Обратим внимание на те нормативные требования, которые позволили обеспечивать диалогическую самость различных образовательных культур и выражают научные основания процессов по совершенствованию совместного (интегрированного) обучения и воспитания.

Во-первых, совместное обучение и воспитание потребовало уйти от декларирования монопарадигмальности, одинаковости, единственно правильной и перспективной методики обучения. Общей универсалией является преобразование отражательно-адаптивного образования в творчески-преобразующее и признание важности воспитания жизнеспособной личности.

Во-вторых, интегрированное (совместное) обучение и воспитание потребовало уточнения сущности отдельных дефиниций с учётом признания самости образовательных субкультур учащихся с ОПФР. Компетенция интерпретируется как формирование знаний и умений практической направленности. Образовательная практика осуществляется не в «минусовой зоне» ребенка (Д. А. Леонтьев), а с учётом потенциальных возможностей, признания успешности и неповторимости личности. Уважительное отношение к многообразию образовательных субкультур изменяет роль учителя, который овладевает технологиями интерактивного обучения и вовлекает в интеракцию всех детей, поднимая их статус, обеспечивая конгруэнтность социального взаимодействия.

В-третьих, в воспитании главным становится формирование социально-востребованного поведения на основе выявления потребностей, интересов и актуальности жизненных ситуаций. Формируется деятельностное, помогающее, жизнеспособное, просоциальное поведение. Предвосхищаются деятельность, поступки, которые потребуют проявления собственной позиции, сформированных установок.

Школьный куррикулум обязан обеспечивать реальный диалог общего и специального образования на основе формулирования доминантных положений, обусловленных интердетерминацией образовательных субкультур. Модульный характер содержания обучения и перспективные технологии позволяют включать всех детей в совместное обучение, социальное взаимодействие и партнерские отношения. Социально-образовательная интеграция, не обеспечивающая приращений и изменений в отношениях к миру окружающих предметов и людей, является сигналом к использованию иных форм и технологий обучения. Мерилом является учащийся, его здоровье, благополучие, социальное развитие и интеграция в обществе.

Таким образом, учитывая необходимость осуществления в системе интегрированного (совместного) обучения и воспитания коррекционно-педагогической работы, направленной на социально-образовательную интеграцию учащихся с ОПФР, выделим её содержательные линии:

- при определении содержания методик совместного обучения требуется учёт образовательных субкультур обучаемых субъектов;
- выявляются положительные возможности учащихся и на этой основе выстраивается коррекционная работа;
- совместное образование предполагает включение всех участников образовательного процесса, в том числе родителей, во взаимодействие и обеспечение обратной связи по выявлению достижений и проблемных вопросов;
- своевременное реагирование на одинаковый и неэффективный характер совместного образовательного процесса без учёта потребностей и возможностей учащихся является предпосылкой успешности социально-образовательной интеграции учащихся с ОПФР.

Список использованных источников

1. Краевский, В. В. Образование, воспитание, социализация в контексте педагогической науки / В. В. Краевский // Мир образования – образование в мире. – 2001. – № 2. – С. 11–22.
2. Лещинская, Т. Л. Моделирование функционирования коррекционной работы с учащимися, имеющими легкую интеллектуальную недостаточность / Т. Л. Лещинская, Т. В. Юрок // Педагогическая наука и образование, 2019. – № 2. – С. 81–88.
3. Лещинская, Т. Л. Коррекционная технология интегрированного обучения детей с интеллектуальной недостаточностью / Т. Л. Лещинская // Педагогическая наука в условиях создания национальной инновационной системы: сб. материалов Респ. науч.-практ. конф., Брест, 24 апр. 2008 г. / Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина; редкол.: М. С. Ковалевич (пред.) [и др.]. – Брест, 2008. – С. 97–99.

References

1. Kraevskii, V. V. Obrazovanie, vospitanie, sotsializatsiya v kontekste pedagogicheskoi nauki / V. V. Kraevskii // Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire. – 2001. – № 2. – S. 11–22.
2. Leshchinskaya, T. L. Modelirovanie funktsionirovaniya korrektsionnoi raboty s uchashchimisya, imeyushchimi legkuyu intellektual'nuyu nedostatochnost' / T. L. Leshchinskaya, T. V. Yurok // Pedagogicheskaya nauka i obrazovanie, 2019. – № 2. – S. 81–88.
3. Leshchinskaya, T. L. Korrektsionnaya tekhnologiya integrirovannogo obucheniya detei s intellektual'noi nedostatochnost'yu / T. L. Leshchinskaya // Pedagogicheskaya nauka v usloviyakh sozdaniya natsional'noi innovatsionnoi sistemy: sb. materialov Resp. nauch.-prakt. konf., Brest, 24 apr. 2008 g. / Brest. gos. un-t im. A.S. Pushkina; redkol.: M. S. Kovalevich (pred.) [i dr.]. – Brest, 2008. – S. 97–99

ИСТОРИЯ

УДК 904

Neymat Meshadihanum,

Doctor of Sciences,

National Academy of Sciences of Azerbaijan

(Azerbaijan)

Vafa Kulieva,

Doctor of Sciences,

Institute of archaeology and Ethnography

of the National Academy of Sciences of Azerbaijan

(Azerbaijan)

GLOBAL-CIVILIZATIONAL CONTEXT OF MATERIAL AND CULTURAL

MONUMENTS OF AZERBAIJAN

The article examines the global and civilizational significance of the monuments of material culture of the Azerbaijani people; in particular, the historical origin of the monuments on the territory of Karabakh and Western Azerbaijan is studied. It is emphasized that the monuments of material culture of Azerbaijani people are of worldwide importance, play an important role in shaping human civilization, testify that the Azerbaijanis living since ancient times on the territory of modern Azerbaijan Republic are the autochthonous people of the Caucasus, with a rich history and great cultural heritage.

Keywords: Azerbaijan; monuments of material culture; spiritual culture; archaeological finds; sites of ancient man; architecture; the middle Ages.

阿塞拜疆物质和文化古迹的全球文明背景

这篇文章探讨了阿塞拜疆人民的物质文化纪念碑的全球和文明意义，特别研究了卡拉巴赫和西阿塞拜疆领土上古迹的历史渊源。文章强调：阿塞拜疆人民的物质文化遗迹具有世界性的重要性；对人类文明的形成起着重要作用；并证明自古以来生活在现代阿塞拜疆共和国领土上的阿塞拜疆人是高加索的土著人民。他们拥有丰富的历史和伟大的文化遗产。

关键词：阿塞拜疆；物质文化纪念碑；精神文化；考古发现；古人类遗址；建筑；中世纪

Мешадиханум Неимат,

*доктор исторических наук, член-корреспондент
Национальной академии наук Азербайджана
(Азербайджан)*

Вафа Кулиева,

*доктор исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии
Национальной академии наук Азербайджана
(Азербайджан)*

ГЛОБАЛЬНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ

МАТЕРИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ АЗЕРБАЙДЖАНА

В статье рассматривается глобально-цивилизационное значение памятников материальной культуры азербайджанского народа; в частности, исследуется историческое происхождение памятников на территории Карабаха и Западного Азербайджана. Подчёркивается, что памятники материальной культуры азербайджанского народа имеют всемирное значение, играют важную роль в формировании общечеловеческой цивилизации, свидетельствуют, что азербайджанцы, проживающие с древнейших времен на территории современной Азербайджанской Республики, являются автохтонным народом Кавказа, имеющим богатую историю и огромное культурное наследие.

Ключевые слова: Азербайджан; памятники материальной культуры; духовная культура; археологические находки; стоянки древнего человека; архитектура; зодчество; Средневековье.

Памятники материальной культуры на территории Азербайджана древнейшего периода. Ценнейшим вкладом в историю мировой культуры является обнаруженное в 1968 г. в Азыхской пещере (Физулинский район современной Азербайджанской Республики) доказательство, что человек обитал здесь ещё в эпоху палеолита (древнего каменного века). Найденный в этой пещере фрагмент нижней челюсти так называемого «человека-азыхантропа» и следы «галечной культуры» свидетельствуют, что на территории Азербайджана, а также всего Центрального Кавказа и Малой Азии могли проживать предки

человека разумного. Аналогичные стоянки древнего человека обнаружены и на африканском континенте.

Эти находки доказывают, что территория Азербайджана – один из древнейших очагов возникновения человеческой цивилизации. Сравнительный материал даёт основание заключить, что складывавшиеся здесь местные мезолитическая и неолитическая культуры были тесно связаны с культурой всего Центрального Кавказа и Средиземноморья [1, с. 24–28].

К исключительно ценным памятникам эпохи неолита относится и пещера Таглар, расположенная недалеко от Азыхской пещеры. В ходе раскопок здесь обнаружены три культурных пласта, два из которых отнесены к мустьерской эпохе, а третий (верхний) – к эпохе верхнего палеолита [2, с. 72–73].

Уникальными по своей значимости являются наскальные изображения в Гобустане. На территориях Беюкдаш, Кичикдаш и Джингирдаг – Язылы-тепе выявлены и изучены древние наскальные изображения и другие историко-археологические памятники (древние стоянки человека, поселения, погребения и др.), относящиеся к различным периодам древней истории.

Особый интерес вызывает стоянка «Шонгар». В результате археологических раскопок, проведённых здесь в 1973 и 1983 гг., выявлены каменные орудия, относящиеся к периоду мезолита. Кроме того, обнаружено небольшое количество костных останков животных, а также 26 ретушированных и использовавшихся в качестве орудия каменных изделий [2, с. 76]. Древние наскальные изображения, признанные настоящими произведениями искусства, как правило, содержат рисунки людей и животных – как одиночные, так и композиционно организованные. К последним относятся коллективные танцы, коллективный труд, охота, бой животных, нападение хищных зверей на травоядных и другие сцены из жизни. Горы Беюкдаш и Кичикдаш, на которых обнаружены древние наскальные рисунки, находятся в прибрежной зоне. Поэтому на этих скалах имеется много рисунков лодок, нескольких видов рыб и сетей рыбаков.

Изображение лодок в различные периоды, материалы, найденные при археологических раскопках в Гобустане в поселениях каменного века, а именно камни, используемые в качестве грузил для рыболовных сетей, изделия из кости для плетения

рыболовной сети, а также другие, напоминающие крючок для ловли рыб, и кости рыб, – всё это указывает, что здесь ещё с древнейших времен занимались рыболовством, которое имело в жизни древних азербайджанцев огромное значение. Об этом свидетельствует и наскальное изображение свыше 100 лодок.

Датировка самых древних лодок в Гобустане начинается с конца каменного века, а самые последние их изображения относятся к ранним векам нашей эры. Имеются линейные изображения деревянных и плетёных лодок [3]. Известный норвежский ученый Тур Хейердал, побывав в Гобустане, обнаружил сходство наскальных изображений лодок с нарисованными спустя тысячи лет изображениями лодок древних викингов, что свидетельствует о единых культурных корнях норвежцев и азербайджанцев.

Более того, Тур Хейердал заключает, что именно «Азербайджан, а не Европа, был частью бурлящей цивилизации, мореплаватели которой занимались торговлей и распространяли культуру. Многие факты истории до сих пор не разгаданы, в частности период, предшествовавший пять тысячелетий назад неожиданному культурному взлёту Египта, Шумера и Индской долины. Однако можно надеяться, что в эпоху высоких технологий ответы на многие вопросы всё-таки будут найдены. Исследователям предстоит внимательнее разобраться в характере внешних связей в регионе современного Азербайджана, чтобы выявить доисторические корни и связи между народами» [4, с.26–43].

Памятники материальной культуры Средневековья. Территория Азербайджана, расположенная на стыке великих исторических путей, соединяющих Восток и Запад, на знаменитом Великом шёлковом пути, богата памятниками материальной культуры и эпохи Средневековья. Это ханега, завии – обители суфийских шейхов, расположенные на всём протяжении торгово-караванных путей, проходящих по территории Азербайджана и свидетельствующих об огромной роли мусульманского духовенства в социально-политической и культурной жизни народа, проживавшего здесь в период Средневековья.

На торгово-караванных путях (обычно на расстоянии дневного перехода) строили караван-сарай, рибаты, имараты, при них овданы (колодцы), где путники могли найти себе кров и пищу, а скоту – корм и воду. Часто большие караван-сарай – рибаты – превращались в мощные укрепления с башнями и бойницами. Одним из них является имарат «Сангачал»,

построенный по приказу Ширваншаха Халилаллаха I в 1439–1440 гг. в 40 км от Баку. Это здание не имеет окон, толщина и высота его стен внушительны, полубашенки придают ему вид укрепления. В комплекс караван-сарая входят пятикомнатная двухэтажная «балахана» (гостиная), амбар и конюшня. Подобный караван-сарай с башнями стоял и на торговом пути Баку – Шабран на склоне горы Бешбармак.

Пристанищем караванов служили также комплексные сооружения, различные социально-религиозные объекты, около которых обычно возводили небольшие караван-сарайи. На торгово-караванных путях Баку – Мараса – Шемаха, Баку – Сальяны – Шемаха были расположены гробницы и святилища шейхов, имамов, великих учёных Пир Хусайна, Маулана Йусуфа, Дири-баба, Таира Тадж ал-Худа б. Али Мадакани и др., которые играли важную роль в социально-политической жизни Азербайджана периода Средневековья [4, с. 27].

Влиятельное положение шейхов в обществе вынуждало феодалов завещать значительную часть имущества в качестве вакфа и строить помещения культовых центров. Создание таких центров на торговых путях помогало распространению азербайджанских религиозно-философских учений в соседние страны.

Феодальные государства, стремившиеся укрепить свой авторитет и влияние на торговых путях, завещали много вакфа религиозным учреждениям. Чтобы укрепить свою власть, монгольские правители (ильханы) и ханы Золотой Орды принимали ислам, совершали паломничество в религиозные центры Азербайджана. Хан Узбек, побывавший в ханега Пир Хусайна, возвратил его имущество, разграбленное во время нашествия Золотой Орды на Ширван. На средства и при содействии Аргун-аки был отреставрирован минарет при ханега Пир Хусайна, о чем повествует надпись над входом в этот минарет [5, с. 7–8].

Памятники материальной культуры на территории Западного Азербайджана.

На исторической территории Азербайджана сохранилось огромное количество памятников материальной культуры, которые доказывают, что Азербайджан является одним из древних очагов цивилизации. К числу таковых относятся средневековый некрополь в селе Уруд Зангезура (ныне село Оронт, Сисианский район Республики Армения); кладбища и мавзолеи, расположенные в селе Джафарабад (ныне село Аргаванг Республики Армения); караван-сарай, расположенный на Селимском перевале, в Зангезуре (ныне территория

Республики Армения), памятники села Алайаз. Обнаруженные памятники в виде каменного изваяния барана на Урудском кладбище, надписи на них, а также рельефные изображения онгонов (божеств) древнетюркских племен свидетельствуют, что общетюркские элементы материальной культуры также были широко распространены в Кавказской Албании – на исторической территории современного Азербайджана [5, с. 10].

Другой памятник азербайджанского зодчества – мавзолеем эмиров Азербайджанского государства Кара-Коюнлу – расположен в селе Джафарабад. Двадцатигранное сооружение мавзолея высотой в 12 м (без купола, который ныне разрушен) построено из отёсанного туфа. На широком поясе фриза, под карнизом купола находится арабоязычная надпись крупного шрифта, почерка насх с элементами сульса, которая гласит: «Во имя Аллаха милостивого и милосердного! Коран, 11–256. Повелел построить гробницу благословенную величайший, благороднейший, целое великодушие (наделенное благородством) и добрым нравом, опора государей и султанов, прибежище убогих и отверженных, покровитель мудрецов и жаждущих знания, покровитель (помощник) странствующих дервишей и идущих по пути познания божества (мистиков), слава государства и религии амир Пир Хусайн – да продлит (Аллах) его справедливость – б. ал-амир ал-усопшего, достигшего милости прощающего ал-амир Сад да будет пухом земля ему – во время господства величайшего султана, повелителя наиболее благороднейшего султан султанов Востока и Юга, покровитель государства и религии Пир Будаг хан и Йусуф нойон – да продлит Аллах их господство – дата: пятнадцатого раджаба восьмьсот шестнадцатого года» [5, с. 66–67].

На территории Зангезура, на Селимском перевале расположен ещё один памятник азербайджанского зодчества. Караван-сарай имеет весьма оригинальную архитектурную композицию (план Т-образный), двускатное перекрытие с обтёсанными каменными плитами. Архитектурное описание караван-сарая дано в сборнике «Материалы Кавказской археологии», составленном В.М. Сыроевым в 1907–1908 гг.

В здании караван-сарая два помещения. Основное расположено по линии от севера к востоку, второе – перпендикулярно первому, по Т-образному плану – от левой стороны к правой. Длина первого равна 15 аршин, ширина 7 аршин, второго соответственно 45 и 21 аршин. Над дверью вмонтирована арабоязычная врезная надпись на камне.

Следует особо подчеркнуть, что эта арабская надпись была установлена ещё при строительстве здания. О том, что это памятник азербайджанского зодчества свидетельствуют также форма камня, техника врезания и палеографические особенности надписи идентичные надписи, вмонтированной над входом мавзолея Яхья бин Мухаммеда (ум. в 1305 г.) в селе Мамедбейли Зангеланского района, также расположенного на Великом шелковом пути. На этой надписи упомянуто имя архитектора, основоположника Карабахской архитектурной школы Азербайджана Мадж ад-Дина Али. Ряд архитектурных деталей также даёт основание отнести караван-сарай, расположенный на Селимском перевале, к произведениям вышеназванного архитектора, как и другие сооружения, расположенные вдоль Аракса, на Шёлковом пути, соединяющем европейские страны с Ближним Востоком и проходящем через Азербайджан.

При Абу Саиде его визирь Чобан Салдуз-нойон построил мосты при впадении Ар-пачая в Аракс, выше Даралаяза, и в Копрукенде – на Великом шёлковом пути, который связывал Ближний Восток с европейскими странами через Карс, Эрзерум в Анатолии. В селе Алайаз имеется место поклонения Ахи Таваккула. От его мавзолея и подсобных помещений сохранились лишь фундаменты. Стела каменная, почерк надписи — насх, сохранность плохая: это могила (покойного) прощенного мученика (нуждающегося в милости всевышнего Аллаха) Ахи Таваккула – да простит Аллах грехи его [5, с.68–69].

До 1918 г. в Западном Азербайджане было огромное количество мечетей, медресе, мектебов, мавзолеев, ханег и других мусульманских культовых сооружений. Кроме того, в материалах Государственного исторического архива Азербайджана встречаются сведения о численности азербайджанцев, топонимы (названия сел) тюрко-азербайджанского происхождения. В самом городе Иреване (Ереван) из существовавших в начале XX в. мечетей (Древняя Шахарская (городская) мечеть, Соборная (Гей) мечеть, Мечеть Гаджи Нов-рузалибека, мечеть Гаджи Имамверди, мечеть Мирза Сафибека, мечеть Гаджи Джафар-бека) сохранилась лишь Соборная (Гей) мечеть, которая признана армянскими властями и отдана посольству Ирана [4, с.178].

До 1915 г. в Зангезурском уезде насчитывалось 38 шиитских, а по всей Иреванской губернии 382 шиитских и 9 суннитских мечетей [4, с. 183], а также функционировали мечетские приходы, выполнявшие функции сельсоветов. Здесь вели метрические книги, в

которых фиксировалась информация о количестве рождённых, умерших, сочетавшихся в браке и т. д.

В 1885 г. в Иреванском уезде Иреванской губернии (территориально-административное деление, существовавшее в рамках Российской империи) насчитывалось 2 суннитских прихода, которые объединяли и обслуживали 238 домов азербайджанцев. В Новобаязетском уезде Иреванской губернии имелось 5 мечетских приходов, которые обслуживали 2 016 домов, в Александропольском уезде этой же губернии был приход, обслуживающий 312 домов, в Шарур-Даралагезском уезде один приход объединял 142 дома, в Сурмалинском уезде один приход обслуживал 817 домов [5, с. 58; 66; 71; 75]. Количество мечетских приходов увеличивалось, и 1891 г. в Новобаязетском уезде их уже насчитывалось 19, в Ша-рур-Даралагезском уезде – 44, в Эчмиадзинском и Александропольском уездах – 2214. Столь стремительный рост числа мечетских приходов свидетельствовал о росте численности азербайджанской части населения губернии.

Памятники материальной культуры на территории Карабаха. Надгробные памятники в виде сундука, стелы, каменные изваяния лошади и барана (XIV–XIX вв.) с арабо-персо-азербайджаноязычными надписями и рельефами отражают различные стороны жизни, быта, вопросы топонимики, истории народной медицины, этногенеза азербайджанского народа, освещают ряд других вопросов культурной жизни Азербайджана в Средние века. По эпиграфическим данным и другим мотивам изобразительного искусства, имеющимся на представленных памятниках Карабаха, можно проследить место сосредоточения древнетюркских племён на территории Центрального Кавказа, сыгравших немаловажную роль в процессе формирования азербайджанского народа.

На памятниках (в виде каменного изваяния лошади) в селе Малыбей Лачинского района Азербайджана сохранилось изображение символа солнца и фигуры человека, держащего в правой руке птицу. У древнетюркских народов существовало божество Умай, покровительствовавшее детям. Очевидно, традиционное изображение на памятниках и сооружениях человека с птицей в руках воспринималось как знак, предохраняющий их от разрушения и повреждения. В селе Гюлябирд этого же района также сохранились каменные фигуры лошадей с аналогичными рельефными изображениями.

В селе Баба Физулинского района, в шести километрах от железнодорожной станции Горадиз имеется ханега и восьмигранный мавзолей Шейха Баба Якуба (XIII в.). Из источников Средних веков становится ясно, что Шейх Баба Якуб проживал в Арране, обладал большим авторитетом, возглавлял народное движение против феодалов и монгольских завоевателей.

В селе Мамедбейли Зангеланского района, на Шёлковом пути расположен мавзолей Яхйа ибн Мухаммада ал-Хаджа (умер в 1305 г.). В Барде сохранился один мавзолей и остатки фундамента другого мавзолея Ахсаданбаба, творения азербайджанского зодчего Ахмеда бин Айюба ал-Хафиза ан-Нахчывани.

Ханега и каменный мавзолей Шыхбаба (в круглом плане) находится в селе Шыхлар Джебраильского района, где также проходил торгово-караванный Великий шёлковый путь. Вокруг мавзолея имеется средневековый некрополь, а также лежат в разбросанном виде надгробные стелы, принадлежащие последователям Шейха. Недалеко от мавзолея захоронен шейхзаде Шейх абд ас-Салам бин Шейх Гийас ад-Дин. По палеографии и содержанию надписей и технике резьбы, а также по художественному оформлению стел деятельность суфийского ханега Кадирийа можно отнести к XIII–XIV вв.

В селе Ходжалы Джебраильского района, на старом кладбище, был обнаружен фрагмент строительной надписи почерком крупного красивого сульса. Около этого кладбища, у дороги, найдены ещё две стелы, на верхней части которых высечены изображения животных – горных козлов, архаров, а также различные тамги, напоминающие наскальные изображения Гобустана и Абшерона. В Джебраильском районе на плато Диридаг находится средневековый некрополь с разрушенным мавзолеем, вокруг которого сохранились надгробные памятники различного художественного облика. По надписям эти надгробья датируются XIV–XV веками. На этом кладбище есть два изваяния, аналогичные памятникам других предгорных районов Азербайджана. В Государственном историко-архитектурном музее-заповеднике «Комплекс дворца Ширваншахов» хранятся подобные изваяния из Ярдымлинского и Лерикского районов. Такие же надгробья сохранились в Тертерском районе. В комплексе архитектурных памятников «Имараты» районного центра Агдам собраны надгробные памятники XVI в. в виде сундука со стилобатом из средневековых некрополей.

В Лачинском районе, в долине Шалва, расположенной левее дороги, ведущей к храму Агоглан, имеются надгробия XVI в. в виде каменных изваяний лошади и сундука. По палеографии, стихотворным азербайджаноязычным текстам надписей, рельефным изображениям, отражающим бытовые сцены, эти надгробия представляют собой единый стиль школы художественной резьбы по камню и каллиграфии, присущей мастерам предгорных районов на исторической территории Азербайджана.

На месте старого некрополя, расположенного в селе Ахмедаллар Физулинского района, сохранилось сундукообразное надгробие 1615 г.; в селе Каргабазар, выше караван-сарая «Шах Аббаса», на высокой скале стоит мечеть «Гияс ад-Дина», которую местные жители именуют мечетью «Шаха Аббаса».

На роднике (в селе Каргабазар) имеется трёхстрочная арабоязычная надпись, которая гласит, что в 1305 г. этот водосток соорудил Гянджали, сын Амира Каргаба-зарского. Две мечети в городе Шуша построены архитектором Кербалаи Сафи ханом Кара-багским, о чём свидетельствует надпись на мечети. Имя его встречается и на мечети в районном центре Физули, городе Барде, Агдаме, в ряде квартальных мечетей города Шуша и на других зданиях, расположенных в Карабахе. Имя Сафи хана имеется и на «Татарской мечети» в Одессе, и на мечети Карабаглар в Ашхабаде. Все эти памятники относятся ко второй половине XIX в.

По эпиграфическим данным и другим мотивам изобразительного искусства, имеющимся на представленных памятниках Карабаха, а также на Урудских надгробиях Занге-зура, являющихся произведениями единой школы художественной резьбы по камню и каллиграфии, можно определить очаги расселения древнетюркских племен, сыгравших важную роль в процессе этногенеза азербайджанского народа. Надгробные памятники с различными бытовыми изображениями и эпиграфическими надписями арабской графикой показывают единство быта и культуры населения Сюника (ныне на территории Республики Армении) с другими областями Азербайджана, являются ярким подтверждением принадлежности этой территории Азербайджану. К тому же в надписях мы находим разъяснение некоторых топонимов, которые встречаются на территории Азербайджана. В надписях XIV–XIX вв. указаны имена шейхов, ученых, пиров, глав различных сект и т. д., с которыми связано происхождение названий населенных пунктов. Так, село Шыхлар

встречается в Зангезуре; Шыхбабалы, Пирджамал, Пирабулькасум – в Шушинском районе; Пирахмедлы – в Физулинском районе; Шыхова – в Губадлинском. В этих наименованиях сохранились частицы пир, шейх, обозначающие титулы и лакабы, даваемые в Средние века ученым-богословам и главам религиозных сект. В средневековом Азербайджане вокруг могил подобных учёных погребали их идейных последователей – шейхов. Через определённое время это место получало название «шыхлар», то есть шейх. Отсюда и расположенное рядом село получало данное название [6]. Всё это объясняет, на наш взгляд, этимологию топонимов на исторической территории Азербайджана.

Список использованных источников

1. Гусейнов М. Археология Азербайджана. Каменный век. – Баку, 1975. – 96 с.
2. Рустамов Д., Мурадова Ф. Петроглифы Гобустана. – Баку, 2003. – 241 с.
3. Heyerdahl Th. The Azerbaijan Connection Challenging Euro-Centric Theories of Migration // Azerbaijan International, Spring 1995, No. 3.1.
4. Кулиева В. А. Роль и позиция мусульманского духовенства в социально-политической и культурной жизни Азербайджана в XIX – начале XX вв. в ракурсе армяно-азербайджанских политических отношений. – Баку, 2003. – 264 с.
5. Неймат М.С. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. – Т. I. – Баку, 1991. – 248 с.
6. ГИАА. – ф. 290. – оп. 3. – д. 1574. – лл. 21, 22, 44, 45, 48.

References

1. Guseinov M. Arkheologiya Azerbaidzhana. Kamennyi vek. – Baku, 1975. – 96 s.
2. Rustamov D., Muradova F. Petroglify Gobustana. – Baku, 2003. – 241 s.
3. Heyerdahl Th. The Azerbaijan Connection Challenging Euro-Centric Theories of Migration // Azerbaijan International, Spring 1995, No. 3.1.
4. Kulieva B. A. Rol' i pozitsiya musul'manskogo dukhovenstva v sotsial'no-politicheskoi i kul'turnoi zhizni Azerbaidzhana v XIX – nachale XX vv. v rakurse armyano-azerbaidzhanskikh politicheskikh otnoshenii. – Baku, 2003. – 264 s.

5. Neimat M.S. Korpus epigraficheskikh pamyatnikov Azerbaidzhana. – T. I. – Baku, 1991. – 248 s.
6. GIAA. – f. 290. – op. 3. –d. 1574. – ll. 21, 22, 44, 45, 48.

УДК 940

Liudmila Mikalayeva,

*PhD, associate professor; Belarusian State University of
Informatics and Radioelectronics
(Belarus)*

**FOREIGN POLICY OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE LATE 14TH
– MID 16TH CENTURES: MAIN DIRECTIONS
FROM A GEOPOLITICAL PERSPECTIVE**

The article analyzes the main directions of foreign policy of the Grand Duchy of Lithuania in the late 14th – mid 16th centuries through the prism of changes taking place in the geopolitical position of the state. The conclusion is made about a gradual reorientation of the foreign policy of the Grand Duchy of Lithuania in this period, when instead of the western direction the eastern one became priority, where the number of main contractors decreased and the Moscow Grand Duchy (the Russian kingdom later) became the main competitor. The changes that took place were not adequately assessed by the leadership of the Grand Duchy of Lithuania, which led to territorial losses and the loss of a leading position in the Eastern European region.

Keywords: foreign policy; diplomacy; the Grand Duchy of Lithuania; military conflicts; negotiations; dynastic union.

14 世纪-16 世纪中期:从地缘政治角度看主要方向

本文通过立陶宛地缘政治地位的变化,分析了 14 世纪末至 16 世纪中期立陶宛大公国外交政策的主要方向。最后总结了这一时期立陶宛大公国对外政策的逐步调整。当东线取代了西线成为优先考虑的方向时,主要承包商的数量减少,莫斯科大公国(后来的俄罗斯王国)成为主要竞争对手。这些变化没有得到立陶宛大公国领导人的充分评估,从而导致了领土的丧失和在东欧地区的领先地位的丧失。

关键词: 外交政策; 外交; 立陶宛大公国; 军事冲突; 谈判; 王朝联盟

Людмила Николаева,
кандидат исторических наук, доцент;
Белорусский государственный
университет информатики и радиоэлектроники
(Беларусь)

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В КОНЦЕ XIV – СЕРЕДИНЕ XVI В.: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В статье рассматриваются основные направления внешней политики Великого Княжества Литовского в конце XIV – середине XVI в. сквозь призму изменений, происходивших в геополитическом положении государства. Сделан вывод о постепенной переориентации внешней политики Великого Княжества Литовского в данный период, когда вместо западного направления приоритетным стало восточное, на котором сократилось число основных контрагентов и главным конкурентом стало Московское великое княжество (затем – Русское царство). Произошедшие изменения не были адекватно оценены руководством Великого Княжества Литовского, что привело к территориальным потерям и утрате лидирующего положения в Восточноевропейском регионе.

Ключевые слова: внешняя политика; дипломатия; Великое Княжество Литовское; военные конфликты; переговоры; династический союз.

Историческая справка. Великое Княжество Литовское, Великое Княжество Литовское и Русское, Великое Княжество Литовское, Русское и Жемойтское (далее – ВКЛ) – полиэтничное и поликонфессиональное государство в Восточной Европе, в состав которого входили земли современной Беларуси (полностью), Литвы (за исключением Клайпедского края), Украины (большая часть, до 1569 г.), России (юго-западные земли, включая Смоленск, Брянск, Курск, до 20-х гг. XVI в.), Польши (Подлясье, до 1569 г.), Латвии (частично, после 1561 г.), Эстонии (частично, в 1561 – 1629 гг.), Молдавии (левобережная часть Приднестровья, до 1569 г.). С 1385 г. находилось в династической, затем – персональной унии с Польшей, после подписания реальной унии с Польшей в 1569 г. – в

составе конфедеративной, затем федеративной Речи Посполитой. Прекратило свое существование после третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. ВКЛ – одна из исторических форм государственности на белорусских землях.

Как раннесредневековая монархия ВКЛ сформировалось при великом князе литовском Миндовге (1246–1263 гг.), который объединил под своей властью часть литовских и соседних восточнославянских земель. Одной из первых столиц ВКЛ стал Новогородок (сейчас – г. Новогрудок в Гродненской области). Уже при великом князе литовском Войшелке (1264 – 1267 гг.) в Полоцке и Витебске сидели князья, подчинявшиеся его власти. При великом князе литовском Гедимине [1316 – 1341 гг.] в состав ВКЛ были включены Берестье (Брест), Кобрин, Каменец, Туров, Пинск, а также Минск и Друцк с их князьями. Гедимин титуловался «королем литовцев и русских». Около 1323 г. он перенёс столицу ВКЛ в Вильно. При великом князе литовском Ольгерде (1345 – 1377 гг.) в состав ВКЛ входила уже почти вся территория современной Беларуси [5, с. 60–61]. Выделяют три основных пути включения белорусских земель в состав ВКЛ: дипломатические соглашения, брачные союзы, военные захваты. В силу того, что большинство белорусских земель добровольно вошли в состав ВКЛ, они не потеряли широкой автономии во внутреннем управлении в период нахождения их в ВКЛ.

Внешняя политика ВКЛ в конце XIV – середине XVI в. была тесно взаимосвязана с политикой внутренней и имела три основных направления: западное, восточное и южное.

Первоначальный приоритет западного направления был обусловлен тем обстоятельством, что здесь в конце XIV – середине XV в. находились агрессивные соседи, внешнеполитическая активность которых напрямую угрожала суверенитету ВКЛ.

Уния с Польшей, подписанная в Крево 14 августа 1385 г., возникшие в связи с этим фактом документы вызвали сомнение относительно субъектности ВКЛ на международной арене. Ведь в последнем пункте Кревского акта утверждалось буквально следующее: «*Demum etiam Jagalo dux saepedictus promittit terras suas Lituaniae et Russiae Coronae Regni Poloniae perpetuo applicare*» («В конце этот вышеупомянутый князь Ягайло пообещал навечно присоединить свои земли Литвы и Руси к Короне Королевства Польского») [46, с. 2]. Глагол *applicare*, ключевой в данной фразе, в эпоху Средневековья употреблялся в нескольких значениях. И от его интерпретации зависело понимание того, в какой

международно-политической ситуации оказалось ВКЛ после подписания Кревского акта. Оно было номинально связано унией с Польшей, имело верховным правителем польского короля и наивысшего князя литовского Владислава II Ягайло, но фактически оставалось самостоятельным государством [13, с. 343]. С момента подписания Островского соглашения 1392 г., положившего конец гражданской войне в ВКЛ между сторонниками и противниками унии с Польшей, и передачей реальной власти в ВКЛ князю Витовту, двоюродному брату Ягайло, была создана твёрдая почва для осуществления самостоятельной внешней политики ВКЛ. Вместе с тем сохранение сначала династической, а позднее и персональной унии с Польшей приводило к своеобразному самоограничению ВКЛ в его дипломатической деятельности. Это было связано с попытками польской стороны монополизировать отношения ВКЛ с государствами Центральной и Западной Европы, оставляя в сфере компетенции великокняжеской дипломатии только отношения со странами Восточной и Юго-Восточной Европы [4, с. 9].

По причине существования традиции раздела сфер компетенции между дипломатическими службами Польши и ВКЛ последнее на западном направлении своей внешней политики имело постоянные контакты только с Польшей, Тевтонским орденом (позднее – Княжеством Пруссией), Ливонской конфедерацией и Мазовецким княжеством (до 1526 г.). Кроме того, известны спорадические контакты с Венгрией, Священной Римской империей германской нации, Римской курией, Швецией, Францией [21, с. 85].

На протяжении всего рассматриваемого периода естественным союзником ВКЛ на западном направлении оставалась Польша, уния с которой укрепила международные позиции ВКЛ, обеспечила относительный покой на его западных границах, позволила объединить усилия государств против общих противников. С другой стороны, в это же время Польша не прекращала усилий превратить польско-литвинский династический союз в реальное межгосударственное объединение. Анализ документов Виленско-Радомской унии 1401 г. [46, с. 33–41], Городельской унии 1413 г. [46, с. 50–72], Гродненской унии 1432 г. [46, с. 77–115], Виленско-Краковской унии 1499 г. [46, с. 121–130], Мельницкой унии 1501 г. [46, с. 134–147] показывает, что последняя из них была наиболее близка к реализации данной цели, но не была ратифицирована литвинской стороной и не получила практической реализации [24, л. 507–508]. При этом в деле унии отличались позиции Польши, ВКЛ и

монархов. Если польская сторона выступала за инкорпорационную форму унии с ВКЛ, то литвинская склонялась к форме обычного военно-политического союза с сохранением государственной обособленности ВКЛ. Причём можно утверждать, что до 1562 г. польский проект унии был неприемлем ни для магнатов, ни для шляхты ВКЛ. Фактически с их точкой зрения совпадала и позиция монархов, которые до 1562 г. не допускали углубления унии, стремясь сохранить просто союз между ВКЛ и Польшей [49, с. 96–153].

Как показала практика, для сферы внешней политики ВКЛ большое значение имело литвинско-польское сотрудничество как в дипломатической сфере, так и, что было более важно, в военной. Эффективность этого сотрудничества особенно возрастала там, где совпадали государственные интересы ВКЛ и Польши. Ярчайшим примером такого военного сотрудничества ВКЛ и Польши стала их знаменитая победа в Грюнвальдской битве, произошедшей 15 июля 1410 г., которая подорвала могущество Тевтонского ордена и изменила соотношение сил в Восточноевропейском регионе. Подобных примеров можно приводить много. Однако в постоянных шагах польской стороны об унии с ВКЛ в форме инкорпорации существовала реальная опасность для сохранения государственной самостоятельности ВКЛ [21, с. 86–87].

Союзниками ВКЛ на западном направлении также были Чехия и Венгрия, связанные с ним династической унией с 1471 г. и 1492 г. соответственно [55, с. 247, 273–277, 289–290]. Однако рассчитывать на их реальную помощь было трудно по причине расстояния и почти полного отсутствия общности интересов на международной арене. В лучшем случае можно было надеяться на их дипломатическую поддержку. Но после пресечения местной линии династии Ягеллонов даже это стало проблематичным [21, с. 87].

Отношения с Мазовецким княжеством в рассматриваемый период содержали как примеры династических браков (например, брак сестры Ягайло Александры Ольгердовны и Земовита Мазовецкого и брак сестры Витовта Рингаллы Кейстутовны и Генриха Мазовецкого [55, с. 81–82, 94]), так и дипломатические контакты. Последние вплоть до включения Мазовии в состав Польши в 1526 г. развивались в основном вокруг проблем пограничных споров [40, стлб. 855–856, 1040–1041, 1058–1062] и не имели большого значения [21, с. 87].

В сферу деятельности внешней политики ВКЛ рассматриваемого периода входила и Швеция, контакты с которой активизировались в конце XV – начале XVI в. в связи с разработкой проекта литвинско-польско-шведской персональной унии, имевшей антимосковскую направленность [50, s. 567–569]. Однако смерть короля польского и великого князя литовского Александра в 1506 г. положила конец этим планам [25, л. 31–39].

В дальнейшем большую активность связи со Швецией приобрели только с началом Ливонской войны 1558–1583 гг. Несмотря на определённые противоречия интересов ВКЛ и Швеции в Ливонии, в 1562 г. был заключён брак сестры короля польского и великого князя литовского Сигизмунда II Августа Екатерины Ягеллонки и Юхана Вазы, на тот момент герцога Финляндского, брата шведского короля Эрика XIV [41, с. 139–140]. В целом контакты со Швецией в течение рассматриваемого периода следует признать эпизодическими и малоперспективными [21, с. 87].

Главными врагами, с которыми ВКЛ в конце XIV – середине XV в. приходилось вести напряжённую борьбу, были крестоносцы. Впервые они начали угрожать белорусским землям еще в начале XIII в., когда на подконтрольной Полоцкому княжеству территории ливов был основан г. Рига и духовно-рыцарский орден меченосцев. После разгрома в 1237 г. меченосцы присоединились к более мощному Ордену госпиталя Святейшей Девы Марии. Последний формировался в основном из немецких рыцарей, потому получил неофициальное название Тевтонский или Немецкий орден. Он возник в 1198 г. в Палестине, в 1227 г. братья Ордена по приглашению мазовецкого князя Конрада основали провинцию в Кульмской земле для борьбы против балтского племени пруссов. В 1309 г. резиденцией великого магистра ордена стал замок Мариенбург в Пруссии [5, с. 67–68].

Во второй половине XIV в. возросло давление Тевтонского ордена на земли ВКЛ. Борьба с ним стала одним из факторов, подтолкнувших великого князя литовского Ягайло к заключению в 1385 г. Кревского соглашения с Польшей. Ей Орден также предъявлял территориальные претензии.

Однако преемнику Ягайло на троне ВКЛ великому князю Витовту, который стремился восстановить независимость ВКЛ, разорвав унию с Польшей, удалось подписать мирное соглашение с Орденом на острове Салин в 1398 г. и получить поддержку Тевтонского ордена в борьбе против татарских орд и в деле объединения под своим началом

«русских» земель (территорий, входивших ранее в состав Древнерусского государства, где проживало восточнославянское население в основном православного («русского») вероисповедания) [53, s. 50–55]. Одним из условий Салинского договора 1398 г. была уступка Ордену прав на Жемайтию в обмен на военную помощь со стороны рыцарей. Препятствием для реализации экспансионистских планов Витовта была гегемония татарской Золотой орды на землях южной и юго-восточной Руси. Изменить соотношение сил должна была битва на р. Ворскле 12 августа 1399 г., в которой Витовт поддерживал беглого ордынского хана Тохтамыша. Тевтонский орден также прислал свой отряд. Но битва на реке Ворскле закончилась неудачей коалиционных войск и подтолкнула Витовта к укреплению отношений в Польшей и подписанию с ней Виленско-Радомской унии 1401 г., что на тот период явилось необходимым и обязательным условием для удержания его власти в ВКЛ [13, с. 345].

Власти Ордена не без оснований восприняли данное соглашение как скрытый антинемецкий союз. Пиком обострения отношений Ордена с ВКЛ и Польшей стала «Великая война» 1409–1411 гг. Апогеем её стала знаменитая Грюнвальдская битва 15 июля 1410 г., в ходе которой объединенные польско-литовские войска нанесли сокрушительное поражение Тевтонскому ордену. По условиям Торуньского мира 1411 г. Орден отказывался от Жемайтии и ятвяжских земель в пользу ВКЛ на время жизни Ягайло и Витовта [48, s. 86–87].

Дальнейшие события показали, что Орден ещё был способен сопротивляться. Новый конфликт с крестоносцами вспыхнул уже в 1414 г., а в 1422 г. началась очередная война, завершившаяся 27 сентября 1422 г. подписанием Мельнского мира. Согласно его условиям, Орден окончательно уступил ВКЛ Жемайтию и Судавию [48, s. 157–164].

Мельнский договор 1422 г. положил начало нормализации взаимоотношений ВКЛ с Тевтонским орденом. После него ВКЛ на официальном уровне воздерживался от участия в войнах Польши против Тевтонского ордена. Так было в ходе Тринадцатилетней войны 1454–1466 гг., по результатам которой Орден потерял большую часть своей территории и признал вассальную зависимость от Польши [50, s. 442–457, 460–465], и во время войны 1519–1521 гг. [21, с. 89].

После секуляризации Тевтонского ордена в 1525 г. ВКЛ 21 июня 1529 г. заключило договор с Княжеством Пруссией, которое подтверждало условия Мельнского соглашения

1422 г. [29, л. 226–230 обр.]. В 1545 г. состоялась личная встреча короля польского и великого князя литовского Сигизмунда II Августа с прусским князем Альбрехтом Гогенцоллерном в Вильно, на которой были урегулированы пограничные, таможенные и торговые вопросы. В том же году были предприняты попытки по исправлению границы между ВКЛ и Пруссией [32, л. 25-43; 29, л. 243-244]. В последующий период литвинско-прусские отношения оставались добрососедскими [21, с. 89].

Отношения ВКЛ с ливонским филиалом Тевтонского ордена не всегда развивались по тем же правилам, что и с головной организацией. В частности, в конце XV в. дипломаты ВКЛ попытались втянуть в состав антимосковской коалиции, которую они создавали во время московско-литвинской войны 1492–1494 гг., и силы Ливонского ордена совместно с орденом Тевтонским [23, л. 156 обр. – 157 обр.]. Однако литвинско-ливонский союзный договор, имевший антимосковскую направленность, был подписан только в 1501 г. уже на фоне очередной московско-литвинской войны 1500–1503 гг. [23, л. 294–296 обр.]. Воспользоваться положительным эффектом от этого союза ВКЛ не смогло, поскольку занятый борьбой за польскую корону великий князь литовский Александр не оказал своевременной поддержки магистру Ливонского ордена Вальтеру фон Плеттенбергу в войне с Московским великим княжеством [16, с. 187–189]. А после подписания в 1503 г. московско-ливонского перемирия Ливония уже с осторожностью относилась к подобным предложениям ВКЛ.

В последующий период литвинско-ливонские отношения определялись условиями союзного договора 1501 г. Пограничные споры были урегулированы делиминационным актом 1529 г. [27, л. 203-206], а позднее – совместной комиссией в 1542 г. [30, л. 1–42]. В 1550-х гг. уровень присутствия ВКЛ во внутренних делах Ливонии значительно возрос, что привело к заключению Посвольского соглашения 1557 г. [29, л. 255–256 обр.], фиксировавшего новый оборонительный союз ВКЛ с Ливонией.

Укрепление влияния ВКЛ в Ливонии подтолкнуло Русское царство к войне против последней. Оказавшись в безвыходном положении, Ливония обратилась за поддержкой к ВКЛ. По условиям соглашения, подписанного 31 августа 1559 г. в Вильно между королём польским и великим князем литовским Сигизмундом II Августом, с одной стороны, Орденом в Ливонии, Рижским архиепископом и ливонскими сословиями, с другой стороны [29, л.

274–276 обр.], монарх брал Ливонию под свою опеку и обязался защищать её. В ливонские замки на левобережье Двины были введены войска ВКЛ. Тем самым была создана буферная зона на северо-восточной границе ВКЛ, которое до 1562 г. фактически вело войну с Россией на территории Ливонии [21, с. 88].

Ухудшение ситуации в Ливонии в связи с вступлением в Ливонскую войну Дании и Швеции, а также последующими захватами, которые осуществляло Русское царство, подтолкнуло руководство Ливонии к более тесным отношениям с ВКЛ. 28 ноября 1561 г. на сейме в Вильно Ливонский орден вошел в подчинение лично к Сигизмунду II Августу. Также были согласованы условия, в соответствии с которыми секуляризовался и распускался Орден и регулировались отношения с последним магистром Готхардом Кетлером, который стал ленным герцогом Курляндии и Семигалии. Также была издана грамота, которая сохраняла все прежние права и привилегии Ливонии. Современными белорусскими исследователями данные договорённости рассматриваются как персональная уния незахваченных земель Ливонии с ВКЛ [10, с. 47–48, 53].

Исповедание частью населения ВКЛ католицизма предопределило существование связей с Папской областью, политическим центром которой являлась Римская курия во главе с папой римским. Прямые отношения ВКЛ с Римской курией в основном носили эпизодический характер и несколько активизировались в 30-х гг. и в конце XV в. в связи с попытками осуществления в ВКЛ церковной унии между православной и католической церквями, которые не имели успеха [14, с. 94; 54, с. 167–169]. Также папские дипломаты несколько раз выступали посредниками в московско-литвинских конфликтах [37, с. 342–344, 712, 718–719]. Однако чаще всего контакты с Римской курией поддерживались при посредничестве польских дипломатов.

В рассматриваемый период можно было наблюдать и единичные контакты с Францией, которая пыталась воспрепятствовать расширению влияния в Европе Священной Римской империи германской нации и руководящей там династии Габсбургов. Правящая в ВКЛ и Польше династия Ягеллонов также вела борьбу с Габсбургами за контроль Венгрии и Чехии, потому рассматривалась французскими Валуа в качестве потенциального союзника. Итогом взаимодействия были контакты, которые от имени ВКЛ осуществляли польские дипломаты. Так, в 1500 г. в Буде был заключен польско-венгерско-французский

политический союз, который в течение года должен был быть распространен и на ВКЛ [50, s. 550]. Однако данный союз оказался нереализованным. Аналогичной оказалась и судьба соглашения, подписанного в 1524 г. между королём польским и великим князем литовским Сигизмундом Старым и французским королём Франциском I. Оба эти договора имели антигабсбургскую направленность, одной из причин их неэффективности были хорошо налаженные контрмеры имперских дипломатов [21, с. 91].

К числу политических противников ВКЛ на западном направлении его внешней политики можно отнести Священную Римскую империю германской нации. Империя, которая стремилась ослабить влияние Ягеллонов в государствах Центральной и Восточной Европы, являлась естественным противником блока государств, на тронах которых сидели члены династии Ягеллонов. Шаги, предпринимаемые Империей для ослабления Ягеллонских государств, были самыми разнообразными, начиная от поддержки агрессивной политики Тевтонского ордена и попыток разорвать польско-литвинскую унию через реализацию проекта королевской коронации великого князя Витовта [50, s. 345–347] или поддержки антипольски настроенного великого князя Свидригайло [13, с. 349–350], заканчивая подписанием в 1514 г. союза с Московским великим княжеством, направленного в первую очередь против ВКЛ [33, с. 153]. Однако уже в 1515 г. на Прессбургско-Венском конгрессе спорные вопросы между пятью государствами и двумя династиями были урегулированы [56, s. 130–136; 50, с. 624–630].

После 1515 г. начался период нормализации отношений ВКЛ и Империи. В 1517 и 1526 гг. имперские послы выступили посредниками в московско-литвинском конфликте [37, с. 500–547, 710–731]. Были налажены и династические контакты: первой и третьей жёнами короля польского и великого князя литовского Сигизмунда II Августа были дочери императора Фердинанда I Габсбурга Елизавета (1543 г.) и Екатерина (1553 г.). Однако с началом Ливонской войны отношения начали ухудшаться. Если ливонско-литвинский договор 1559 г. ещё признавал верховенство императора над Ливонией (она стала леном Империи в 1526 г. [10, с. 37]), то договор 1561 г. отдавал верховную власть Сигизмунду II Августу. Тем самым перед руководством ВКЛ появилась задача нейтрализации шагов Габсбургов по поддержке сюзеренных прав, и, по возможности, использования их в своих интересах [21, с. 92].

На протяжении первой части рассматриваемого периода происходила постепенная переориентация внешней политики ВКЛ с западного на восточное направление, которое с конца XV в. стало наиболее приоритетным [21, с. 4]. Здесь произошли большие изменения, повлекшие новую геополитическую ситуацию в Восточноевропейском регионе. Если в начале рассматриваемого периода ВКЛ поддерживало здесь контакты с суверенными Псковской и Новгородской землями, Тверским, Смоленским, Рязанским, Московским великими княжествами и конгломератом так называемых верховских княжеств (Одоевское, Новосильское, Воротынское, Корочевское, Переяславское и др.), где правили представители черниговской ветви династии Рюриковичей [45], то к концу XV в. главным и единственным самостоятельным субъектом здесь осталось Московское великое княжество, границы которого вплотную подошли к границам ВКЛ [21, с. 68].

К концу правления великого князя литовского Витовта ВКЛ превратилось в несомненного лидера в Восточноевропейском регионе и проводило активную политику по собиранию «русских земель». В 1404 г. было полностью включено в состав ВКЛ Смоленское великое княжество. К середине 1520-х гг. власть Витовта признали «верховские княжества» и Рязанское великое княжество, его влияние усилилось в Пскове, Великом Новгороде, Твери и даже в Москве, особенно после смерти зятя Витовта великого князя московского Василия I в 1425 г. [13, с. 347]. ВКЛ максимально расширило свои границы, приобретя значительный международный авторитет.

Однако преемники Витовта на троне ВКЛ Свидригайло Ольгердович и Сигизмунд Кейстутович, втянутые в династический конфликт и борьбу за престол ВКЛ не смогли продолжать экспансионистскую политику на восточном направлении, а король польский и великий князь литовский Казимир вообще отказался от наступательной общерусской программы, поставив на первое место свою династическую политику в Чехии и Венгрии. Данными обстоятельствами не преминул воспользоваться основной соперник ВКЛ в борьбе за «русские земли» Московское великое княжество. С геополитической точки зрения к концу XV в. военно-политическая инициатива в регионе перешла от ВКЛ, которое уже не имело необходимого потенциала для удержания своей огромной территории, к Московскому великому княжеству [21, с. 68].

Противостояние двух самых крупных государств Восточной Европы неминуемо вело к открытым военным действиям. Причем великий князь московский Иван III подготовился к их началу значительно лучше, создав антигеллонскую коалицию, в которую наряду с Московским государством вошли ещё Крымское ханство и Молдавское Княжество [12, с. 68–69; 18, с. 122; 35, с. 166; 3, с. 254]. Сам факт создания данной коалиции, на наш взгляд, можно рассматривать как частный случай действия системы политического равновесия, которая начала налаживаться в общеевропейском масштабе и делала невозможным существование государства-гегемона в определенном регионе [21, с. 68].

Кроме того, с конца XV в. московский великий князь Иван III провозгласил себя защитником интересов православного населения ВКЛ, вмешавшись тем самым во внутренние дела западного соседа. Действительно, православие не было в ВКЛ господствующим, а только терпимым вероисповеданием, но терпимость эта была достаточно широкой и открытого насилия над православными в ВКЛ в данный период не было [20, с. 62–64; 22, с.4]. Потому заявления московского монарха об угнетении православных в ВКЛ следует признать надуманными, призванными оправдать его внешнеполитические шаги.

Уже в 1486 г. между Московским великим княжеством и ВКЛ начались пограничные конфликты, а в 1492–1494 гг. разгорелась первая московско-литвинская война, приведшая ВКЛ к первым территориальным потерям. В результате её к Московскому великому княжеству отошли Вяземское княжество и земли в верховьях Оки. Также ВКЛ отказалось от претензий на Псков, Великий Новгород, Тверь и Рязань [23, л. 209–211 обр.]. Мирный договор 1494 г. был закреплён браком великого князя литовского Александра с дочерью великого князя московского Ивана III Еленой.

В 1500 г. началась очередная московско-литвинская война, которая продолжалась до 1503 г., когда было заключено 6-летнее перемирие и определены новые границы между государствами. К Москве отошла примерно третья часть территории ВКЛ с 19 крупными городами, включая Гомель, Брянск, Чернигов, Новгород-Северский, Стародуб и др. [23, л. 272 обр. – 275; 37, с. 412–439]. Новые обстоятельства резко изменили соотношение сил в регионе в пользу Москвы.

Третья московско-литвинская война 1507–1508 гг. закончилась «вечным миром» 8 октября 1508 г., который закреплял территориальные потери ВКЛ на период 1503 г., но ВКЛ возвратило Любеч и пять смоленских волостей [17, с. 70–73].

В 1512 г. Московское великое княжество, нарушив «вечный мир», начало четвёртую войну против ВКЛ, которая продолжалась до 1522 г. Война окончательно изменила соотношение сил в регионе, поскольку в ходе ее ВКЛ 31 июля 1514 г. потеряла Смоленск. Поражение значительных московских военных сил от войска ВКЛ под Оршей 8 сентября 1514 г. не помогло вернуть Смоленск [6, с. 125–126; 11, с. 234–235; 15, с. 168–169; 39, с. 212; 44, с. 104–105]. Война закончилась в 1522 г. подписанием пятилетнего перемирия, закрепившего Смоленск за Московским великим княжеством [25, л. 871–879; 31, л. 211–217; 2, с. 148–151]. Из-за территориальных споров мир так и не был подписан, потому перемирие продлевалось в 1526 и 1532 гг. на 6 лет и один год соответственно [31, л. 321; 7, с. 155].

В 1534 г. уже по инициативе ВКЛ, которое стремилось использовать смерть московского великого князя Василия III и вернуть себе земли, утраченные в ходе войн 1492–1522 гг., началась очередная война с Московским великим княжеством. Закончилась она в 1537 г. подписанием пятилетнего перемирия [26, л. 189–194], которое продлевалось в 1542, 1549, 1553 и 1556 гг. (до 1562 г.) [38, с. 189–194, 303–307, 407–415, 511–516]. В результате ВКЛ вернуло Гомель на юго-востоке, но потеряло Себеж и Заволочье на севере.

В 1559 г., встав на защиту Ливонской конфедерации, ВКЛ оказалось втянутым в новую войну с Русским царством (как стало себя именовать себя Московское великое княжество с 1547 г.). Во время официального перемирия (до 1562 г.) боевые действия велись только на территории Ливонии. Переброс их на земли ВКЛ в 1562 г. положил начало многолетнему противостоянию, неудачи в котором стали одной из причин подписания ВКЛ реальной унии с Польшей [21, с. 74–75].

На южном направлении своей внешней политики ВКЛ контактировало с татарскими Ордами и Молдавским Княжеством.

Великий князь литовский Витовт понимал, что господство Золотой Орды над землями южной и юго-восточной Руси является препятствием для осуществления его планов по объединению под своим началом всех «русских» земель. Потому он решил воспользоваться ситуацией. В 1395 г. золотоордынский хан Тохтамыш был свергнут своим покровителем

среднеазиатским ханом Тимуром. Стремясь вернуть позиции в Орде, Тохтамыш хотел воспользоваться военной помощью ВКЛ и его союзников. Витовт осознавал, что победа над Золотой Ордой способна усилить позиции ВКЛ в регионе. Возвращение к власти Тохтамыша могло обернуться союзом между Ордой и ВКЛ. Подрыв татарского военного потенциала позволил бы ВКЛ более удобно выстраивать отношения с восточнославянскими княжествами, в том числе Московским, которое и после Куликовской битвы 1380 г. оставалось данником Орды. Однако при этом Витовт явно недооценивал потенциал противника Тохтамыша эмира Едигея и стоявшего за ним Тимура, который был заинтересован в ситуации междоусобной борьбы в Орде. В итоге планам Витовта не суждено было осуществиться, поскольку в битве на реке Ворскле 12 августа 1399 г. объединенное войско ВКЛ и его союзников было разгромлено войсками Золотой Орды под командованием хана Тимур-Кутлуга и эмира Едигея [13, с. 344].

Великий князь литовский Витовт продолжал играть на противоречиях в Орде, где с его мнением были вынуждены считаться. В конечном счете, действия Витовта поспособствовали распаду Золотой Орды [13, с. 348], который активизировался с 1420-х гг. В это время от Золотой Орды откололось Сибирское ханство, а в 1428 г. образовалось Узбекское ханство. В 1438 г. возникло Казанское ханство, в 1441 г. – Крымское ханство, 1440-х гг. Ногайская Орда, 1459 г. – Астраханское ханство, 1465 г – Казахское ханство [8, с. 400–417]. Остаток Золотой Орды стал именоваться Великой (Большой) Ордой, которая считалась главной среди остальных новообразованных ханств. Таким образом, число контрагентов ВКЛ на южном и юго-восточном направлении увеличилось, так как отношения здесь приходилось поддерживать уже с Великой Ордой и Крымским ханством, а также – эпизодически – с Ногайской Ордой [21, с. 75].

Первый хан Великой Орды Сайид-Ахмед (Сеид-Ахмед), внук (по другим данным – сын) Тохтамыша, был рождён в ВКЛ и в перипетиях борьбы 1430-х гг. поддерживал в ВКЛ именно те силы, которые выступали против польского влияния. Так, в середине 1430-х гг. он поддержал Свидригайло, в конце 1430-х гг. пытался сотрудничать с Сигизмундом Кейстутовичем, у которого ухудшились отношения с Польшей, в 1440-е гг. находился в тесном контакте с Михаилом Сигизмундовичем, ведя борьбу против великого князя литовского Казимира. Так продолжалось до зимы 1455–1456 гг., когда поддержанный

Казимиром крымский хан Хаджи-Гирей разбил Сайид-Ахмеда. Последний был захвачен в плен и отвезен в Ковно, где вскоре умер [8, с. 424].

При преемниках Сайид-Ахмета ханах Махмуде и Ахмете, которые были сыновьями последнего хана Золотой Орды Кичи-Мухаммеда, ВКЛ поддерживало с Великой Ордой конструктивные отношения. В это время можно было наблюдать спорадические набеги на южные земли ВКЛ, но прямой угрозы государству они не представляли [13, с. 351]. А с конца 1460-х гг., когда наметилась промосковская политика бывшего союзника ВКЛ и главного противника Великой Орды в Причерноморье – Крымского ханства, дипломаты ВКЛ приступили в организации союза ВКЛ с Великой Ордой, который носил в первую очередь антимосковский характер. Так, в источниках сохранилась информация о литвинско-ордынских переговорах в 1469–1471 гг., их вёл хан Ахмат (он к тому времени уже сверг хана Махмуда, который бежал в Астрахань), они касались вопросов создания антимосковской коалиции [9, с. 162].

Усилению политического влияния хана Ахмата способствовало возведение Османской империей, вассалом которой стало Крымское ханство в 1475 г. [3, с. 112], на крымский трон сына Ахмата – Джанибека [9, с. 152]. Последний правил в Бахчисарае недолго (1476–1478 гг.), но именно в это время наблюдалось кратковременное сближение Московского великого княжества с Великой Ордой и ослабление контактов последней с ВКЛ.

После возвращения на крымский трон основного противника Ахмата – хана Менгли-Гирея на рубеже 1478–1479 гг., король польский и великий князь литовский Казимир быстро восстановил отношения с ханом Ахматом, а также попытался воспользоваться выступлением против московского великого князя Ивана III его братьев Бориса и Андрея. Знаменитый поход хана Ахмата на реку Угру в 1480 г. с целью добиться подчинения Ивана III был осуществлён при активной поддержке Казимира и братьев Ивана III [3, с. 124]. Однако отказ польской стороны от участия в походе и набег крымских татар на Подолию помешали Казимиру выступить в поддержку Ахмата на Угре. Итог битвы, точнее стояния на Угре был обратным, и Русь окончательно освободилась от зависимости от татарских ханов. В результате рост авторитета Московского великого княжества привлек в ряды его союзников Молдавское Княжество и Крымское ханство.

Стояние на Угре привело к разрыву отношений хана Ахмата с королём польским и великим князем литовским Казимиром. После смерти Ахмата его улус переживал острую усобицу. Однако с середины 1480-х гг., когда во главе Великой Орды стал его сын Муртаза, её активность вновь стала возрастать. Уже в 1482 г. с ханом Муртазой и его соправителем Сайид-Ахмадом велись переговоры о восстановлении союза, направленного против Москвы и Крыма. В результате его установления Ахматовичи в 1484 г. совершили свой поход в Крым [3, с. 195].

Новый великий князь литовский Александр также прилагал усилия по поддержанию союзных отношений с Великой Ордой. Там в 1494 г. произошёл очередной переворот, и новый хан Шейх-Ахмед также был заинтересован в поддержке ВКЛ [35, с. 211]. В 1495–1496 гг., на рубеже 1496–1497 гг. и на рубеже 1498–1499 гг. состоялись обмены посольствами, в результате чего накануне очередной московско-литвинской войны был подтвержден литвинско-ордынский союз [16, с. 97, 98–99, 118–119; 23, л. 213 обр. – 214 обр.].

Выполняя союзнические обязательства, Шейх-Ахмед в ходе войны Московского великого княжества с ВКЛ в 1501 г. захватил города Новгород-Северский, Рыльск и Стародуб [16, с. 170]. Однако занятый борьбой за польскую корону великий князь литовский Александр не прислал помощи ордынцам, и Шейх-Ахмед был вынужден отойти в степь. А уже в конце мая 1502 г. ослабшая после зимовки Великая Орда была разбита отрядами крымского хана Менгли-Гирея [35, с. 417–422; 16, с. 180–181]. В 1504 г. Шейх-Ахмед безуспешно пытался объединить остатки своей Орды, но вскоре был арестован властями ВКЛ [35, с. 490, 516]. До 1527 г. хан Шейх-Ахмед жил в ВКЛ на положении полу пленного-полусоюзника, являясь козырем дипломатии ВКЛ в делах с Крымским ханством [21, с. 76]. В 1527 г. хан был отпущен и до смерти в 1528 г. занимал престол Астраханского ханства.

С личностью хана Шейх-Ахмеда были связаны и контакты ВКЛ с Ногайской (в 1500 [23, л. 236 обр. – 237], 1505 [24, л. 71–73], 1523 [25, л. 911–914, 915–919], 1527 [25, л. 1183–1187], 1529 гг. [25, л. 1010–1011]) и Астраханской (в 1529 г. [25, л. 1012]) Ордами. Однако они имели спорадический характер и не сыграли большой роли во внешнеполитической практике ВКЛ [21, с. 77].

Отношения с Крымским ханством в рассматриваемый период эволюционировали от союзнических и добрососедских до враждебных, а затем неустойчивых. Следует отметить, что само создание Крымской (Перекопской) Орды первоначально стало возможным только благодаря поддержке великого князя литовского Витовта, который дал убежище в ВКЛ первому крымскому хану Таш-Тимуру с семьёй, которые были вынуждены скрываться во время нашествия на Тимура (Тамерлана). С началом распада Золотой Орды в 1420-х гг. в Крыму утвердился выросший в ВКЛ сын Таш-Тимура Девлет-Берди. После его гибели в 1427 г., Витовт в 1428 г. поддержал племянника Девлет-Берди Хаджи-Гирея в борьбе за крымский юрт.

Однако, как показали события, путь к власти в Крыму у основателя династии Гиреев был весьма тернист. В борьбе с последними золотоордынскими ханами Хаджи-Гирей несколько раз был вынужден искать приют в ВКЛ, используя силы живущих там татар в борьбе за власть в Крыму. С конца 1430-х гг. он жил в городе Лида и признавал себя вассалом великого князя литовского Сигизмунда Кейстутовича. Окончательно же утвердиться в Крыму Хаджи-Гирею помог уже великий князь Казимир в 1440-х гг., поддержав его в борьбе с ханом Великой Орды Сайид-Ахмедом [43, с. 160; 9, с. 123].

Атаки Великой Орды на Крым и ВКЛ делали союз между ними ещё прочнее. После разгрома и захвата в плен Сайид-Ахмеда зимой 1455–1456 гг. хозяином Крыма и Северного Причерноморья прочно стал Хаджи-Гирей, который до самой своей смерти в 1466 г. поддерживал союзные отношения с ВКЛ [43, с. 160]. Выражением данных союзных отношений стало предоставление Хаджи-Гиреем в 1461 г. Казимиру «ярлыка» на владение «русскими» землями, включая Великий Новгород [3, с. 102]. Совершенно очевидно, что этим актом Хаджи-Гирей не только демонстрировал свою дружбу с Казимиром, но и противопоставлял свою политику как Московскому великому княжеству, так и Великой Орде, которая претендовала на верховную власть над всеми русскими землями.

Но постепенно менявшееся соотношение сил в Восточной Европе влияло на политику Крыма. Хаджи-Гирей всё больше осознавал обостряющийся антагонизм, который скрывался за формой вассальных отношений между Великой Ордой и Московским великим княжеством, а также то, что он может быть полезен Крыму. В итоге, когда Орда начала поход против Москвы в 1465 г., войско Хаджи-Гирея разбило ордынцев на Дону [9, с. 162].

Потому можно говорить, что уже Хаджи-Гирей наметил новую, промосковскую политику Крыма, которую проводил его сын Менгли-Гирей в 70-90-е гг. XV в. Это не осталось незамеченным в ВКЛ и направило его к сближению с Великой Ордой.

Последние обстоятельства стали одним из факторов, подтолкнувших нового хана Менгли-Гирея, который сверг своего брата Нур-Девлета, к изменению политики Крыма. Однако до начала 1470-х гг. Менгли-Гирей еще сохранял видимость дружеских отношений с ВКЛ (первый набег состоялся в 1473 г.), хотя и начал уже устанавливать контакты с правительством московского великого князя Ивана III. В середине 1470-х гг. заключению московско-крымского союза помешали события, в ходе которых в 1475 г. Крым стал вассалом Османской империи, а Менгли-Гирей был свергнут и новым крымским ханом стал его брат Айдар [3, с. 112]. Впрочем, уже 1476 г. османы отстранили его от власти, поставив во главе Крымского ханства сына хана Великой Орды Джанибека [9, с. 152]. Однако усиление Великой Орды и Джанибека было невыгодно Турции, потому на рубеже 1478 – 1479 гг. Менгли-Гирей вновь взошел на трон в Крыму при условии полной вассальной зависимости от Османской империи.

В это время Москва ускорила сближение с Крымом. В 1480 г. был заключён московско-крымский союз, имевший антилитовскую направленность и положивший начало регулярным набегам крымских татар на южные земли ВКЛ [44, с. 94]. В осуществлении данного союза был заинтересован и сюзерен Крымского ханства Османская империя, которая с середины 1470-х гг. заявила о своих претензиях на Подолию, земли которой входили в состав ВКЛ и Польши. Не способствовала налаживанию добрососедских отношений и поддержка королём польским и великим князем литовским Казимиром братьев крымского хана Нур-Девлета и Айдара, которые на момент заключения московско-крымского антилитовской коалиции нашли временный приют в ВКЛ [3, с. 116]. Недальновидная политика союза ВКЛ со слабеющей Великой Ордой не давала положительных дивидендов.

Пик активизации нападений крымских татар пришелся на конец XV – первые годы XVI в. уже после начала военных действий Московского великого княжества против ВКЛ. Новому великому князю литовскому Александру приходилось вести борьбу в условиях одновременных ударов со стороны Московского государства и Крымского ханства, что в

значительной мере способствовало успешным захватам территории ВКЛ войсками московского великого князя Ивана III. Поскольку оборона южной границы еще не была налажена, крымские татары действовали почти безнаказанно вплоть до битвы под Клецком 5 августа 1506 г., которая закончилась победой ополчения ВКЛ над превосходящими силами крымских татар [43, с. 172–173; 44, с. 101].

Данное событие, а также гибкая политика короля польского и великого князя литовского Александра, направленная на умиротворение крымского хана, привели к подписанию в 1507 г. уже новым королем польским и великим князем литовским Сигизмундом Старым союзнического договора между ВКЛ и Крымским ханством, имевшего антимосковскую направленность [17, с. 84–85].

Таким образом, власти ВКЛ активно использовали дипломатические методы для стабилизации отношений с Крымским ханством. Не останавливались они и перед прямым подкупом, поскольку одним из условий союзного договора 1507 г. и всех последующих была выплата «поминок» («упоминок»), которые выплачивались как в денежном, так и в товарном эквиваленте. Также в изменившейся геополитической ситуации крымский хан не был заинтересован в значительном усилении Москвы, что угрожало нарушением баланса сил в регионе.

Союзное соглашение 1507 г. не остановило наезды татар на земли ВКЛ, хотя уменьшило их интенсивность. Очередное значительное поражение крымских татар под Вишневецом 28 апреля 1512 г. привело к заключению нового крымско-литвинского союзного договора (ценой 15 тысяч золотых «упоминок»), который создал временный покой на южных землях ВКЛ и направил силы татар на набеги на московские земли [15, с. 168; 25, л. 467–473, 490–495]. В дальнейшем они стали одним из предлогов великого князя московского Василия III для разрыва «вечного» мира и начала в 1512 г. новой войны против ВКЛ [21, с. 79].

После смерти Менгли-Гирея в 1515 г. дипломатии ВКЛ удалось привлечь на свою сторону нового хана Мухаммед-Гирея, который возобновил союз с ВКЛ в 1516 г. [25, л. 621–629], однако расчёт поставить крымского царевича во главе Казанского ханства склонил Мухаммед-Гирея к союзу с Москвой в 1518 г. [36, с. 503–504, 549]. Когда же великий князь московский Василий III возвел на трон в Казани своего ставленника хана

Шейх-Алея, крымских хан Мухаммед-Гирей предложил королю польскому и великому князю литовскому Сигизмунду Старому возобновить старый союз. В результате в 1521 г. между ВКЛ и Крымским ханством был заключён «вечный» мир [25, л. 779–785]. В том же году Казань захватил брат хана царевич Сахиб-Гирей и в июле 1521 г. состоялся крымско-казанский поход на земли Московского великого княжества, в котором принимали участие и отряды из ВКЛ [21, с. 80].

После убийства в 1523 г. хана Мухаммед-Гирея и короткого правления его сына Газы-Гирея к власти в Крыму в 1524 г. пришел османский ставленник Сеадет-Гирей, который занял враждебную к ВКЛ и Польше позицию. В ответ дипломаты ВКЛ инспирировали внутренний конфликт в Крыму, используя политические амбиции претендента на крымский трон Ислам-Гирея, племянника Сеадет-Гирея. Победителем в усобице, завершившейся только в 1533 г., вышел Ислам-Гирей [21, с. 80]. Но вскоре у него появился новый соперник – Сахиб-Гирей, с которым в 1534 г. ВКЛ и подписало союзное соглашение на условиях выплаты обоим ханам «упоминок» в значительно меньшем размере [26, л. 211, 225 обр., 209–218]. После убийства Ислам-Гирея в 1537 г. Сахиб-Гирей в 1540 г. добился заключения с ВКЛ нового «докончания» на условиях крымско-литвинского договора 1512 г. [28, л. 29 обр. -31].

В 1551 г. в результате переворота в Крыму к власти пришел племянник Сахиб-Гирея – Девлет-Гирей, который сразу же заключил с королём польским и великим князем литовским Сигизмундом II Августом союзный договор на условиях выплаты 15 тысяч золотых «упоминок» [32, л. 93 обр.-106]. В 1560 г. договор был подтверждён [32, л. 228 обр.]. Так, вступая в очередную войну с Русским царством, ВКЛ обеспечивало себе относительную безопасность южного фланга и союзника в будущей борьбе [21, с. 81].

В течение всего рассматриваемого периода (за исключением единичных инцидентов, например, на рубеже 1393–1394 гг., в 1495 г.) между ВКЛ и Молдавским Княжеством сохранялись мирные отношения.

Своеобразной точкой отсчёта, повлиявшей на характер литвинско-молдавских отношений, можно считать 26 сентября 1387 г., когда молдавский господарь Петр I Мушат принес вассальную присягу королю польскому и великому князю литовскому Владиславу II Ягайго, его жене полькой королеве Ядвиге и Короне Королевства Польского [47, s. 54; 50, s.

350]. С этого момента Молдавия стала яблоком раздора во взаимоотношениях Польши и Венгрии, сюзеренитет которой Молдавия признавала до 1387 г. В рассматриваемый период все последующие молдавские господа приносили вассальные присяги польским королям, которые временами также являлись и великими князьями литовскими. Наличие польско-молдавских вассальных отношений приводило к тому, что в периоды существования личной унии между ВКЛ и Польшей взаимоотношения с Молдавией от имени ВКЛ осуществляли польские дипломаты. Соответственно прямые литвинско-молдавские контакты активизировались в основном в периоды нахождения на тронах ВКЛ и Польши разных правителей. Такая ситуация возникала во время правления великих князей Витовта [1392–1430 гг.], Свидригайло [1430–1432 гг.], Сигизмунда Кейстутовича [1432–1440 гг.], Казимира [1440–1492, король Польши с 1447 г.], Александра [1492–1506 гг., король Польши с 1501 г.].

Однако во времена Витовта, власть которого в ВКЛ была весьма сильной, источники зафиксировали только единичные сведения о прямых взаимодействиях между ВКЛ и Молдавским Княжеством. Так, преемник господара Петра I, женатого на родственнице Ягайло [1, с. 22; 47, s. 51, 52; 52, s. 59–60], молдавский господарь Роман I на рубеже 1393–1394 гг. в ходе проводимой великим князем литовским Витовтом политики централизации поддержал своего вероятного родственника князя Федора Кориатовича, которого Витовт пытался лишить традиционного удела на Подолии, и даже участвовал на стороне Федора в битве под Брацлавом [47, s. 57]. Отстранённый от власти Романом I сын Петра I Ивашко постоянно жил в ВКЛ [18, с. 11; 47, s. 56, 57, 67]. 13 июля 1397 г. между Ягайло, Витовтом и Сигизмундом Люксембургским был заключён договор, по условиям которого за пожизненную уступку польскому королю прав на Галицкую Русь последний обязан был оказать венгерской короне помощь в возвращении Молдавии под её верховенство, а также отказаться от Подолии. Такую уступчивость польско-литовской стороны можно объяснить заинтересованностью в нормализации отношений с Венгрией в условиях борьбы с крестоносцами, а также тем, что в будущем первая не предпринимала попыток реализации данного договора в пункте относительно Молдавии и Подолии [47, s. 62, 63]. На натянутость отношений Сигизмунда с молдавским господарем Стефаном I, который был связан вассальным договором как с Польшей, так и с Венгрией, указывал пункт

соглашения, которым венгерский король обязывал Ядвигу, Ягайло и Витовта оказать ему помощь против господаря Стефана I. Последний также оказывал поддержку Федору Кориатовича и давал убежище в Молдавии его сторонникам [47, s. 62]. Женой Стефана I была неизвестная родственница Ягайло [47, s. 58, 63]. С другой стороны, Стефан I поддержал Витовта в его походе против татар и участвовал в знаменитой битве на Ворскле 12 августа 1399 г., вскоре после которой умер [47, s. 64]. Предположительно в конце 1399–начале 1400 г. литовский князь Витовт направил посла к новому молдавскому господарю Юге Безногому и получил от него положительный ответ и обещание сотрудничества в подробно неизвестном деле, которое могло касаться татар или черноморской торговли [47, s. 66]. Вероятно, сыном господаря Петра I был Роман, освобождённый из темницы у правившего тогда на Подолии (в то время – лена Короны) князя Свидригайло в 1400 г. Поручителем в этом деле выступил его брат Ивашко, который начал борьбу за трон в Молдавии с дипломатических переговоров. В первую очередь искал поддержки Владислава II Ягайло и Витовта, издав в данной связи специальный документ, в котором обязался, в случае возвращения отцовского трона, к верности и послушности им обоим [18, с. 11–12; 47, s. 57–58, 67]. Однако соперник Ивашко Александр I Добрый оказался лучшим дипломатом и получил трон в Молдавии. В 1410 г. молдавский господарь Александр I Добрый прислал свой отряд в поддержку польско-литовского войска для участия в Грюнвальдской битве [47, s. 69]. В 1414 г. молдавские войска участвовали в войне, которую вели Польша и Литва с Тевтонским орденом [47, s. 77]. В начале 1419 г. был заключён брак Александра I Доброго с сестрой Витовта Рингаллой, который продлился только год и по неизвестным причинам завершился разводом, официальной причиной которого была третья степень родства мужа и жены [47, s. 51]. В утешение литовская княжна была хорошо обеспечена господарем [18, с. 25–27]. В 1420 г., когда Молдавия впервые столкнулась с османской опасностью, а турки захватили Килию и атаковали Белгород, помощь Польши и ВКЛ позволила вернуть эти порты господарю Александру I [47, s. 77]. В 1422 г. молдавские отряды в очередной раз приняли участие в войне ВКЛ и Польши с Тевтонским Орденом [47, s. 78]. В 1425 г. эпизод с разводом с Рингаллой был сглажен браком старшего сына господаря Александра Ильи с Марией Гольшанской, сестрой королевы Софьи, четвёртой жены Ягайло. В целом

исследователи констатируют, что в правление Витовта, политика Польши и Литвы в отношении Молдавии «не демонстрировала значительных разногласий».

Всё изменилось после смерти Витовта. В разгоревшемся в 1430-х гг. династическом конфликте в ВКЛ молдавский господарь поддержал антипольски настроенного князя Свидригайло [47, s. 83]. После смерти Александра I Доброго (1 января 1432 г.) власть в Молдавии принял его сын Илья, который в начале своего правления продолжал политику своего отца. Ещё весной 1432 г. он присягнул вместе с братом Стефаном в вечном союзе со Свидригайло [47, s. 87]. В осуществлённом в ноябре 1432 г. неудачном походе Свидригайло на ВКЛ также участвовали молдавские войска [47, s. 88]. В 1433 г. Илья I отступил от союза со Свидригайло. В этом же году в Молдавии вспыхнул династический конфликт между Ильей и его сводным братом Стефаном [47, s. 89]. В ходе конфликта оба Мушатовича поочередно получали поддержку Польши, которая остановила свой выбор на Илье. При новом короле Владиславе III в 1435 г. Илья вновь стал молдавским господарем и заключил союз с великим князем литовским Сигизмундом Кейстутовичем [16, с. 249; 50, s. 397], а с 1436 г. разделил власть в Молдавии со Стефаном II [18, с. 44]. В это время Стефан II политически сблизился со Свидригайло, который потерпел поражение в династическом конфликте в ВКЛ и на некоторое время нашел приют у своего приятеля Стефана в Восточной Молдавии [47, s. 96, 97; 50, s. 408].

В 1442 г. Илья и Стефан по отдельности заключили союз с новым великим князем литовским Казимиром. По условиям союза, как Илья, так и Стефан исключили из круга вероятных врагов польского и венгерского короля, а также крымского хана, однако допускали возможность направленности союза с ВКЛ против брата, и даже напротив, такую возможность предусматривали, обязывая великого князя литовского к оказанию помощи против всех, кто покусится на жизнь господаря. В этом случае удивляют извивы литовской политики, которая почти одновременно принимала союзнические обязательства относительно двух явных врагов [16, с. 255-256, 256-257; 47, s. 99-101]. В том же году Стефан смог лишить власти Илью, который бежал в Польшу. Борьба продолжалась до 1444 г., когда Илья попал в плен, был ослеплён и отправлен в изгнание в Польшу, где и умер в 1448 г. [47, s. 101–102].

В разгоревшемся с 1446 г. очередном династическом конфликте в Молдавии великий князь литовский Казимир, который в 1447 г. стал и королём Польши, поддерживал своих двоюродных братьев по матери, детей Ильи, сначала Романа II, затем Александра II (Алексэндрела) [47, s. 104, 106–107, 109–117]. Молдавия в опять раз стала ареной хронической борьбы очередных претендентов, периодически поддерживаемых Венгрией. В 1448 г. ленную присягу Польше принес новый воевода Петр II, однако он вскоре был убит новым претендентом провенгерским Богданом II. Его не удалось изгнать даже военной силой и включить Молдавию прямо в Корону по причине поражения королевских войск (1450 г.). После 1452 г. Молдавия была разделена между двумя претендентами: Петром III Аронем и Александром II, которые обещали принести присяги верности польскому королю [51, s. XLIII; 50, s. 440–441]. Победителем в усобице, которая закончилась в 1455 г., вышел Петр III Арон, которого поддержала Венгрия. В том же году он начал выплачивать дань османскому султану Магомету II, а в 1456 г. также признал себя вассалом Польши. Однако уже в 1457 г. в результате очередной усобицы к власти в Молдавии пришёл племянник Петра III Арона Стефан III, прозванный Великим, действительно, один из наиболее выдающихся правителей, стремящийся к усилению статуса Молдавии и союзу с Валахией. Первоначально он признал ленное верховенство Польши (1459 г.) и принёс присягу Казимиру (1462 г.), вытесняя венгерское влияние, однако явно стремился к обретению самостоятельности [51, s. XLIX; 50, s. 436, 459].

В 1492 г. после смерти Казимира была разорвана персональная уния ВКЛ с Польшей, и Молдавское Княжество опять вошло в число дипломатических контрагентов ВКЛ [19, с. 12; 21, с. 82]. Инициатива налаживания союзнических отношений на равноправных основах исходила от молдавского господаря Стефана III. Он искал поддержку в сложной политике лавирования между Польшей, Венгрией и Турцией, которые стремились установить над Молдавией свой сюзеренитет [34, с. 97, 123–124; 42, с. 40; 50, s. 534]. Пикантности ситуации добавляло то обстоятельство, что Молдавское Княжество на тот момент уже было союзником основного внешнеполитического противника ВКЛ – Московского великого княжества. Потому великий князь литовский Александр был заинтересован в том, чтобы оттянуть Молдавское Княжество от участия в антигеллонской коалиции [19, с. 12–13; 21, с. 82]. Однако после обмена посольствами в 1492–1493 и 1496 гг. [16, с. 62, 66, 67, 80, 96, 116,

117; 19, с. 12-13; 21, с. 82-83], литвинско-молдавское соглашение было подписано только в 1499 г. [16, с. 137–138, 140–141, 141–143; 19, с. 14; 21, с. 83], что совпало по времени с ухудшением московско-молдавских отношений.

То, что Молдавия оказалась ненадежным союзником, показали уже события войны Московского великого княжества против ВКЛ 1500–1503 гг., в ходе которой она не оказала военной помощи ВКЛ, несмотря на просьбу великого князя Александра [16, с. 166]. Попытки молдавских дипломатов выступить посредниками в урегулировании конфликта с московским великим князем Иваном III [16, с. 166–168] и крымским ханом Менгли-Гиреем [35, с. 356] успеха не имели [19, с. 14; 21, с. 83].

В дальнейшем, согласно договору 1499 г., подтвержденному в 1518 г., ВКЛ сохраняло мир с Молдавией, несмотря на то, что Польша, персональная уния ВКЛ с которой была возобновлена в 1501 г., вела с ней войны [19, с. 15–16; 21, с. 84]. Так было в ходе польско-молдавских войн 1509–1510 гг. [25, л. 213.215] и 1530–1538 гг. [26, л. 237–241 обр.; 27, л. 165–169].

В целом в XVI в. литвинско-молдавские контакты значительно ослабли, что было связано с падением международного престижа Молдавии, которая всё больше попадала в зависимость от Османской империи. В 1540-е гг. они стали вообще единичными и касались в основном мелких пограничных конфликтов [32, л. 24–24 обр.]. В 1551 и 1554 гг. вновь были подтверждены старые мирные договоры ВКЛ с Молдавским Княжеством [32, л. 151–154 обр.].

Таким образом, внешняя политика ВКЛ в конце XIV – середине XVI в. была активной на всех основных направлениях, достигнув пика в конце 1430-х гг. Однако ее успешность начала снижаться с конца XV в. Причины этого можно видеть как в ослаблении военно-политического потенциала ВКЛ и усилении его противника Московского великого княжества, так и в противоречиях в лагере Ягеллонов и непоследовательности проведения дипломатических акций ВКЛ. Также в это время стала налаживаться общеевропейская система политического равновесия, которая делала невозможным существование государства (или блока государств) – гегемона в определенном регионе. Частный случай действия данной системы можно видеть в создании в конце XV – начале XVI в. антиягеллонской коалиции, основная сила ударов которой в силу геополитического

положения пришлась именно на ВКЛ. Произошедшие изменения не были адекватно оценены руководством ВКЛ, что привело к территориальным потерям и утрате лидирующего положения государства в Восточноевропейском регионе.

Список использованных источников

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею : В 5 т. – СПб. : Тип. II. отделения собств. Е. И. В. канцелярии, 1846. – Т. 1 : 1340-1506. – 375 с., [39] с.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею : В 5 т. – СПб. : Тип. II отделения собств. Е. И. В. канцелярии, 1848. – Т. 2 : 1506-1544. – III, 405, [39] с.
3. Базилевич, К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV века / К. В. Базилевич. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 1952. – 542 с.
4. Банёнис, Э. Д. Посольская служба Великого Княжества Литовского (середина XV в. – 1569 г.) : автореф. дис ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Э. Д. Банёнис ; Ин-т истории АН Литвы. – Вильнюс, 1982. – 21 с.
5. Беларусь : страницы истории / НАН Беларуси, Ин-т истории ; А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2011. – 408 с.
6. Волынская краткая летопись /АНСССР, Ин-т ист.// Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1980. – Т. 35 : Летописи белорусско-литовские. – С. 121–127.
7. Выписка из посольских книг о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487-1572гг. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV – XVII вв. – Москва-Варшава : Археографический центр, 1997. – Т. 2. – 330 с.
8. Греков, Б. Д. Золотая Орда и ее падение/ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. – М. : Изд-во АН СССР, 1950. – 479 с.
9. Греков, И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV – XVI вв./ И. Б. Греков. – М. : Изд-во Восточной литературы, 1963. – 374 с.
10. Дзярновіч, А. «... in nostra Livonia». Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносінаў паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Лівоніяй у канцы XV – першай

палове XVI ст. : Сістэматызацыя і актавы аналіз / А. Дзярновіч. – Мінск : АТНЕНЕUM, 2003. – Т. 1. – 374 с.

11. Евреиновская летопись / АН СССР, Ин-т ист. // Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1980. – Т. 35 : Летописи белорусско-литовские. – С. 233-238.

12. Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. : Документы и материалы в 3-х томах. – М. : Наука, 1965. – Т.1 : 1408–1632. – 364 с.

13. История белорусской государственности. В 5 т. – Минск: Беларуская навука, 2018-2020. – Т. 1 : Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / А. А. Коваленя [и др.] ; отв. ред. тома : О. Н. Левко, В. Ф. Голубев ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – 2018. – 598 с.

14. Кром, М. М. Меж Русью и Литвой : западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. / М. М. Кром. – М. : Археографический центр, 1995. – 304 с.

15. Летопись Рачинского / АН СССР, Ин-т ист. // Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1980, – Т. 35 : Летописи белорусско-литовские. – С. 164-172.

16. Литовская метрика = Lietuvos metrika / Ин-т истории Литвы. – Вильнюс : Mokslo ir enciklopediju leidykla, 1993. – Кн. 5 : Книга записей (1427 – 1506) / [Подгот. Э. Банионис]. – 402 с., 4 л. факс.

17. Литовская метрика = Lietuvos metrica / Ин-т истории Литвы. -Вильнюс: Mokslo ir encikloediju leidykla, 1995. – Кн. 8: Книга записей (1499-1514) / [Подгот. А. Балюлис и др.]. – 708 с.

18. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV-XV вв., собранные В. А.Уляницким. – М. : Универс. тип-я, 1887. – VII; 244 с.

19. Мікалаева, Л. В. Адносіны ВКЛ з Малдаўскім княствам у канцы XV – сярэдзіне XVI ст. / Л.В. Мікалаева // Беларускі гістарычны часопіс. – 2009. – №5. – С. 11 – 17.

20. Мікалаева, Л. В. Адносіны праваслаўнай царквы і праваслаўнага насельніцтва Вялікага Княства Літоўскага да пытання ўніі з каталіцкай царквой у канцы XV – пачатку XVI стст. / Л. В. Мікалаева // Религия и общество – 6 : сб. науч. статей / под общ. ред.

В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2011. – С. 62 – 64.

21. Мікалаева, Л. В. Арганізацыя знешняй палітыкі Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XV – сярэдзіне XVI ст. : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Л. В. Мікалаева ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2003. – 108 с.

22. Мікалаева, Л. В. Роля рэлігійнага фактару ў ажыццяўленні знешняй палітыкі Вялікага княства Літоўскага ў канцы XV – пачатку XVI ст. / Л. В. Мікалаева // Веснік БДУ. Серыя 3. – 2008. – №1. – С. 3 – 6.

23. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – КМФ-18. – Оп. 1. – Д. 5.

24. НИАБ. – КМФ-18. – Оп. 1. – Д. 6.

25. НИАБ. – КМФ-18. – Оп. 1. – Д. 7.

26. НИАБ. – КМФ-18. – Оп. 1. – Д. 15.

27. НИАБ. – КМФ-18. – Оп. 1. – Д. 223.

28. НИАБ. – КМФ-18. – Оп. 1. – Д. 524.

29. НИАБ. – КМФ-18. – Оп. 1. – Д. 525.

30. НИАБ. – КМФ-18. – Оп. 1. – Д. 559.

31. НИАБ. – КМФ-18. – Оп. 1. – Д. 588.

32. НИАБ. – КМФ-18. – Оп. 1. – Д. 591.

33. Описание архива Посольского приказа 1626 года / Подгот. к печ. В. И. Гальцов, под ред. С. О. Шмидта. – М. : ЦГАДА, 1977. – Ч. 1. – 416 с.

34. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV – XVIII вв. – М. : Наука, 1984. – 301 с.

35. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турцией. – Т. 1 : 1474-1505. Эпоха монголо-татарского ига / Под ред. Г. Ф. Карпова // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. – СПб.: Тип-я Ф. Елеонского, 1884. – Т. 41. – XXII, 558 с.

36. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турцией. – Т. 2 : 1508-1521 / Под ред. Г. Ф. Карпова // Сборник

Императорского Русского Исторического Общества. – СПб. : Тип-я С. П. Яковлева, 1895. – Т. 95. – I, XIX, 706 с., 108 стлб.

37. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. – Т. 1: 1487-1533 / Под ред. Г. Ф. Карпова // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. – СПб.: Тип-я Ф. Елеонского, 1882. – Т. 35. – VI, 869, XII с.

38. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. – Т. 2 : 1533-1560 / Под ред. Г. Ф. Карпова // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. – СПб. : Тип-я Ф. Елеонского, 1887. – Т. 59. – XV, 629, 95, VI с.

39. Румянцевская летопись /АНСССР, Ин-т истории // Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1980. – Т. 35 : Летописи белорусско-литовские. – С. 211-213.

40. Русская историческая библиотека, издаваемая императорскою Археографическою комиссиею : В 39 т. – СПб. : Сенатская тип., 1903. – Т. 20 : Литовская метрика. – Т. 1 / Ред. П. А. Гильтебрандт. – 1903. – VII, 50 с., 1566 стлб., 240 стлб., 304 с.

41. Рюссов, Б. Ливонская хроника / Б. Рюссов // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. – Рига : Тип. А. И. Липинского, 1879. – Т. 2. – С. 157-404.

42. Семенова, Л. Е. Из истории молдавско-польско-турецких отношений конца XV в. / Л. Е. Семенова // Россия, Польша и Причерноморье в XV – XVIII вв. / Под ред. Б. А. Рыбакова. – М. : Наука, 1979. – С. 40-52.

43. Хроника Быховца / АН СССР, Ин-т ист. // Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1975. – Т. 32 : Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. – С. 156 – 173.

44. Хроника Литовская и Жмойтская /АН СССР, Ин-т истории // Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1975. – Т. 32 : Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. – С. 85-109.

45. Цемушаў В. М. На ўсходняй мяжы Вялікага княства Літоўскага (сярэдзіна XIV – першая палова XVI ст.) / В. М. Цемушаў. – Смаленск : Інбелкульт, 2014. – 464 с., [32] с. іл.

46. Akta unji Polski z Litwą. 1385 – 1791 / wyd. S. Kutrzeba i W. Semkowicz. – Kraków : Skład główny w księgarni Gebethnera i Wolffa, 1932. – 633 s.

47. Czamańska, I. Mołdawia i Wołoszczyzna wobec Polski, Węgier i Turcji w XIV i XV wieku / I. Czamańska. – Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 1996. – 369 s. [tab., maps].
48. Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preussen im 15. Jahrhundert. Bd. 1-3. Ed. E. Wiese. – Königsberg : Gräfe und Unzer; Marburg : N. G. Elwert, 1939-1970. – Bd. 1 (1398 – 1437). – 1939. – VIII, 216 s.
49. Halecki, O. Dzieje Unii Jagiellonskiej : T. 1-2 / O. Halecki. – Kraków : Akademia Umiejętności, 1919-1920. – T. 2. – 1920. – 385 s.
50. Historia dyplomacji Polskiej (połowa X – XX w.) : W 5 t. / Polski Instytut Spraw Międzynarodowych ; pod red. G. Łabudy. – Warszawa : PWN, 1982. – T. 1: połowa X w. – 1572 / M. Biskup, K. Gorski, Z. Kaczmarczyk, G. Łabuda, Z. N. Nowak, K. Zelewski. Pod red. M. Biskupa. – 875 s.
51. Jabłonowski, A. Sprawy wołoskie za Jagiellonów : akta i listy / A. Jabłonowski // Źródła dziejowe w 24 t. – Warszawa : Gebethner i Wolff, 1876 – 1915. – T. 10. – 1878. – 4 p. 1., III CLXIV, 163 s.
52. Kuczyński, S. M. Król Jagiełło ok. 1351-1434/ S.M. Kuczyński. – Warszawa : Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1985. – 177 s.
53. Monumenta mediae aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. – T. 6 : Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae, 1376 – 1430 / collectus opera Antonii Prochaska. – Kraków, 1891. – CXVI, 1113 s.
54. Pietkiewicz, K. Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellonczyka. Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku / K. Pietkiewicz. – Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 1995. – 256 s.
55. Strykowski, M. Kronika Polska, Litewska, Zmudzka i Wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego. Wydanie nowe, będące dokładnym powtórzeniem wydania pierwotnego królewieckiego z roku 1582, poprzedzone Wiadomością o życiu i pismach Strykowskiego przez Mikołaja Malinowskiego, oraz Rozprawą o latopiscach Ruskich przez Daniłowicza, pomnożone przedrukiem dzieł pomniejszych Strykowskiego według pierwotnych wydań / M. Strykowski. – Warszawa: Nakład Gustawa Leona Glucksberga, Księgarza, 1846. – T. II. – 572 s.
56. Wapowski, B. Kroniki Bernarda Wapowskiego z Radochoniec kantora katedr. krakowskiego. Cześć ostatnia czasy podługoszowskie obejmująca (1480-1535) / B. Wapowski //

Scriptores rerum Poloniarum. – Kraków : druk. univ. Jagiel., 1874. – T. II : Continet : Chronikorum Bernardi Vapovii partem posteriorem 1480-1535. – S. 1–256.

References

1. Akty, odnosyashchiesya k istorii Zapadnoi Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu : V 5 t. – SPb. : Tip. II. otdeleniya sobstv. E. I. V. kantselyarii, 1846. – T. 1 : 1340-1506. – 375 s., [39] c.
2. Akty, odnosyashchiesya k istorii Zapadnoi Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu : V 5 t. – SPb. : Tip. II otdeleniya sobstv. E. I. V. kantselyarii, 1848. – T. 2 : 1506-1544. – III, 405, [39] s.
3. Bazilevich, K. V. Vneshnyaya politika Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva: Vtoraya polovina XV veka / K. V. Bazilevich. – M. : Izd-vo Moskov. un-ta, 1952. – 542 s.
4. Banenis, E. D. Posol'skaya sluzhba Velikogo Knyazhestva Litovskogo (seredina XV v. – 1569 g.) : avtoref. dis ... kand. ist. nauk : 07.00.02 / E. D. Banenis ; In-t istorii AN Litvy. – Vil'nyus, 1982. – 21 s.
5. Belarus' : stranitsy istorii / NAN Belarusi, In-t istorii ; A. A. Kovalenya [i dr.]. – Minsk : Belaruskaya navuka, 2011. – 408 s.
6. Volynskaya kratkaya letopis] /ANSSSR, In-t ist.// Polnoe sobranie russkikh letopisei. – M. : Nauka, 1980. – T. 35 : Letopisi belorussko-litovskie. – S. 121–127.
7. Vypiska iz posol'skikh knig o snosheniyakh Rossiiskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim za 1487-1572gg. // Pamyatniki istorii Vostochnoi Evropy. Istochniki KhV – KhVII vv. – Moskva-Varshava : Arkheograficheskii tsentr, 1997. – T. 2. – 330 s.
8. Grekov, B. D. Zolotaya Orda i ee padenie/ B. D. Grekov, A. Yu. Yakubovckii. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1950. – 479 s.
9. Grekov, I. B. Ocherki po istorii mezhdunarodnykh otnoshenii Vostochnoi Evropy XIV – XVI vv./ I. B. Grekov. – M. : Izd-vo Vostochnoi literatury, 1963. – 374 s.
10. Dzjarnovich, A. «... in nostra Livonia». Dakumental'nyja krynicy pa gistoryi palitychnyh adnosinaw pamizh Vjalikim Knjastvam Litovskim i Livonijaj u kancy XV – pershaj palove XVI st. : Sistjematyzacyja i aktavy analiz / A. Dzjarnovich. – Minsk : ATHENEUM, 2003. – T. 1. – 374 s.

11. Evreinovskaya letopis' / AN SSSR, In-t ist. // Polnoe sobranie russkikh letopisei. – M. : Nauka, 1980. – T. 35 : Letopisi belorussko-litovskie. – S. 233-238.
12. Istoricheskie svyazi narodov SSSR i Rumynii v KhV – nachale KhVIII v. : Dokumenty i materialy v 3-kh tomakh. – M. : Nauka, 1965. - T.1 : 1408–1632. – 364 s.
13. Istorija belorusskoi gosudarstvennosti. V 5 t. – Minsk: Belaruskaya navuka, 2018-2020. – T. 1 : Belorusskaya gosudarstvennost': ot istokov do kontsa XVIII v. / A. A. Kovalenya [i dr.] ; otv. red. toma : O. N. Levko, V. F. Golubev ; Nats. akad. nauk Belarusi, In-t istorii. – 2018. – 598 s.
14. Krom, M. M. Mezh Rus'yu i Litvoi : zapadnorusskie zemli v sisteme russko-litovskikh otnoshenii kontsa XV – pervoi treti XVI v. / M. M. Krom. – M. : Arkheograficheskii tsentr, 1995. – 304 s.
15. Letopis' Rachinskogo / AN SSSR, In-t ist. // Polnoe sobranie russkikh letopisei. – M.: Nauka, 1980, – T. 35 : Letopisi belorussko-litovskie. – S. 164-172.
16. Litovskaya metrika = Lietuvos metrika / In-t istorii Litvy. – Vil'nyus : Mokslo ir ehciklopediju leidykla, 1993. – Kn. 5 : Kniga zapisei (1427 – 1506) / [Podgot. E. Banionis]. – 402 s., 4 l. faks.
17. Litovskaya metrika = Lietuvos metrika / In-t istorii Litvy. –Vil'nyus: Mokslo ir ehcikloediju leidykla, 1995. – Kn. 8: Kniga zapisei (1499-1514) / [Podgot. A. Balyulis i dr.]. – 708 s.
18. Materialy dlya istorii vzaimnykh otnoshenii Rossii, Pol'shi, Moldavii, Valakhii i Turtsii v KhIV-KhVIvv., sobrannye V. A.Ulyanitskim. – M. : Univers. tip-ya, 1887. – VII; 244 s.
19. Mikalaeva, L. V. Adnosiny VKL z Maldawskim knjastvam u kancy XV – sjarjedzine XVI st. / L.V. Mikalaeva // Belaruskii gistorychny chasopis. – 2009. – №5. – S. 11 – 17.
20. Mikalaeva, L. V. Adnosiny pravaslawnaj carkvy i pravaslawnaga naseł'nictva Vjalikaga Knjastva Litovskaga da pytan'nja wnii z katalickaj carkvoj u kancy XV – pachatku XVI stst. / L. V. Mikalaeva // Religija i obščestvo – 6 : sb. nauch. statej / pod obšč. red. V. V. Starostenko, O. V. Djachenko. – Mogylev : UO «MGU im. A. A. Kuleshova», 2011. – S. 62 – 64.

21. Mikalaeva, L. V. Arganizacyja znesnjaj palityki Vjalikaga Knjastva Litowskaga w kancy XV – sjarjedzine XVI st. : dys. ... kand. gist. navuk : 07.00.02 / L. V. Mikalaeva ; Belarus. dzjarzh. un-t. – Minsk, 2003. – 108 s.
22. Mikalaeva, L. V. Rolja rjeligijnaga faktaru w azhyccjawlenni znesnjaj palityki Vjalikaga knjastva Litowskaga w kancy XV – pachatku XVI st. / L. V. Mikalaeva // Vesnik BDU. Seryja 3. – 2008. – №1. – S. 3 – 6.
23. Natsional'nyi istoricheskii arkhiv Belarusi (dalee – NIAB). – KMF-18. – Op. 1. – D. 5.
24. NIAB. – KMF-18. – Op. 1. – D. 6.
25. NIAB. – KMF-18. – Op. 1. – D. 7.
26. NIAB. – KMF-18. – Op. 1. – D. 15.
27. NIAB. – KMF-18. – Op. 1. – D. 223.
28. NIAB. – KMF-18. – Op. 1. – D. 524.
29. NIAB. – KMF-18. – Op. 1. – D. 525.
30. NIAB. – KMF-18. – Op. 1. – D. 559.
31. NIAB. – KMF-18. – Op. 1. – D. 588.
32. NIAB. – KMF-18. – Op. 1. – D. 591.
33. Opis' arkhiva Posol'skogo prikaza 1626 goda / Podgot. k pech. V. I. Gal'tsov, pod red. S. O. Shmidta. – M. : TsGADA, 1977. – Ch. 1. – 416 s.
34. Osmanskaya imperiya i strany Tsentral'noi, Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Evropy v XV – XVIII vv. – M. : Nauka, 1984. – 301 s.
35. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Krymskoyu i Nogaiskoyu ordami i Turtsiei. – T. 1 : 1474-1505. Epokha mongolo-tatarskogo iga / Pod red. G. F. Karpova // Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva. – SPb.: Tip-ya F. Eleonskogo, 1884. – T. 41. – KhKhII, 558 s.
36. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Krymskoyu i Nogaiskoyu ordami i Turtsiei. – T. 2 : 1508-1521 / Pod red. G. F. Karpova // Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva. – SPb. : Tip-ya S. P. Yakovleva, 1895. – T. 95. – I, KhIKh, 706 s., 108 stlb.
37. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim. – T. 1: 1487-1533 / Pod red. G. F. Karpova // Sbornik Imperatorskogo

Russkogo Istoricheskogo Obshchestva. – SPb.: Tip-ya F. Eleonskogo, 1882. – T. 35. – VI, 869, XII s.

38. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim. – T. 2 : 1533-1560 / Pod red. G. F. Karpova // Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva. – SPb. : Tip-ya F. Eleonskogo, 1887. – T. 59. – XV, 629, 95, VI s.

39. Rummyantsevskaya letopis' /ANSSSR, In-t istorii // Polnoe sobranie russkikh letopisei. – M. : Nauka, 1980. – T. 35 : Letopisi belorussko-litovskie. – S. 211-213.

40. Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya imperatorskoyu Arkheograficheskoyu komissieyu : V 39 t. – SPb. : Senatskaya tip., 1903. – T. 20 : Litovskaya metrika. – T. 1 / Red. P. A. Gil'tebrandt. – 1903. – VII, 50 c., 1566 stlb., 240 stlb., 304 s.

41. Ryussov, B. Livonskaya khronika / B. Ryussov // Sbornik materialov i statei po istorii Pribaltiiskogo kraja. – Riga : Tip. A. I. Lipinskogo, 1879. – T. 2. – S. 157–404.

42. Semenova, L. E. Iz istorii moldavsko-pol'sko-turetskikh otnoshenii kontsa XV v. / L. E. Semenova // Rossiya, Pol'sha i Prichernomor'e v XV – XVIII vv. / Pod red. B. A. Rybakova. – M. : Nauka, 1979. – S. 40-52.

43. Khronika Bykhovtsa / AN SSSR, In-t ist. // Polnoe sobranie russkikh letopisei. – M. : Nauka, 1975. – T. 32 : Khroniki: Litovskaya i Zhmoitskaya, i Bykhovtsa. Letopisi: Barkulabovskaya, Averki i Pantsyrnogo. – S. 156 – 173.

44. Khronika Litovskaya i Zhmoitskaya /AN SSSR, In-t istorii // Polnoe sobranie russkikh letopisei. – M. : Nauka, 1975. – T. 32 : Khroniki: Litovskaya i Zhmoitskaya, i Bykhovtsa. Letopisi: Barkulabovskaya, Averki i Pantsyrnogo. – S. 85–109.

45. Cemushaw V. M. Na wshodnjaj mjazhy Vjalikaga knjastva Litovskaga (sjarjedzina XIV – pershaja palova XVI st.) / V. M. Cemushaw. – Smalensk : Inbelku't, 2014. – 464 s.

46. Akta unji Polski z Litwą. 1385 – 1791 / wyd. S. Kutrzeba i W. Semkowicz. – Kraków : Skład główny w księgarni Gebethnera i Wolffa, 1932. – 633 s.

47. Czamańska, I. Mołdawia i Wołoszczyzna wobec Polski, Węgier i Turcji w XIV i XV wieku / I. Czamańska. – Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 1996. – 369 s. [tab., maps].

48. Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preussen im 15. Jahrhundert. Bd. 1-3. Ed. E. Wiese. – Königsberg : Gräfe und Unzer; Marburg : N. G. Elwert, 1939-1970. – Bd. 1 (1398 – 1437). – 1939. – VIII, 216 s.
49. Halecki, O. Dzieje Unii Jagiellońskiej : T. 1-2 / O. Halecki. – Kraków : Akademia Umiejętności, 1919-1920. – T. 2. – 1920. – 385 s.
50. Historia dyplomacji Polskiej (połowa X – XX w.) : W 5 t. / Polski Instytut Spraw Międzynarodowych ; pod red. G. Łabudy. – Warszawa : PWN, 1982. – T. 1: połowa X w. – 1572 / M. Biskup, K. Gorski, Z. Kaczmarczyk, G. Łabuda, Z. N. Nowak, K. Zelewski. Pod red. M. Biskupa. – 875 s.
51. Jabłonowski, A. Sprawy wołoskie za Jagiellonów : akta i listy / A. Jabłonowski // Źródła dziejowe w 24 t. – Warszawa : Gebethner i Wolff, 1876 – 1915. – T. 10. – 1878. – 4 p. l., III CLXIV, 163 s.
52. Kuczyński, S. M. Król Jagiełło ok. 1351-1434/ S.M. Kuczyński. – Warszawa : Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1985. – 177 s.
53. Monumenta mediae aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. – T. 6 : Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae, 1376 – 1430 / collectus opera Antonii Prochaska. – Kraków, 1891. – CXVI, 1113 s.
54. Pietkiewicz, K. Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellonczyka. Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku / K. Pietkiewicz. – Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 1995. – 256 s.
55. Strykowski, M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i Wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego. Wydanie nowe, będące dokładnem powtorzeniem wydania pierwotnego krolewieckiego z roku 1582, poprzedzone Wiadomością o życiu i pismach Strykowskiego przez Mikołaja Malinowskiego, oraz Rozprawą o latopiscach Ruskich przez Daniłowicza, pomnożone przedrukiem dzieł pomniejszych Strykowskiego według pierwotnych wydań / M. Strykowski. – Warszawa: Nakład Gustawa Leona Glucksberga, Księgarza, 1846. – T. II. – 572 s.
56. Wapowski, B. Kroniki Bernarda Wapowskiego z Radochonic kantora katedr. krakowskiego. Cześć ostatnia czasy podługoszowskie obejmująca (1480-1535) / B. Wapowski // Scriptorum rerum Poloniarum. – Kraków : druk. uniw. Jagiel., 1874. – T. II : Continet : Chronikorum Bernardi Vapovii partem posteriorem 1480-1535. – S. 1–256.

КУЛЬТУРА

УДК 394.21

Maria Busygina,
lector,
Saint Petersburg State Institute of Culture
(Russia)

NAVRUZ HOLIDAY IN MODERN AZERBAIJAN CULTURE

Each ethnic group has its main national holiday, in which the festive culture of the people is most brightly and fully realized. In Azerbaijan, the most significant holiday is Novruz. For more than two thousand years it has been celebrated on the Day of the spring equinox and up to this day it retains the main meanings and attributes, despite the strong influence of various ideologies and religions. The article deals with the genesis of the holiday, its regional features, values and place in the culture of modern Azerbaijan.

Keywords: Navruz; culture; values; Zoroastrianism; fire cult; Ancient Iran; Turks; festive rites and rituals; victory over evil; Azerbaijan today.

现代阿塞拜疆文化中的诺鲁孜节

每个民族都有其主要的全国性节日。在这些节日中，人们的节日文化得到了最鲜明和最充分的体现。在阿塞拜疆，最重要的节日是诺鲁孜节。两千多年来，它一直在春分这一天庆祝。直到今天，尽管受到各种意识形态和宗教的强烈影响，它仍保留着主要的含义和属性。文章论述了该节日的起源、其地域特征，以及其在现代阿塞拜疆文化中的价值和地位。

关键词: 诺鲁孜节；文化；价值；索罗亚斯德教；火崇拜；古代伊朗；土耳其人；节日仪式；战胜邪恶；当代阿塞拜疆

Мария Басыгина
Санкт-Петербургский государственный
институт культуры
(Россия)

НАВРУЗ В КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО АЗЕРБАЙДЖАНА

Каждый этнос имеет свой главный национальный праздник, в котором наиболее ярко и полно реализована праздничная культура народа. В Азербайджане самым значимым

праздником является Навруз, который также отмечается во многих тюрко- и ираноязычных культурах. Это универсальный праздник, в котором сочетается как астрономическое явление, так и оживление природы, что с давних времён служило отправной точкой нового годовичного цикла. На протяжении более двух тысяч лет он отмечается в День весеннего равноденствия (20-21 марта), и до сегодняшнего дня в нём сохранены главные смыслы и атрибуты несмотря на сильное влияние различных идеологий и религий. В статье рассмотрены генезис праздника, его региональные особенности, ценностные смыслы и место в культуре современного Азербайджана.

Ключевые слова: Навруз; культура; ценностные смыслы; зороастризм; культ огня; Древний Иран; тюрки; праздничные обряды и ритуалы; победа добра над злом; Азербайджан сегодня.

С древнейших времён праздник в истории человечества был сакральным временем отдыха от труда и быта, возможностью выйти за рамки строгих правил, присущих распорядку обыденной трудовой жизни. Праздник выполнял функцию «эмоциональной разрядки» и поддержания единства рода, структурирования бытия человека, «разрывая время на определённые отрезки». Именно в это, свободное от трудовых тягот, время проявлялось творческое начало народа, появлялась возможность для самовыражения. Через праздничные обряды, танцы и песни, костюмы и маски, украшения жилищ и улиц, специальную ритуальную пищу и продукты происходило «как бы приобщение к глубинным, значимым основам бытия человека. Таким образом, праздник был не просто действием бытового порядка, а он скорее носил характер мировоззренчески ориентирующего действия» [1, с. 37-38].

Один из самых древних и широко распространённых праздников в мире – Навруз – ежегодно отмечается в День весеннего равноденствия (21-22 марта) многочисленными тюркскими и иранскими народами. Обновление природы с приходом весны мистически почиталось человечеством не только потому, что заканчивалась зима, становилось больше света и тепла, но и наступало время земледельческих работ – упорной борьбы за урожай, что являлось главным условием выживания человечества. В большинстве культур главное божество отождествлялось с Солнцем, от которого зависело фактически всё.

История возникновения Навруза отсылает к середине I тыс. до н. э. Первые письменные сведения о проведении праздника встречаются во времена Мидийской империи в священной книге «Авесте», написанной пророком Зороастром (Заратуштрой). Именно в его учении День весеннего равноденствия обрёл особый статус, став началом Нового года (первым днём месяца Фарвардин) – главным праздником зороастрийского календаря. Зороастр реформировал представления огнепоклонников-язычников, сведя пантеон богов к единому создателю всего сущего – Ахура Мазде, который олицетворял собой Свет и Добро, противопоставляя его другому началу мироздания – Ангро Манью, носителю тьмы и зла [2, с. 310]. В основу зороастризма была положена триада Благой мысли, Благого слова и Благого действия. Четыре главных элемента – земля, вода, воздух и огонь считались священными, среди них огонь приобрёл особую значимость, став символом Ахура Мазды, божественной справедливости [3].

Мидия была поглощена древнеиранской империей Ахеменидов (558-330 гг. до н. э.), которая простиралась от Эгейского моря на Западе до Инда на Востоке и от Кавказских гор на Севере до Нила на Юге [4, с. 52]. На обширной территории оставалось множество местных культов, а царская династия при поддержке мидийских жрецов-магов исповедовала новое учение и способствовала его распространению. Великий древнегреческий летописец Страбон так описывал церемонию проведения зороастрийского Нового года при царском дворе Дария I (522-486 гг. до н. э.) в летней резиденции Ахеменидов – Вавилоне: «В самые древние, давние времена и по сегодняшний день жители Междуречья собираются в этот день в Храме огня – это самый почитаемый праздник, когда торговцы закрывают свои лавки, ремесленники прекращают работу. Все веселятся, угощают друг друга теми напитками и кушаньями, которых коснулся огонь». На праздничном столе обязательно присутствовала ритуальная пища – так называемая лорка из семи блюд: миндаля, фисташек, грецкого ореха, хурмы, инжира, винограда и гранатов [5, с. 69].

Зороастризм распространился на территорию современного Азербайджана в VI–IV вв. до н. э., когда Каспиана (Апшеронский полуостров и юго-западное побережье Каспия) являлась частью Ахеменидской империи и выплачивала ей дань [6]. Эти земли особенно подходили для распространения нового учения, что было связано с уникальными геологическими особенностями – природным газом, выходящим на поверхность не только

земли, но и воды. Источники природного газа были разбросаны не только по всему Апшеронскому полуострову, но находились даже в горной местности на высоте 2000 метров (селение Хыналыг). Так как огонь являлся символом Ахура Мазды, ни один обряд не совершался без него. Как отмечает известный исследователь Древнего Ирана Мэри Бойс, со времен Ахеменидской империи, вероятней всего, существовало два типа священных огней: бытовой и храмовый. Поклонение и молитвы «соборным огням» считались особо важными, так как человек сражается на стороне Света, «не только материально – против тьмы и холода, но и духовно – против сил зла и невежества» [7, с. 81].

Таким образом, уже в эпоху Ахеменидов в зороастрийских обрядах праздника Навруза были воплощены сущностные для данного региона ценностные смыслы. Само явление равноденствия открыли не иранцы, а приход Нового года в День весеннего равноденствия отмечали ещё древние шумеры и вавилоняне, но именно зороастрийское учение одухотворило данную традицию. Впервые в истории человеческой культуры было обозначено противостояние Добра и Зла (Света и Тьмы) и способность человека бороться и способствовать окончательной победе Справедливости.

В 331 г. до н. э. Ахеменидская империя перестала существовать. Все её огромные владения вошли в состав империи Александра Македонского. Но после его смерти в 323 г. до н. э. империя распалась на множество царств. За последующее столетие с 323 по 227 гг. до н. э. территория древнего Ирана вновь стала восстанавливаться и крепнуть. Династия Сасанидов вернула былую мощь Древнего Ирана и создала империю (227 г. до н. э. – 651 г. н. э.), вернув почти все владения Ахеменидского царства.

Зороастризм во времена Сасанидской империи не только не потерял позиции, а окреп и был объявлен государственной религией [8, с. 292]. День равноденствия на официальном уровне был провозглашен началом Нового года и получил свое нынешнее название Навруз, что в переводе с персидского означает «Новый день».

Согласно Авесте, в течение десяти дней до Нового года души умерших (фравахары) гостят у своих родственников на земле, а с наступлением Навруза возвращаются обратно на небеса. Поэтому накануне Нового года необходимо было убрать и подготовить дом, приготовить яства, надеть красивую одежду, прочитать молитвы и зажечь на вершине дома огонь, чтобы погостившие души, увидев родственников в здравии и радости, могли найти

обратный путь. На рассвете разжигали новый праздничный огонь, наступало время празднования Нового года, что означало победу Справедливости и начало новой жизни [5, с. 71]. Известный переводчик Авесты И. С. Брагинский отмечал по этому поводу: «Совпадение праздника, посвящённого душам предков, с наступлением весны, т. е. воскрешением природы, правомерно трактуется как подтверждение существования (в домусульманское время) культа умирающей и воскрешающей природы, связанного с культом предков» [9, с. 71].

Большой интерес представляют празднования при сасанидском царском дворе, продолжавшиеся 21 день. Именно в тот период были заложены основы этики, эстетики проведения церемоний, торжественных ритуалов, в числе которых и ритуальное очищение дома и омовения, подарки близким, раздача сладостей и др. Царь издавал указ о помиловании заключённых [10, с. 29], этот обычай существует и сегодня в виде государственной амнистии. По краям царского серебряного стола были разложены лепешки из разных злаков: пшеницы, ячменя, проса, риса, кунжута, чечевицы, гороха, бобов и фасоли с надписями о богатстве, изобилии, счастье и процветании, а также семь белых чаш, семь белых дерхемов и новый динар [11, с. 52]. Сегодня в Азербайджане на праздничном столе можно проследить традицию царской церемонии. Царские монеты сегодня присутствуют в символическом виде – в виде золотого кольца в чашке или во рту у приготовленной рыбы. Обязательно должны быть сухофрукты и орехи, и чем богаче стол, тем больше богатства будет в семье. Традиция дарения денег детям сохранилась, в основном, в Иране.

В VII в. арабская цивилизация, созданная на основе ислама, продвигала свою идеологию на Север и Запад, вытесняя локальные верования, местные культы. Сасанидская империя была поглощена. Взаимодействие двух верований поначалу не складывалось. Ислам не допускал никакого взаимодействия с прежними верованиями и обычаями. Священный праздник иранских династий и империй Навруз преследовался. Несмотря на все запреты день прихода весны (21-22 марта) продолжали тайно отмечать. С течением времени во многом из-за поддержки иранской знати отношение к этому празднику менялось в положительную сторону: праздник можно было отмечать за определённое вознаграждение. Всего через сто лет традиция отмечать персидский Новый год стала общепринятой нормой. В XIV– XVIII вв. мусульманским духовенством был окончательно найден баланс между

исламом и древней традицией [12, с. 153], Навруз органично вписался в исламскую культуру наряду с такими сугубо исламскими праздниками, как Рамазан и Курбан.

К сожалению, положение Навруза в период царской России и Советского Союза недостаточно освещено и изучено. Большой интерес представляет собой статья журналиста Физули Сабири-глу, который прослеживает этапы развития и упадка праздника в советское время [13]. Как отмечает автор, до 20-х гг. XX в. азербайджанцы отмечали Навруз. В 20-е гг. новая власть Советов не признавала религиозные и национальные праздники, и Навруз был запрещён. Однако несмотря на запрет отмечать различные нереволюционные праздники Навруз справляли в каждом доме как национальный праздник, неотъемлемую часть духовного мира каждого азербайджанца. Ситуация изменилась в период «оттепели» после смерти Сталина, когда многие народные традиции были реабилитированы. Наконец, в 1967 г. в Баку прошли массовые гуляния в честь национального праздника Навруз байрама.

Сегодня праздник Навруз сочетает в себе множество обрядов, танцев и игр, относящихся к тюркской культуре.

Как отмечается в труде «Навруз и тюркская культура», у тюрков с древнейших времён День солнечного равноденствия также отмечался и считался началом нового цикла. Зима состояла из нескольких периодов: «беюк чилле» – 40 дней со дня зимнего солнцестояния, «кичик чилле» – 20 дней с начала февраля и «боз ай» (серый месяц) – последний месяц зимы, оканчивающийся Наврузом, наступлением весны [14, с. 47-48, 109-110]. Весна, приходящая после долгого периода холода, морозов и темноты, приносила тепло и радость, своего рода «освобождение» от зимних оков, и тюрки называли праздник весны *Yilbashi* (йылбашы, ильбашы) [10, с. 6]. В этот праздник провожали зиму и встречали весну. В азербайджанской культуре сохранились ритуалы проведения последних вторников года, а также такие мифические персонажи, как Хыдыр, Году, Кеса и Кечал. Они органично вошли в рамки празднования Навруза, украсив его народными представлениями, играми и развлекательными мероприятиями.

Хыдыр (или Хызыр) Ильяс – тюркский мифический образ, который также встречается у курдов, более известный как Хыдыр Наби. «Вечер Хыдыр Наби» проводился на исходе 10 дней «кичик чилле» (в Азербайджане этот образ в песнях присутствует как Хызыр Ильяс). Считается, что в это время предвестник весны, старец на белом коне путешествует по миру,

заглядывает в дома и испытывает людей на милосердие и помощь. Чтобы Хыдыр наби принес счастье и благополучие, в доме проводят тщательную уборку, а в специально отведённое место ставят блюдо с пшеничной мукой. По поверью, если дом посетил Хыдыр, то там останется отпечаток его ладони и благополучие на целый год [14, с. 101-104].

Ещё один мифический образ – Году-году (Году, или Доду), это бог Солнца, он встречается в песенках, зачастую исполняемых детьми. Дети с покрашенными красными щеками ходили по домам, собирая сладости, чтобы задобрить Году и ускорить его приход на землю [10, с. 16].

Сегодня наиболее популярны, особенно среди детей, персонажи Кос-Коса (старец с редкой бородой, олицетворяющий уходящую зиму) и Кечал (лысый персонаж, образ приходящей весны). Они вступают в шуточную борьбу, в которой в итоге победу одерживает Кечал [10, с. 111].

В последний зимний месяц (боз ай) четыре последние вторника уходящего года являются периодом подготовки к Наврузу и посвящены четверем главным элементам бытия: воде, огню, земле и воздуху. Данная традиция совпадает с концепцией четырёх священных элементов Заратуштры, в которой вода, земля, воздух и огонь являются базовыми и священными элементами мироздания, необходимыми для выживания [15, с. 110].

Для каждого из четырёх элементов в народе бытуют песни, игры, стихи и обряды. Первый вторник (Су Чершенбе ахшамы) посвящён воде. Считается, что в этот день обновляется вода во всём мире. Рано утром по традиции необходимо пойти на берег водоёма, совершить ритуальные омовения. Следующий вторник – огненный (Одлу Чершенбе ахшамы). В этот день принято прыгать через костёр, который должен разжечь ребёнка, в этом случае он считается чистым. В домах зажигались свечи, гуляния заканчивались на рассвете встречей Солнца. Третий вторник – Торпаг Чершенбе ахшамы (или кичик чершенбе), праздник земледельцев, который посвящён земле, символу начала жизни и плодородия. Сегодня в этот день принято сажать деревья и проращивать пшеницу. Последним вторником уходящего года является Йел Чершенбе ахшамы – праздник пробуждения ветра, или Ахыр чершенбе (последний вторник). Считается, что ветер так же необходим для богатого урожая, как и земля и солнце, в этот день завершается процесс пробуждения природы [14, с. 105-106].

Сегодня ритуалы, связанные с четырьмя элементами, проводятся в новых, городских условиях. Четыре стихии утратили свой сакральный смысл, очищение водой сводится к тщательной уборке дома, а праздник земли в городских условиях потерял свою актуальность в связи с отсутствием надобности выращивать продукты. Однако память о них всё ещё жива. Каждый последний вторник во дворах разжигаются костры, и все знают, в какой последовательности идут вторники. В каждом доме проходят приготовления к Наврузу, кто-то пророщивает пшеницу, кто-то покупает готовую в магазине, готовятся в большом количестве сладости не только для членов семьи, но и обязательно для угощения гостей и соседей, родственников и знакомых, что является древнейшей традицией Навруза.

В последний вторник и сегодня устраиваются гадания, что особенно распространено среди незамужних девушек. Дети в этот день очень любят старинную традицию кидания шапок под двери (папаг атма). Из каждого дома в шапку должны положить сладости. Как и в огненный четверг, в этот вечер во дворах разжигают костёр, люди веселятся и радуются предстоящему главному празднику.

В день Навруза пламя огня присутствует в домах и около них. Даже в городских условиях во дворах устраиваются гуляния, разжигаются обрядовые праздничные костры. Продолжает жить древний обряд очищения огнём – прыжки через огонь 3 или 7 раз, при этом в Азербайджане и Иране проговариваются слова «моя желтизна тебе, твоя краснота мне», что, по мнению Е. А. Дорошенко, относится к зороастрийским традициям [5, с. 72-73].

Большой интерес представляет символика современного праздничного стола. В Азербайджане обязательно должны быть свечи, семь продуктов, начинающихся на букву «с» (семени (проросшая пшеница), сябзи (зелень), сумах (приправа), су (вода), сирке (уксус), сарымсаг (чеснок)), а также крашеные яйца, рыба и зеркало. По зороастрийской традиции, «свечи символизируют память о священном огне, яйцо – символ зарождения жизни, а зеркало как бы является отражением света вселенной» [5, с. 72].

В каждой семье обязательно пекут национальные специально приготовленные к этому дню сладости – шекербура, пахлаву и гогал. Шекербура представляет собой печенье в виде полумесяца с начинкой из протёртого сахара с орехами, что символизирует Луну; пахлава – ромбовидная сладкая многослойная выпечка из меда и орехов символизирует звезду; а гогал – круглая слоёная булка с солоноватым или сладковатым привкусом и местными специями

символизирует Солнце. Центральное место занимает плов, или шах-плов. В каждой семье рецепты приготовления переходят из поколения в поколение, хранится специальная утварь для приготовления.

Одним из главных атрибутов этого дня является семен (пшеница). По сегодняшний день в Азербайджане сохранился древний зороастрийский обычай проращивать семена пшеницы. Сегодня семен присутствует в каждом доме как один из самых главных атрибутов праздника, символизирующий начало новой жизни и изобилие. Это уникальный символ, который встречается как тюрков, так и у зороастрийцев. Самый главный семен находится в центре народных гуляний – у Девичьей башни в Баку, на вершине которой горят праздничные факелы.

Сегодня проросшую пшеницу украшают красной лентой с бантом. Здесь необходимо обратить внимание на символику цветов. Красный – цвет Навруза [10, с. 27-28]. По народным поверьям, красный цвет означает жизнь, свет, Солнце, радость. Красные ленты присутствуют также на свадьбах, что, возможно, является отголоском зороастрийской традиции. Таким образом, в совокупности элементы праздничного стола символизируют собой мироздание.

С 1992 г. в Азербайджане праздник стал отмечаться на государственном уровне. Если до 2006 г. праздничными выходными были только два дня, то сегодня гуляния продолжаются в течение 7-9 дней. Навруз стал весомой частью имиджа Азербайджана: представительства Азербайджана за рубежом, азербайджанская диаспора и Международный Фонд Гейдара Алиева проводят праздничные мероприятия и просветительские семинары в десятках стран по всему миру.

Во всех образовательных учреждениях проходят лекции и выступления профессиональных и любительских коллективов, на центральных улицах и площадях устраиваются художественные выставки, выставки народных промыслов, ярмарки, концерты, различные игры, спортивные состязания и конкурсы, театрализованные представления и шествия. Президента страны встречает с праздничным подносом (хончай) девушка в национальном костюме – Бахар ханум, Госпожа-Весна. Этот образ был введен в 60-е гг. XX столетия [16], видимо, для того, чтобы сделать праздник более нейтральным и адаптированным к социалистической культуре. Среди новых персонажей на современных

государственных гуляниях необходимо отметить Деде Коркуда, старца-сказителя из одноименного тюркского эпоса «Деде Коркуд».

Ещё одной современной тенденцией, связанной с праздником Навруз, является возрождение и популяризация существовавших до революции 1917 г. таких традиций, как вечер Хыдыр Наби. Просветительские мероприятия проводятся Национальной академией наук Азербайджана [17; 18].

Таким образом, Навруз для любого азербайджанца является самым любимым праздником с детства. Это период радости и веселья, возможности провести время в кругу родственников и друзей. Через праздничные ритуалы люди приобщаются к глубинам исторической и культурной памяти. Каждый азербайджанец, справляя Навруз, испытывает чувство глубокой причастности к своей земле – «стране огней». Уникальные геологические особенности региона, богатого нефтью и газом, способствовали укреплению и сохранению зороастрийских традиций. Все основные символы аутентичного Навруза фактически не претерпели изменений, они несут в себе всё тот же смысл благоденствия, радости от наступления нового периода в жизни.

Конечно, за две с половиной тысячи лет Навруз не мог не претерпеть изменений. Так, например, обряд поминания предков остался в рудиментарной форме – принято посещать места захоронений за несколько дней до праздника. Ритуал очищения огнём утратил сакральные смыслы, став сегодня лишь данью древней традиции и возможностью весело провести время. Но главное, что этот праздник через века пронёс главное – гуманистическую идею победы Добра над Злом, призыв к благим помыслам, делам и словам, к миру, добру, отзывчивости, созиданию, творчеству, милости, щедрости и взаимопомощи. Навруз – праздник для всех, он сближает людей самых разных слоев общества. Именно в этом и кроется секрет его долговечности.

Список использованных источников

1. Большаков В. П., Новицкая Л. Ф. Особенности культуры в ее историческом развитии: от зарождения до эпохи Возрождения: учеб. пособие. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2000. 160 с.

2. Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. Москва: Наука, 1980. 416 с.
3. Шкода В. Зороастризм – древнейшая живая религия // Митра. 2002. № 8. URL: <http://zoroastrian.ru> (дата обращения: 12.02.2018).
4. Иванов М. С. История Ирана. Москва: Изд-во МГУ, 1977. 497 с.
5. Дорошенко Е. А. Зороастрийцы в Иране: историко-этнографический очерк. Москва: Наука, 1982. 133 с.
6. Храмовые огни в Азербайджане // Митра. 2004. № 11. URL: <http://zoroastrian.ru> (дата обращения: 12.02.2018).
7. Бойс М. Зороастрийцы: верования и обычаи / пер. с англ. И. М. Стеблин-Каменского; послесл. Э. А. Грантовского. Москва: Наука, 1987. 303 с.
8. Дьяконов М. М. Очерк истории Древнего Ирана / АН СССР. Москва: Изд-во вост. лит., 1961. 444 с.
9. Брагинский И. С. Из истории таджикской народной поэзии: элементы народнопоэтического творчества в памятниках древней и средневековой письменности / АН СССР. Москва, 1956. 496 с.
10. Агаверди Х. Весенние праздники тюркских народов и Новруз. Баку: Наука и образование, 2013. 150 с. URL: <http://folklor.az> (дата обращения: 12.02.2018). На азерб. яз.
11. Борисов А. Я., Луконин В. Г. Сасанидские геммы. Ленинград: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1963. 224 с.
12. Сазманд Б. Новруз: праздник, объединяющий народы / пер. с перс. и коммент. И. Р. Гибадулина. Москва: Садра, 2016. 192 с.
13. Сабироглу Ф. Мифы советского времени о Новруз байрамы: исследование / пер. Г. Зейналовой // Азербайджанский взгляд. 2016. 21 марта. URL: <http://vzglyad.az> (дата обращения: 12.02.2018).
14. Энциклопедия Новруз Байрама / науч. ред. М. Га-сымлы. Баку: Восток-Запад, 2008. 208 с. URL: <http://gakh.cls.az> (дата обращения: 12.02.2018). На азерб. яз.
15. Fathi Habashi. Zoroaster and the theory of four Elements // Laval Univ. bull. hist. chem. 2000. Vol. 25, № 2. P. 109-115.

16. Нури Э. Исторические корни Новруза / Переводческий центр при Кабинете министров Азербайджанской республики. 2016. 30 марта. URL: <http://regionplus.az> (дата обращения: 12.02.2018).

17. В музее отметили праздник Хыдыр Наби. URL: <https://azertag.az> (дата обращения: 12.02.2018).

18. В Музее истории Азербайджана отметят праздник Хыдыр Наби. URL: <https://ru.sputnik.az> (дата обращения: 12.02.2018).

References

1. Bol'shakov V. P., Novitskaya L. F. *Osobennosti kul'tury v ee istoricheskom razvitii: ot zarozhdeniya do epokhi Vozrozhdeniya: ucheb. posobie*. Velikii Novgorod: NovGU im. Yaroslava Mudrogo, 2000. 160 s.

2. Dandamaev M. A., Lukonin V. G. *Kul'tura i ekonomika drevnego Irana*. Moskva: Nauka, 1980. 416 s.

3. Shkoda V. *Zoroastrizm – drevneishaya zhivaya religiya* // *Mitra*. 2002. № 8. URL: <http://zoroastrian.ru> (data obrashcheniya: 12.02.2018).

4. Ivanov M. S. *Istoriya Irana*. Moskva: Izd-vo MGU, 1977. 497 s.

5. Doroshenko E. A. *Zoroastriitsy v Irane: istoriko-etnograficheskii ocherk*. Moskva: Nauka, 1982. 133 s.

6. *Khramovye ogni v Azerbaidzhane* // *Mitra*. 2004. № 11. URL: <http://zoroastrian.ru> (data obrashcheniya: 12.02.2018).

7. Bois M. *Zoroastriitsy: verovaniya i obychai* / per. s angl. I. M. Steblin-Kamenskogo; poslesl. E. A. Grantovskogo. Moskva: Nauka, 1987. 303 s.

8. D'yakonov M. M. *Ocherk istorii Drevnego Irana* / AN SSSR. Moskva: Izd-vo vost. lit., 1961. 444 s.

9. Braginskii I. S. *Iz istorii tadzhikskoi narodnoi poezii: elementy narodnopoeticheskogo tvorchestva v pamyatnikakh drevnei i srednevekovoii pis'mennosti* / AN SSSR. Moskva, 1956. 496 s.

10. Agaverdi Kh. *Vesennie prazdniki tyurkskikh narodov i Novruz*. Baku: Nauka i obrazovanie, 2013. 150 s. URL: <http://folklor.az> (data obrashcheniya: 12.02.2018). Na azerb. yaz.

11. Borisov A. Ya., Lukonin V. G. Sasanidskie gemmy. Leningrad: Izd-vo Gos. Ermitazha, 1963. 224 s.
12. Sazmand B. Navruz: prazdnik, ob"edinyayushchii narody / per. s pers. i komment. I. R. Gibaddulina. Moskva: Sadra, 2016. 192 s.
13. Sabiroglu F. Mify sovetskogo vremeni o Novruz bairamy: rassledovanie / per. G. Zeinalovoi // Azerbaidzhanskii vzglyad. 2016. 21 marta. URL: <http://vzglyad.az> (data obrashcheniya: 12.02.2018).
14. Entsiklopediya Navruz Bairama / nauch. red. M. Ga-symly. Baku: Vostok-Zapad, 2008. 208 s. URL: <http://gakh.cls.az> (data obrashcheniya: 12.02.2018). Na azerb. yaz.
15. Fathi Habashi. Zoroaster and the theory of four Elements // Laval Univ. bull. hist. chem. 2000. Vol. 25, № 2. P. 109-115.
16. Nuri E. Istoricheskie korni Novruza / Perevodcheskii tsentr pri Kabinete ministrov Azerbaidzhanskoi respubliki. 2016. 30 marta. URL: <http://regionplus.az> (data obrashcheniya: 12.02.2018).
17. V muzee otmetili prazdnik Khydyr Nabi. URL: <https://azertag.az> (data obrashcheniya: 12.02.2018).
18. V Muzee istorii Azerbaidzhana otmetyat prazdnik Khydyr Nabi. URL: <https://ru.sputnik.az> (data obrashcheniya: 12.02.2018).

УДК 745.522

Roya Tagieva,
Doctor of Art History, Professor
(Azerbaijan)

THE ART OF AZERBAIJANI CARPET WEAVING IN THE CONTEXT OF INTER-CIVILIZATIONAL DIALOGUE

The article is devoted to the origins of carpet weaving in Azerbaijan, the traditional features of national carpets, their place and significance in the world cultural heritage. Azerbaijani carpets are considered as unique artifacts of national culture; the author refers to a wide range of sources, the corpus of which includes data from ancient archaeological sites, reports of ancient and medieval

authors (including travelers), epigraphic monuments, folklore and classical literature, miniature paintings, paintings by European artists, historical documents, reports of officials, scientific research by European, Russian, American, and Azerbaijani specialists.

Keywords: Azerbaijan; carpet; carpet weaving; national traditions; carpet-making schools; ornament; artistic and aesthetic features.

不同文明对话背景下的阿塞拜疆地毯编织艺术

本文专门介绍了地毯编织在阿塞拜疆的起源，民族地毯的传统特征及其在世界文化遗产中的地位 and 意义。阿塞拜疆地毯被认为是民族文化的独特艺术品。作者引用了广泛的资料来源。其中包括：来自古代考古遗址的数据，古代和中世纪作家（包括旅行者）的报告，碑文的古迹，民间传说和古典文学，微型画，欧洲艺术家的画作，历史文献，官员的报告，以及由欧洲、俄罗斯、美国和阿塞拜疆专家进行的科学研究。

关键词: 阿塞拜疆；地毯；地毯编织；国家的传统；地毯制作学校；装饰；艺术和审美特征

Ройа Тагиева,
доктор искусствоведения, профессор
(Азербайджан)

ИСКУССТВО АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО КОВРОТКАЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ДИАЛОГА

В статье прослежены истоки развития ковроткачества в Азербайджане, традиционные особенности национальных ковров, их место и значение в мировом культурном наследии. Азербайджанские ковры рассматриваются как уникальные артефакты национальной культуры; автор обращается к широкому спектру источников, корпус которых включает данные древнейших археологических памятников, сообщения античных и средневековых авторов (в том числе путешественников), эпиграфические памятники, фольклор и классическую литературу, миниатюрную живопись, полотна европейских художников, исторические документы, отчёты чиновников, научные исследования европейских, русских, американских, азербайджанских специалистов.

Ключевые слова: Азербайджан; ковёр; ковроткачество; национальные традиции; школы ковроделия; орнамент; художественно-эстетические особенности.

Для азербайджанского народа искусство ковроделия – область культуры, в которой отражены его богатый духовный мир, индивидуальные, присущие только ему черты характера, интеллекта, мировоззрения, эстетики и жизненной философии. На протяжении тысячелетий азербайджанцы рождались, жили и умирали на коврах, а ковровые изделия отнюдь не случайно были неизменной частью их быта. Известное многим народам ковроткачество – утилитарное по своему назначению – воплощало в себе и эстетику гармонии, ритма, цвета. Но необходимо было своего рода слияние определённых географических, экономических и социальных условий для превращения ковроделия в подлинное, доминирующее, отражающее эстетическую ценность искусство, которое всесторонне отразило бы суть народной философии, национального характера.

В Азербайджане ковёр всегда оставался основным элементом жизненного уклада, отражая в себе социальные, экономические, политические и культурные изменения в жизни людей и общества в целом. Он присутствует в фольклоре, классической азербайджанской литературе и в произведениях народных певцов-ашугов. Более того, ковёр стал не только предметом быта, но и одной из основных сфер художественного выражения души народа. Даже с изменением в образе жизни, формированием совершенно иной бытовой и художественной среды ковёр не терял своего значения.

Несмотря на все нововведения в материалах, производственных технологиях, эстетике и дизайне, ковёр – одна из поразительных культурных констант. Даже стремительное изменение образа жизни в XXI веке не привело к исчезновению ковра, который встречается и в самых современных интерьерах.

Истоки зарождения ковроткачества в Азербайджане. Истоки зарождения ковроткачества в Азербайджане прослеживаются с эпохи бронзы. Классическому ковроделию предшествовало плетение из растительных волокон различных бытовых предметов типа циновок (хесиров). Для развития этого ремесла в Азербайджане имела богатая сырьевая база в виде различных видов камыша и тростника, льна, крапивы, конопли и многих других растений, пригодных для плетения. Обилие пряслиц периода энеолита, найденных в ходе археологических раскопок по всей территории Азербайджана,

свидетельствует, что ткачество уже тогда было хорошо развито. Об этом же говорят отпечатки тканей на сосудах, остатки примитивных ткацких станков периода энеолита [1, с. 232], а в более поздних памятниках – и остатки самих ковровых тканей.

Дальнейшее развитие получает ткачество в период бронзы и раннего железа. В памятниках того времени также много керамических пряслиц и образцов так называемого керамического ткачества. В археологических памятниках эпохи средней бронзы в Азербайджане обнаружены убедительные доказательства существования простых ткацких станков. Вероятно, в это же время местные ткачи освоили и крашение тканей.

О высоком уровне крашения уже в античный период сообщает Геродот [2, с. 7]. Несмотря на использование в ткачестве эпохи ранней бронзы растительного сырья главным направлением с этого времени становится шерстяное ткачество, чему в немалой степени способствовало интенсивное развитие овцеводства. Во многих археологических памятниках периодов поздней бронзы и раннего железа обнаружены остатки самих тканей, анализ которых показал их шерстяное и льняное происхождение. Именно в это время кочевой образ жизни, связанный со скотоводством, обусловил появление изделий коврового типа: хурджунов, чувалов, хейба, мафрашей и относительно лёгких безворсовых ковров.

Во II тыс. до н.э. зародилось классическое ворсовое ковроткачество. По мнению исследователей, шерстяные ковры уже существовали в это время [3, с. 10]. Так, в г. Маку обнаружена глиняная статуэтка коня, украшенная ковровой попоной с растительным орнаментом [4]. Вероятно, именно тогда ковроделы переняли многие возникшие в более раннем ткачестве орнаментальные мотивы, которые позднее, исчезнув с тканей и керамики, сохранились до наших дней на ковровых изделиях. Так, изначальную формообразующую группу ковровых мотивов составляют древнейшие орнаментальные мотивы, имеющие многовековую историю развития. Для азербайджанских ковров наиболее характерен геометрический орнамент. Азербайджан относится к территориям, где абстрактно-геометрические формы изображений, прослеживающиеся ещё с эпохи бронзы, сохранились в аутентичной стилистической трактовке и в наши дни. Искусство сопредельных территорий не располагает таким древним пластом геометрических орнаментов, вошедших в основу рисунков на коврах. Подобные орнаменты на коврах

широко представлены на древней керамике. Причем налицо повторение не только отдельных элементов, рисунков, мотивов и т. д., но и целых сюжетов и композиций.

Сложные обряды, особенно культ плодородия, были неотъемлемой частью религиозной практики зороастризма, что отразилось на художественном мировоззрении народа. Вплоть до сегодняшнего дня на коврах сохранилась традиционная композиция с чёткими разделением на четыре части с центральным медальоном, связанная с символами солнца и четырёх времён года.

О высоких традициях ковроткачества на территории исторического Азербайджана свидетельствуют памятники искусства и исторические источники. Так, греческий историк Ксенофонт (V в. до н.э.) [5, с. 212] сообщает, что персы научились пользоваться коврами у мидян (одни из далёких предков азербайджанцев). Много сведений о ковроткачестве в Азербайджане можно найти у средневековых авторов. Китайский путешественник VII в. Хуан-Тесанк называет Азербайджан крупным центром производства ковров [3, с. 12-16].

Албанский историк VII в. Моисей Каланкатуйский сообщает о производстве шёлковых тканей и пёстрых, разноцветных ковров в северной части Азербайджана и их использовании в быту знати [6, с. 158-171]. Армянский историк Себеос, сообщая о добыче, захваченной в 628 г. византийским императором Гераклиусом в Нахчыване, упоминает о множестве ковров. Об этом же говорят и данные археологии. В катакомбах VII в. найдены остатки ткацкого станка, орудия труда ковроткача, остатки шерстяных ниток, куски войлока, истлевших ковров и паласов [7, с. 74]. О существовании крупного производства «зилу» и молитвенных ковриков в Нахчыване, Хое, Барги, Билдесе, а также о производстве паласов и красителей марены сообщают арабские историки X в. [8, с. 32-33].

Сведения о коврах часто встречаются в фольклоре, дастанах и, в частности, в знаменитом эпосе XI в. «Китаби Деде Коркуд». Много ценных сведений об азербайджанских коврах можно найти в классической национальной литературе. Так, Низами и Хагани (XII в.) упоминают о коврах, вытканых шёлком с использованием драгоценных нитей [3, с. 8-9]. Интересные сведения о высоком уровне ткачества и ковроделия в Азербайджане имеются и у европейских путешественников эпохи Средневековья. Об уникальных тканях, изготавливавшихся в Тебризе, сообщает в XIII в. Марко Поло. Эти ткани вывозили в Европу венецианские и генуэзские купцы. В это же время француз Рубрук посетил Дербент, Шемаху,

Нахчыван, а также другие города и отметил, что здесь производят много хороших ковров, которыми были устланы полы и стены мечетей и дворцов азербайджанских правителей [9, с. 9].

Но не только жизнь представителей высших слоёв средневекового общества в Азербайджане протекала в окружении ковров. Так, англичане Баннистер и Дукет, побывавшие в Ширване в XVI в., сообщают, что в домах местных жителей мало утвари, за исключением ковров и медных изделий: «Они сидят на полу, на ковре, поджав ноги, как портные. Нет такого человека, даже из самых простых, который не сидел бы на ковре (хорошем или плохом); весь дом или вся комната, в которой они сидят, устлана коврами» [10, с. 34].

Из сказанного видно, что все слои населения средневекового Азербайджана широко использовали в быту ковры и ковровые изделия. В XVI в. в Азербайджан, в частности в Ширван, по волжско-каспийскому пути добрались английские купцы – агенты английской «Московской компании». Англичане А. Дженкинсон, Р. Чини, А. Эдвардес, Т. Баннистер, Е. Дукет оставили ценные сведения об азербайджанских коврах середины XVI в. [11].

Ценные сведения о коврах мы встречаем и у путешественников XVII–XVIII веков. Так, немец А. Олеарий, проехавший от Дербента до Баку, а затем и до Шемахи отмечает, что дома крестьян очень опрятны, а полы устланы коврами. Аналогичные сведения мы находим у шотландского врача Бела, который, будучи на службе в России в 1715–1718 гг., побывал в Дербенте, Баку, Шемахе и Тебризе. Описывая быт жителей Ширвана, он отмечал, что полы там покрывают коврами и циновками, а в Тебризе ведут обширную торговлю тканями и коврами [12, с. 260; 391; 401; 402]. Да и в XIX в. практически у всех путешественников, чиновников, специалистов-этнографов и других исследователей, посещавших Азербайджан, мы неизменно находим сообщения о большом количестве прекрасных ковров, бывших в употреблении у всех слоев населения.

В своём фундаментальном исследовании «Обзор персидского искусства» выдающийся американский учёный Артур Поуп пишет: «Условия в Азербайджане благоприятствовали всем видам искусства, включая ковроткачество... Ковроткачество в Азербайджане должно было быть древним искусством. Неудивительно, что цивилизация в этом регионе возникла в ранний период, а возможно, раньше, чем где-либо. В начале XII в.

ковроткачество в северо-западной Персии (локализуемой Азербайджаном), несомненно, достигло статуса изящного искусства, и вполне возможно, что столь высокого статуса оно впервые достигло именно в этом регионе. Это может объяснить, почему из данного района самых “великих ковров” вышло гораздо больше, чем из всей остальной Персии, вместе взятой» [13].

Анализ письменных источников позволяет утверждать, что на протяжении всего Средневековья, а затем и в последующий период азербайджанские ковры экспортировали, к тому же не только в близлежащие страны Востока, но и в Европу, где они быстро вошли в быт. Несомненно, что на развитие азербайджанского ковроткачества оказывали влияние и многие другие факторы, в том числе политические, экономические и этнические. Кавказский регион с его уникальными природно-климатическими данными всегда привлекал многочисленные племена и народы, которые нередко компактными массами оседали здесь. Все они со временем сливались с коренным населением, принося в его искусство и культуру в целом, в том числе в ковроткачество, свои элементы, многие из которых, переработанные в духе местной художественной традиции, обогащали и развивали художественные особенности азербайджанского ковра. Поэтому в азербайджанском ковре (наряду с таким его устойчивым и доминирующим традиционным принципом эстетического воздействия, как геометрическая трактовка изображений, сочетание образов животных и растительных орнаментов, определённая цветовая гамма) можно встретить и элементы, возникшие в результате взаимодействия с культурными традициями Передней и Средней Азии, а также Ирана, Индии, Китая и других стран. Это было естественное взаимовлияние культур разных народов, находившихся в длительном историко-культурном контакте и обогащавших друг друга. При этом всегда эстетическая ценность азербайджанского ковра заключалась в сохранении в нем традиций древнего ткачества.

Огромную роль в становлении и развитии азербайджанского ковра сыграл Великий шелковый путь. В XIII в. Азербайджан поддерживал тесные торгово-экономические и культурные связи с Китаем. В декоративно-прикладном искусстве и архитектуре Азербайджана появляются китайские мотивы и сюжеты, которые, переплетаясь с местными представлениями, явили миру серию так называемых «драконовых» ковров XVI–XVII вв. Популярным в национальном ковровом искусстве становится изображение дракона.

Мифологические взгляды азербайджанцев с древних времен были связаны с образом дракона, олицетворяющим силу Зла, которое дополняется благожелательным образом китайского дракона. Композиция этих ковров была непосредственно связана с изобразительной традицией Дальнего Востока. Источником мотивов «драконовых» ковров были китайский фарфор и текстиль, которые фигурировали в трансасиатской торговле между Азербайджаном и Китаем.

Дальнейшее свое развитие «драконовые» ковры получают в XIX–XX вв. (вплоть до сегодняшнего дня) в своеобразных композиционных разработках локальных художественных ковровых школ Азербайджана.

Азербайджанский ковёр в Европе. В конце XIII – начале XIV вв. активная торговля вдоль Великого шелкового пути способствовала ввозу в Европу огромного количества ковров из Средней Азии, Азербайджана и Турции. Эти ковры прочно вошли в быт европейцев. О популярности азербайджанского коврового искусства того периода свидетельствуют изображения на фресках и картинах итальянских художников XIV–XV вв.

Сегодня общепризнано влияние ковров на флорентийскую школу живописи и на византийские ткани: цветовая гамма картин раннего итальянского Возрождения отличалась яркостью колорита, цветовыми контрастами, а в декоре тканей преобладали гранатовый узор, кружки с рельефным изображением львов, фигуры драконов, птиц – все эти признаки были характерны и для азербайджанских ковров. Любое искусство может развиваться только на национальной основе. Если художники этой нации ставят и решают мировые проблемы, местные формы искусства становятся общечеловеческим достоянием. Без этого синтеза нет и не может быть искусства.

Активная торговля с Китаем по трассам Великого шелкового пути в конце XIII – начале XIV вв. через Чёрное море, Южный Кавказ, затем Каспийское море и дальше (через Центральную Азию) способствовала ввозу в Европу из Центральной Азии, Азербайджана (Кавказ, Северо-западная Персия) и Турции огромного количества ковров. В массовом количестве азербайджанские ковры попадают в Европу уже в XIV в. И это не случайное явление. В то время находившиеся в упадке после разрушительного монгольского завоевания XIII в. экономика и культура Азербайджана возрождаются, устанавливаются

тесные торговые связи с Европой. Эту торговлю тогда контролировали венецианские и генуэзские купцы.

В средневековой Европе эти ковры были весьма популярны и широко использовались в быту: ими устилали полы, покрывали столы, надгробия, украшали стены. Их часто вывешивали на общественных празднествах, на которых они играли ту же роль, что знамёна и штандарты на современных торжествах в Европе. На картине художника Карпаччо изображены ковры поверх балконных перил на одном из венецианских торжеств. В это время в Европе собирали личные ковровые коллекции. Папство владело коврами со времён Джотто; ковры в инвентарных списках (от 1295 г.) значились как мавританские, турецкие, татарские (азербайджанские) изделия. Хорошо известно, что ковры приобретали великие художники, в частности Рембрандт и Рубенс. Итальянские, нидерландские, французские художники эпохи Ренессанса изображали на своих фресках, полотнах, гобеленах ковры.

Внушительным свидетельством популярности образцов азербайджанского коврового искусства этого периода являются их изображения с мотивами зверей на фресках и картинах итальянских художников XIV–XV вв. Это мотивы «одиночных птиц» на картинах Джотто, Николо ди Буонокорзо, Пиччио ди Симона, Кола ди Петручелли, фрески Амброджио в Палаццо Публика в Сиене; мотив дерева с «противостоящими птицами» на картине Симоне Мартини, на фреске Николо ди Пьетро Джерини «Призвание святого Матвея»; изображения животных на картинах школы Сассета, Таддео Гадди. Ковры, включённые в композиции этих полотен, становились неотъемлемой частью картин, составляли с ними единое целое, формировали общий стиль и колорит произведений. Сегодня общепризнано влияние ковров на живопись Тосканы, византийских тканей: цветовая гамма картин раннего итальянского Возрождения отличалась яркостью колорита, цветовыми контрастами, в декоре тканей преобладали гранатовый узор, кружки с рельефным изображением львов, фигуры драконов и птиц. Все эти отличия были характерны и для азербайджанского ковроделия. Художников Ренессанса привлекала и вдохновляла красота азербайджанских ковров, в изображении мастеров-живописцев они предстали перед современниками и потомками как образцы великого искусства.

Проникнув в быт европейцев, азербайджанские ковры попадали на полотна многих европейских художников и XV–XVI вв. Так, Карабахский ковер «Мугань» мы видим на

картинах Ганса Мемлинга (XV в.) «Мария с младенцем» [14, с. 86] и «Портрет молодого человека» [9, с. 10]. Азербайджанские ковры (гянджинские и газакские) запечатлены на картине немецкого художника Ганса Гольбейна (XVI в.) «Послы», венецианского художника Карло Кривелло (XV в.) «Возвешение» [3, с. 17; 24], другого итальянского художника Антонелло де Мессина (XV в.) «Святой Себастьян». Азербайджанские ковры есть и на фреске собора Санта Мария в городе Сиене художника Доменико де Бартоло «Пестование и женитьба сирот», на картине Доменико Мороне «Рождение святого Фомы», на гобелене «Дама с единорогом» (XV в.) из Франции [15] и на многих других картинах европейских художников [16].

Круг ковров, изображённых на полотнах этих мастеров, значительно расширяется, а эстетикой Ренессанса становятся простые и естественные соотношения и формы, сочные и многообразные колориты, что было характерно и для ковров с геометрическими композициями того времени. Более того, с XV в. в Европе отмечаются имитации азербайджанских ковров, они и сегодня являются неотъемлемой частью европейского быта, ценными экспонатами музеев и частных коллекций.

Азербайджанский ковёр всегда, особенно во времена бурного развития восточной культуры, являл собой синтез многих эстетических начал. Оставаясь по духу своему и организации материала традиционными, ковры вбирали в себя самые разнообразные мотивы действительности, их создатели черпали материал из литературы, творчески осваивали искусство миниатюрной живописи. В этом плане характерно XVI ст., вошедшее в историю Азербайджана как золотой век его культуры. Подлинные шедевры ковроделия того времени сочетали в себе тонкость и изящество миниатюрной живописи, красочность и многообразие цветовой гаммы с традиционным декоративно-плоскостным решением мотивов и условностью колорита.

Вся история развития ковров показывает, что мастера проявляли необыкновенную чуткость к духу времени и общечеловеческим ценностям. Охотничьи мотивы, появившиеся ещё во времена древних наскальных рисунков, традиционное оформление ковров типа «Дорд фасил» («Четыре времени года») с делением на четыре части, отражающим культовое преклонение перед временами года, традиционные элементы национального декора, условная цветовая гамма, чёткое соотношение центрального поля и бордюра ковра, твёрдо

установленные изобразительные приёмы, данные в горизонтальной, диагональной или вертикальной симметрии – всё это неизменно встречается в коврах разных столетий.

Примером чрезвычайной восприимчивости мастеров ковроделия к требованиям своей эпохи могут служить охотничьи ковры XVI в. Великолепие царской охоты, пышность коллективной охоты феодальной знати отображены в коврах в истинно национальном духе и по трактовке сюжетов, и по орнаментальному оформлению. Охота представляется как проявление мужества, человеческой отваги, вечной гармонии и противоборства в природе. Оставаясь по своему духу, содержанию и формам истинно национальными, ковры раскрывают общечеловеческую философию жизни, противоборство стихий, природные закономерности, истинно человеческие чувства: любовь, отвагу, красоту.

Заложенные в глубокой древности эстетические представления о жизни, на протяжении веков воспроизводясь в твердо установленных формах, неизменно развивались. В начале XVI в. именно в Тебризе и Ардебиле в ковроделии разработали и довели до совершенства новый криволинейный растительный орнамент, что послужило импульсом для появления и развития новых композиций «Агаджлы», «Лячак-турундж», «Афшан», «Шейх Сафи», «Шахаббасы». Классические образцы этих ковров, которые американский учёный Артур Поуп назвал великими, встречаются в коллекциях музея Польди Пиццоли (Милан), Музея Виктории и Альберта (Лондон), в Будапештском музее декоративного искусства, в музее «Метрополитен» (Нью-Йорк), в Парижском музее декоративного искусства. Одной из вершин коврового искусства Азербайджана того периода считается тебризский ковер XVI в. «Шейх Сафи», хранящийся в коллекции Музея Виктории и Альберта.

Золотой период XVI в., когда искусство было призвано отражать блеск и могущество правящей династии, в XVII–XVIII вв. сменяется периодом ослабления центральной власти и упадком придворно-декламативного искусства, что способствовало новому возрождению исконно народных традиций. Уже во второй половине XVIII в. (с образованием отдельных самостоятельных государств-ханств на территории Азербайджана) усиливается роль локальных художественных школ. Местные ковродельческие центры быстро освобождались от профессионального влияния художественной миниатюры. Именно в тот период в сознании народа с новой силой зазвучали древнейшие пласты архетипов, что в каком-то смысле можно рассматривать как начало возвращения к изначальной традиции. В коврах

возрождаются народные традиции ковроделия: мы вновь видим плоскостную композицию, геометрическую трактовку орнаментального мотива и раппортное построение (повторяющийся рисунок, являющийся частью орнамента) композиционного сюжета, переосмысленные по-новому, что стало характерным для коврового искусства в XIX–XX вв.

Местные правители-ханы быстро монополизировали всю внешнюю торговлю, в том числе торговлю коврами. В Карабахе, как отмечает М. Д. Исаев, получивший информацию в начале XX в. от старейших ковроделов края, ханы старались в своих резиденциях наладить производство ковров по лучшим образцам. Во многих местах Азербайджана еще в начале XIX в. сохранялись ковровые рисунки и эскизы, которые местные мастера называют «ханчешни», что означает «ханский рисунок». Практически на протяжении всего XIX в. эта традиция продолжала распространяться. Так, в Москве в Государственном историческом музее есть ковёр, изготовленный в селе Хила, недалеко от Баку, с подписью и датой «1801. Карханеи Хила» [16]. Быстрый рост товарного производства ковров в Ширване, Карабахе, Губе, Баку детально изучен уже упомянутым нами русским исследователем М. Д. Исаевым. Он, в частности, отмечал, что ханы взимали с населения налоги ворсовыми коврами и паласами, учитывая возможность их последующей реализации за пределами своих ханств [22, с. 22-23].

Россия, завоевав Закавказье (начало XIX в.), также стала быстро осваивать местный ковровый рынок. Рост производства ковров на экспорт в течение всего XIX в. отмечает С. И. Гулишамбаров [18]. Основными потребителями этих ковров (наряду с Россией, куда, естественно, шла большая часть экспорта) были Англия, Турция, Германия, Франция, США и ряд стран Востока. Экспортная ценность азербайджанского ковра сохраняется и сегодня.

Непрерывно возрастающий интерес к восточным коврам, в том числе азербайджанским, обусловил необходимость их серьёзного научного изучения. В этом контексте пальма первенства принадлежит западноевропейским учёным. Заслуга первых зарубежных исследователей в том, что именно они пробудили всеобщий интерес к азербайджанским коврам, открыли Европе их удивительный мир, эстетику и сложную философию. Другой их неоспоримой заслугой является то, что они впервые выделили основные ковровые зоны Азербайджана (Тебриз, Ардебиль, Гянджа, Газах, Карабах, Губа,

Ширван, Баку), и это деление легло в основу художественной классификации азербайджанских ковров.

Многие западноевропейские ковроделы выявили в различных коллекциях и представили на обозрение широкой общественности ценные образцы азербайджанского коврового искусства от X в. до настоящего времени. Среди работ зарубежных учёных можно отметить исследования А. Риегла, Р. Неуге-бауэра и А. Орендла, Р. Неугебауэра и С. Троля, А. Дилея, В. Боде, А. Поупа, Ф. Келли и М. Гентлеса, Г. Льюиса, К. Эрдманна. Большой интерес вызывают и работы таких современных зарубежных исследователей, как С. Хабари, М. Роперс, И. Мелховер, У. Шур-ман, М. Бехазин, Ф. Леттенмайер, Г. Руэдин, К. Ларсен, Дж. Мей, Ч. Эллис, С. Азади, Р. Райт и др.

Исторические центры ковроткачества в Азербайджане, виды и типы ковров, основные технологические процессы их производства. Зарождение коврового искусства с полным основанием связывается с выделкой безворсовых ковров, выполняющих многочисленные утилитарные функции. «Паласы», «килимы», «джеджими», «шадда», «верни», «сумах», «зили» и многие другие виды ковров использовали для покрытия кибиток, шатров, в качестве пологов и занавесей, покрывали полы. Но именно в изготовлении этих предметов первой необходимости в полной мере стал проявляться художественный гений народа, своеобразие его мышления. Уже на заре становления ткацкого дела безворсовые азербайджанские ковры отличались композиционным богатством, изысканным колоритом, высокой техникой изготовления. Это позволило автору монографии «Восточные ковры», изданной в 1922 г. в Германии, предположить, что ворсовые узелковые ковры впервые появились на Кавказе, поскольку вообще плетёные ткани, в частности килимы именно здесь выделывали лучше, чем в других местностях.

По своим формам, назначению, характеру художественного оформления азербайджанские ковры многообразны. Это подтверждается наличием ковров разных размеров, имеющих определённое назначение. Достаточно назвать несколько их видов: малые «халча» и «гяба», «намазлык» – молитвенные, «тахт-усту», «дошанак» – подстилки у постели, большие «халы», комплекты, состоящие из трех-пяти ковров «даст хали-гяба», предназначенные для просторных комнат, и ряд других. Во всяком виде искусства богатство идей порождает и богатство форм, оттенков выражения. Говоря об азербайджанском ковре,

следует непременно упомянуть об общих тенденциях в ковровом искусстве и о локальных школах отечественного ковроткачества. Классификация ковров всегда условна, поскольку ни одна школа не может избежать влияния другой: даже при обособленной работе мастеров всегда есть национальные веяния, определяющие общие принципы эстетики изделий. В настоящее время по стилям, художественной манере, технологии выделки выделяются семь прославленных школ азербайджанского ковра: Губа, Ширван, Гянджа, Газах, Карабах и Тебриз.

На протяжении многовековой истории ковроткачества в Азербайджане сформировались устойчивые центры ковроделия, возникновение и развитие которых, как отмечалось, было связано с таким основным фактором, как наличие сырьевой базы – овцеводства. Главными среди них на рубеже XIX–XX вв. были Ширван, Губа, Баку, Карабах, Гянджа, Газах, Ардебиль, Тебриз, Урмия и Марага. Губинский ковровый район делится на три подрайона: горный, предгорный и низменный. К горному относится производство, сосредоточенное в сёлах Гонахкенд, Хаши, Джими, Афурджа, Ерфи, Сэ-хюб, Будуг, Гырыз, Джек, Хан, Сал-месоюд. Для губинских ковров характерны высокая плотность тканья, изысканность декора, тонкость колорита. Геометризованные формы орнамента в основном базируются на стилизованных растительных (иногда и на животных) мотивах. Широко распространены медальонные композиции.

Самыми яркими композициями губинских ковров считаются «Гядим минаря», «Гымыл», «Пирыбедиль», а наиболее специфичными, характерными именно для этой зоны – композиции «Алпан», «Губа», «Гаджи-гаиб» и др. Здесь во многих сёлах также изготавливали безворсовые ковры (сумахи, паласы) и ковровые изделия.

Ковры Ширвана отличаются богатой художественной отделкой, плотностью тканья, блеском шерсти, придающим ковру бархатность. Наиболее известные композиции этих ковров: «Габыстан», «Шемаха», «Ширван», «Гашед», «Арджиман», «Джемджемли», «Гар-хун», «Гаджигабул», «Габала», «Сальян» и др. Ширван славился и своими безворсовыми коврами: паласами и килимами, а в древности – сумахами. Мировую известность получили безворсовые ковры, изготавливаемые в сёлах Пашалы и Удулу. Ширван издавна славился и выделкой разнообразных ковровых изделий: мешков (чувалов), переметных сум (хурджунов), мафрашей, попон (чул) и т. д.

Бакинский ковровый район сосредоточен на Апшеронском полуострове. Ковроделие было развито в сёлах Новханы, Нардаран, Бюль-бюли, Фатмаи, Пиршаги, Мардакя-ны, Гала, а также за пределами Апшерона – в Хызынском ковровом гнезде (сёла Хызы, Зарат, Гаади, Новханы, Кеш, Хил и др.). Ковры, созданные в XIX в. в этом очаге ковроделия, принесли ему мировую известность и сегодня хранятся во многих музеях мира.

По своим техническим качествам бакинские ковры в целом сходны с губинскими и ширванскими, но в художественном плане заметно отличаются от них: характеризуются повышенной мягкостью ткани, интенсивными красками, своеобразным художественным вкусом, изяществом отделки. Их основу составляют медальонные и симметричные композиции с геометрическими мотивами, стилизованными растительными элементами. Наиболее распространёнными были композиции «Бакы», «Сураханы», «Герадиль», «Фындыган», «Хиля-афшан», «Хиля-бута», «Апшерон». Кроме того, в Бакинском ковроткаческом районе изготавливали паласы, килимы, хейбя и зили, которые по качеству превосходили аналогичные изделия из других регионов.

Гянджинские и газакские ковры изготавливают в двух центрах: в Гянджинском центре главными очагами производства являются Гянджа, Гедабек, Геранбой, Шам-кир, Самух, а в Газакском – Газак, Тавуз и Борчалы. Наличие в этом регионе крупных городов – Гянджи и Газаха, использующих большое количество ковров, – стимулировало товарное производство. Среди гянджинских образцов выделялись ковры с композициями «Гянджа», «Кехна-Гянджа», «Геда-бек», «Чирахлы», «Самух», «Чай-лы», «Шадлы», «Фахралы», а в композициях казахской группы наиболее популярными были «Шихлы», «Демирчиляр», «Ойсузлу», «Борча-лы», «Газах», «Гарачоп», «Гарая-зы», «Салахлы», «Гачаган», «Ке-мерли», «Гара-коюнлу»; «Гаймаг-лы», «Гейчели». В настоящее время некоторые исторические пункты ковроткачества Газакского очага расположены на территории Грузии, где компактно проживают азербайджанцы, и в Армении, где в своё время (до конца XX в.) они жили во многих регионах.

В Газакхе изготавливали и безворсовые ковры: зили, шадда, верни, мафраши, чулы, хейбя и др. Значительное место здесь занимало производство ковров-намазлыгов. В технологическом аспекте гянджинские и газакские ковры имели (по сравнению с губинскими и ширванскими) меньшую плотность тканья и более высокий ворс.

Карабахские ковры производили в двух очагах – горном и равнинном. В горном в XIX веке доминировали город Шуша и села Дашбулаг, Довшанлы, Гиров, Малыбей-ли, Чанахча, Туг, Таглар, Гадрут, Мурадханлы, Гасымушагы, Губадлы, Гогаз, Мишсе-ид, Багырбейли, Ханлыг, Тутмас. Особенность этого очага в том, что здесь товарное производство в селах было развито слабее, чем в Шуше. Здесь ткали такие ковры, как «Челяби», «Аран», «Годжа», «Ачма-Юмма», «Шабалыд-бута», «Бахманлы», «Мугань». К Карабахскому типу ковров относятся также ковры Талыш-Ленкоранского и Нахчыванского производственных очагов, где наиболее распространенными были ковры «Талыш» и «Нахчыван».

Карабахская зона славится как ворсовыми, так и безворсовыми коврами, а также ковровыми изделиями. Ковры этой группы бывают больших и малых размеров. Особенно популярными считались ковровые комплекты «Даст хали-гебе», которые пользовались большим спросом на внутреннем и на внешнем рынках. В Карабахе производили ковры с низким ворсом и большой плотностью вязки, а также менее плотные ковры с высоким ворсом. Первые в основном были характерны для Шуши и производственных пунктов, расположенных в низине, вторые – для горных. В Карабахе изготавливали медальонные, сюжетные и орнаментальные ковры. К наиболее распространенным композициям относились «Буйнуз», «Балыг», «Дарянур», «Бахчадагюллар», «Сахсыдагюл-ляр», «Ханлыг», «Хан-тирме», «Та-сымушагы», «Минахани» и «Бу-лут».

Тебризская ковровая школа, включающая в себя Тебриз и связанные с ним Ардебильский, Зенджанский, Халхалский, Урмийский, Ма-ранусский, Гарадагский и Марагин-ский ковровые производственные районы, находится в Иране (в Южном Азербайджане). К сожалению, в научных изданиях, в каталогах и экспозициях многих музеев их изделия чаще всего представляются как персидские ковры, что вносит путаницу в вопросы классификации и изучения истории азербайджанского ковроделия в целом.

В Тебризском производственном очаге изготавливают ковры с композициями «Ля-чек-Турундж», «Бута», «Балыг», «Афшан», «Овчулуг», «Сутунлу», «Шах-Аббасы», «Шейх-Сафи». Большинство этих композиций составлено из растительных орнаментальных мотивов, но в сельских производственных очагах традиционно применяют чисто геометрические орнаменты, по стилю и колориту они близки к североазербайджанским центрам производства. В Тебризских коврах господствует тончайший и сложнейший

растительный орнамент с гибкими, мягко переплетающимися формами и изощрённой системой спирального узора. Распределение узора в срединном поле тебризских ковров может иметь «густой» характер (когда заполняется вся поверхность поля) или строиться на принципе медальонного решения.

Именно в Тебризе в XV–XVI вв. сформировались многие ковровые композиции, которые принесли коврам этого региона мировую славу. Исследователи неоднократно отмечали влияние Тебризской ковровой школы на становление ковроделия всего Ирана. В Средние века именно здесь производство ковров с ремесленно-прикладного уровня было поднято на уровень высочайшего искусства.

Центром Халхалского коврового региона являются города Геров и Мияне и прилегающие к ним сёла. Особенность ковров этого очага заключается в характерном золотистом колорите, в рисунках «геров» с позицией «силсилеви-лячек» на светло-коричневом, белом или кремовом фонах.

Ковры Урмийской зоны в композициях и декоре срединного поля повторяют тебризские; специфична для этого региона композиция «тарзи», составленная из сложной бордюрной полосы.

Ковры Гарадагского производственного района отличаются красным, синим и черным фонами с геометрическим или геометризированным растительным орнаментом. Центр этого региона – городок Герме с прилегающими населёнными пунктами Мехрибан, Гераван, Кюльванаг, Киведне, Ходжа. На коврах карадагской школы преобладают композиции «Геллу-гюшели», «Херис», «Гараджа», «Бахшейиш», «Ачма-Юмма», «Сараби».

Ардебильский производственный район (наряду с самим городом Ардебилем и близлежащими сёлами) включает в себя пункты Сераб, Мир, Нар, Мешкиншахер и др. Здесь в основном используют композиции «Даналы» и «Арч», для которых характерна клетчатость срединного поля.

Марандский производственный регион включает города Маранд, Хой, Маку, Салмас, Сафиян и окружающие районы. В целом и в этом очаге сильно влияние тебризской школы. Здесь преимущественно разрабатывали композиции «Лячек-Турундж» и сюжетные ковры типа «Сутунлу».

Марагинская производственная зона включает Марагу, Тилиб, Сангачалы, Бинаб, Халасу, Хаштаруз-чароймаг. Здесь распространены композиции «Ба-лыг», «Лячек-Турундж» и особенно «Гызылгюль», составленные из растительных орнаментов.

Говоря о технологических особенностях ковров Южного Азербайджана, следует отметить, что в Тебризе и Ардебиле, где было сосредоточено высокопрофессиональное производство, изготавливали шелковые ковры, а в Средние века – и ковры с металлическими (серебряными и золотыми) нитями. Здешние ковры отличают очень высокая плотность вязки и низкий ворс.

Традиция азербайджанского ковра сегодня декларирует: «Повторить азербайджанский ковер могут многие, но развить его смогут только азербайджанцы». Сегодня успешное развитие коврового искусства в республике обусловлено заботой о его сохранении. В 2004 году был принят закон «О сохранении и развитии азербайджанского коврового искусства» [23]. В настоящее время по решению правительства начато строительство нового здания Музея азербайджанского ковра.

Вместе с тем, при всей своей самобытности искусство ковроделия Азербайджана развивалось и обогащалось во взаимодействии с культурами многих народов. Наши предки, создавая шедевры народного творчества, ремёсел, передали нам некий знак о вечности бытия в красоте всеобъемлющей гармонии. Многие творения коврового искусства стали историей, некоторые забыты, но навсегда сохранились их заветы: продолжать летопись народной жизни в ярких образах общечеловеческих ценностей, гармонии ритмов и многоцветии.

Список использованных источников

1. Абибуллаев О. А. Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. – Баку, 1982. – 323 с.
2. Латышев В. Известия древних писателей в Скифии и Кавказе. – Т. 1. – СПб., 1890. – 968 с.
3. Керимов Л. Азербайджанский ковёр. – Т. 2. – Баку, 1983. – 279 с.
4. Баррасихайэ тарихи. – Тегеран. – 1939. – № 3.
5. Ксенофонт. Киропедия. – Т. VIII. – М., 1976. – 216 с.
6. Каланкатуйский М. История Агван. – СПб, 1861. – 376 с.

7. История Азербайджана. – Т. 1. – Баку, 1958. – 423 с.
8. Худуд ал-Алем. Рукопись Туманского. – Л., 1930. – 78 с.
9. Алиева К. Безворсовые ковры Азербайджана. – Баку, 1988. – 245 с.
10. Путешественники об Азербайджане / Под ред. Х.Э. Шахмалиева. – Т. 1. – Баку, 1961. – 432 с.
11. Юнусова Л. Торговая экспансия Англии в бассейне Каспия в первой половине XVIII в. – Баку, 1986. – 158 с.
12. Путешественники об Азербайджане. – Баку, 1996. – 523 с.
13. Pope A.U. (ed.), with Phyllis Ackerman. A Survey of Persian Art from Prehistoric Time to the Present. London – New-York: Oxford University Press, 1938–1939; Tokio: Meiji-Shobo, 1965, Vols. VI, III. 110771, 1181a–1184, 1203–4a.
14. Бабенчиков М. Народное декоративное искусство Закавказья. – М., 1948. – 176 с.
15. Тагиева Р. С. Гобелен с ширванским ковром // Бакинский рабочий. – 1997. – 11 января.
16. Гулиев М. Азербайджанские ковры на двух полотнах европейских художников XV в. // Докл. АН Азерб. ССР. – Т. XXX, 1969. – № 7.
17. Исаев М. Ковровое производство Закавказья. – Тифлис, 1932. – 224 с.
18. Гулишамбаров С. Обзор фабрик и заводов Закавказского края. – Тифлис, 1894. – 414 с.
19. Зедгенидзе Я. Производство ковров и паласов в городе Шуше Елисаветпольской губернии. СМОМПК, 1891. – Вып. – 11. – 179 с.
20. O’Vannon G. Oriental Rug Review. – April/May 1990. – P. 12–16.
21. Pope A. The Myth of the Armenian Dragon Carpet // Jahrbuch der asiatischen Kunst. – Leipzig, 1925. P. 150, 152.
22. Formenton F. Das Bush der Orientleppiche. – Stuttgart, 1974. – P. 26, 27.
23. Закон «О сохранении и развитии азербайджанского коврового искусства» от 7 декабря 2004 года, № 799-III.

References

1. Abibullaev O. A. Eneolit i bronza na territorii Nakhichevanskoi ASSR. – Baku, 1982. – 323 s.
2. Latyshev V. Izvestiya drevnikh pisatelei v Skifii i Kavkaze. – T. 1. – SPb., 1890. – 968 s.
3. Kerimov L. Azerbaidzhanskii kover. – T. 2. – Baku, 1983. – 279 s.
4. Barrasikhaie tarikhi. – Tegeran. – 1939. – № 3.
5. Ksenofont. Kiropediya. – T. VIII. – M., 1976. – 216 s.
6. Kalankatuiskii M. Istoriya Agvan. – SPb, 1861. – 376 s.
7. Istoriya Azerbaidzhana. – T. 1. – Baku, 1958. – 423 s.
8. Khudud al-Alem. Rukopis' Tumanskogo. – L., 1930. – 78 s.
9. Alieva K. Bezvorsovye kovry Azerbaidzhana. – Baku, 1988. – 245 s.
10. Puteshestvenniki ob Azerbaidzhane / Pod red. Kh.E. Shakhmalieva. – T. 1. – Baku, 1961. – 432 s.
11. Yunusova L. Torgovaya

跨文化研究中心简介

为响应和服务“一带一路”倡议，进一步推动阿塞拜疆语言大学孔子学院与浙江省“一带一路”重大项目建设，深入探索高校建设跨国别、跨文化综合研究平台的有效模式和可行性路径，对“一带一路”沿线重点俄语国家进行多领域的前瞻性国别与区域研究，打造“一带一路”学术交流平台，增强中国作为“一带一路”倡议国的引领示范作用与国际影响力，2017年12月湖州师范学院、中国社会科学院信息情报研究院、阿塞拜疆语言大学、白俄罗斯教育科学院、乌克兰教育科学院共同成立了跨文化研究中心。

跨文化研究中心将目标定位于打造区域与国别研究基地、建立学术思想与研究智库、建设教育文化交流中心以及搭建经贸合作服务平台。首先，中心将立足国内，重点聚焦阿塞拜疆、白俄罗斯、乌克兰三个“一带一路”沿线核心俄语国家，逐渐辐射至沿线其他俄语国家，积极联合目标国家与国内有影响力的高校、科研院所在各研究方面的优势与特色，开展多学科综合研究，努力培养“一带一路”沿线俄语国家相关领域研究人才，努力建成教育部国别和区域研究基地；其次，按照教育部《中国特色新型高校智库建设推进计划》要求，以“民间为主、政府参与、坦诚对话、凝聚共识”为宗旨，以“一带一路”沿线俄语国家为对象，围绕双边战略问题和重点、热点、难点问题，加强人才队伍建设，开展前沿的学术研究，打造相关学术研究与人才智库；再次，以学校俄语专业、历史学、国际商贸、涉外旅游、艺术、中国传统文化等相关学科为主体，阿塞拜疆语言大学孔子学院为核心交流平台，大力推动与“一带一路”沿线俄语国家高校、相关机构间师资互派、艺术巡演、长短期学生交换互访等交流活动，打造服务“一带一路”倡议的教育文化交流品牌；最后，依托国家发改委“一带一路”重点项目、湖州市“十三五”规划“六重”平台与湖州作为“世界丝绸之源”、国际生态文明先行示范区等特色经济社会优势，提供信息咨询服务，推动浙江省及其他国内地区与相关国家科研开发、企业合作、社会服务等方面合作，带动区域经济共同发展。

跨文化研究中心主要涵盖四个研究方向，分别为外交与政治研究、教育与语言研究、经贸与旅游研究以及文化与社会研究。首先，以“一带一路”沿线俄语国家为重点，配合学校

相关学科专业与科研成果，开展包括国际政治、比较政治、政治经济等在内的政治学领域研究与包括文化外交、经济外交、多边外交等跨学科综合研究；其次，立足于我校 100 年的师范教育办学历史，结合“一带一路”沿线俄语国家的教育研究新趋势，特别是苏霍姆林斯基教育思想等重要学术理论与学术思潮，开展跨文化研究领域中的比较教育研究、中国与“一带一路”沿线俄语国家青少年教育等相关课题，充分发挥我校“明体达用”的教育思想，打造具有国际视野的先进教育理论实践平台；再次，以“一带一路”沿线俄语国家社会经济与贸易政策为重点研究对象，聚焦能源开发、基础设施建设、金融服务、休闲生态、文化产业等不同经济领域，开展跨文化经济贸易领域中的专项研究与比较研究，搭建面向目标国家的政治、经济和法律的咨询服务与行业指导系统；最后，积极协调统筹中国音乐、舞蹈、武术太极、中医理疗文化等领域的校内外教学与研究资源，联合孔子学院研发更多中华文化课程与相关俄语教育资源，推动中医、太极等中华文化走出国门。积极开展“一带一路”重点俄语国家在社会、人文、艺术等领域的特色文化研究，同时开展丝绸文化、湖笔文化、茶文化等区域文化研究，打造体现中国地方特色的跨文化研究品牌。

跨文化研究中心结合四大研究方向和学校各下属学院的学科专业优势，实行“4+2+1”运行模式，即“4 个研究部”+“2 个展示馆”+“1 个期刊与网站运行办公室”，每个研究部分别直接挂靠一个或多个实体学院，由学院负责研究团队的整合和研究项目的服务对接。其中学术期刊编辑与网站运行办公室负责跨文化研究中心的具体事务和协同运行。

通过湖州师范学院、中国社会科学院信息情报研究院、阿塞拜疆语言大学、白俄罗斯教育科学院、乌克兰教育科学院等多方合作，研究中心主动对接“一带一路”倡议，立足湖州，面向全球，以跨文化平台建设、团队培养、成果培育、项目争取、论坛交流和产业协同为抓手，打造区域与国别研究基地、建立学术思想与研究智库、建设教育文化交流中心和搭建经贸合作服务平台，同时有效汇聚政产学研各方创新资源和要素，通过“校地合作、项目驱动、动态管理、产学研用协同”，建立起“开放、流动、竞争、协作”的运行体制与机制，在多方共同努力下将跨文化研究中心建成具有中国特色、在国内有一定影响的高水平研究平台。

跨文化研究中心组织结构图如下：

